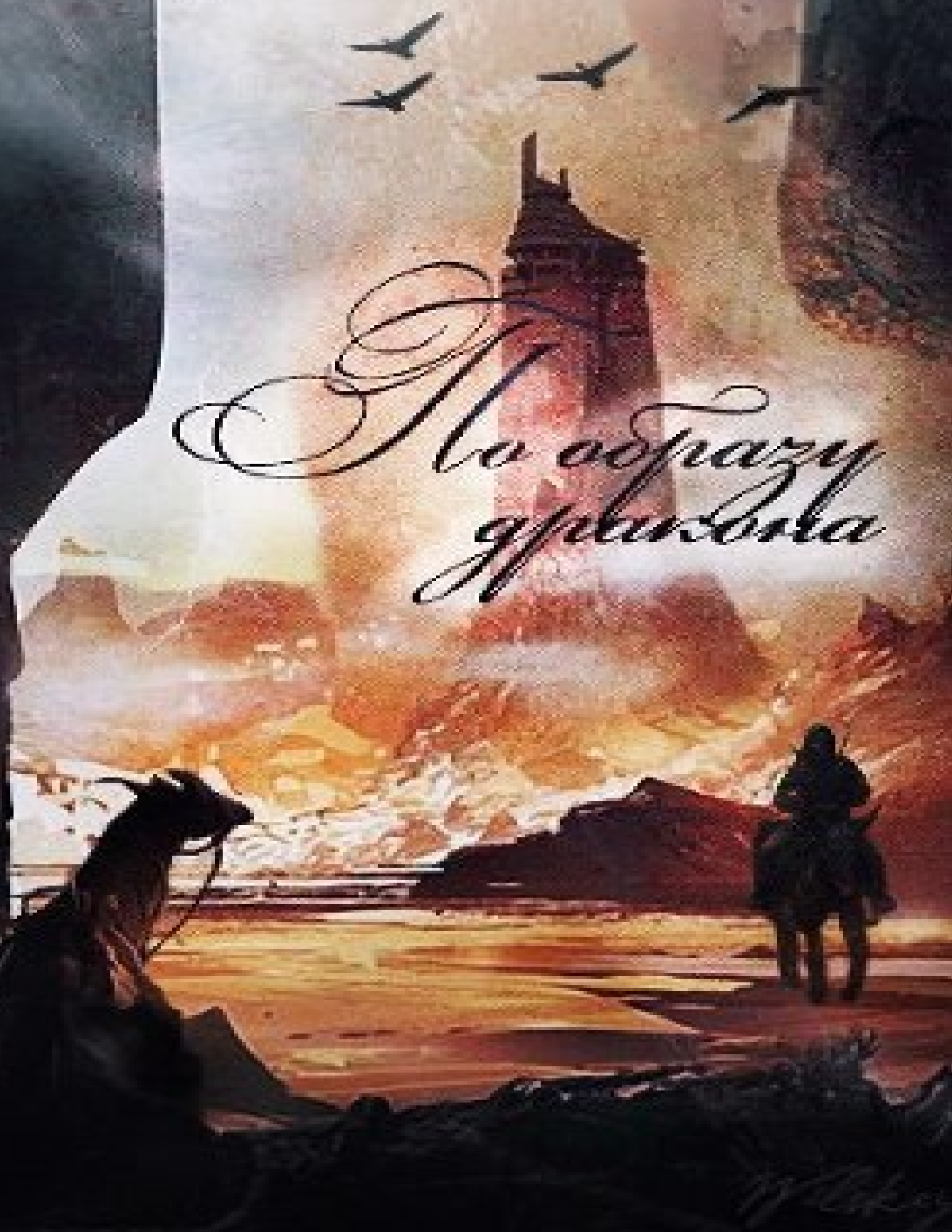

Серж Брюссоло
Serge Brussolo

*На образу
древности*

Загадочный мир, в котором странствующий рыцарь всего лишь пешка в играх древних богов... Где камни говорят, а драконы подстерегают неосторожных... Есть те, кого дождь убивает, и те, кого он воскрешает. Те, кто умирает в зубах драконов, и те, кто обращается в камень, чтобы спастись от пламени пустыни. Есть боги-карлики, чье безрассудное искусство создало две враждебные расы. И есть Боа, немая девушка-оруженосец, и Нат, рыцарь в гибких доспехах. А дорога сквозь пески подчас полна неожиданностей, даже для тех, кто не боится смерти...

От переводчика. По этому роману в 2003 году был снят красивый полнометражный мультфильм «Дети дождя». Но от первоисточника (романа) в мультфильме остался только антураж, событийная линия ПОЛНОСТЬЮ изменена. И если мультфильм ориентирован на зрителей от 6 лет и выше (как и полагается мультфильмам), то книга адресована аудитории постарше.

Переводчик: Tatyana Polla

Серж Брюссоло
ПО ОБРАЗУ ДРАКОНА

Каучуковые рыцари

— Все, что заключено в образе дракона, суть зло, — говорил жрец. — Единственный свет, который можно увидеть в его глазах — это свет ненависти. Вот почему вы не должны иметь другой цели кроме как убить, и еще раз убить. Только убить.

Их было десять. Десять юношей в доспехах, преклонивших колени среди обжигающего песка пустыни. Нат не было нужды поворачивать голову, чтобы их сосчитать. Он и так прекрасно знал их число, ведь он был одним из них. Как и его товарищи, перед собой он держал круглый щит, как и они, ощущал палящие лучи солнца на назатыльнике своего шлема с широким забралом, оставляющим для обзора лишь узкую прорезь.

Доспехи были черными. Песок в ослепительном свете казался бежевым, дюны и скалы тоже выглядели лишенными красок, выбеленные дневным огнем, — так забытое на веревке белье пропекается полуденным зноем.

Пространство впереди утрачивало линии; они словно испарялись в ярком сиянии. Солнце стирало контуры, размывало очертания предметов.

— Сезон огня заканчивается, — продолжал внушать жрец. — Дни солнца сочтены. Скоро небо заполнят облака, и на нас вновь обрушатся дожди.

Нат нервно моргнул. Хотя сияние солнечных лучей не причиняло ему ни малейшего беспокойства, — как и все его соплеменники, он мог без ущерба для себя прямо смотреть на дневное светило, — но церемония напутствия затягивалась, и он ощущал боль в коленях. За его спиной возвышалась скала; на каменной поверхности пласты минеральных наслоений складывались в затейливый узор. Чуть повыше находились гроты, и среди них — его, Ната, родные гроты, о которых он изо всех сил старался не думать. Через несколько минут он отправится в странствие-поиск, и на этом прямом пути, уводящем за горизонт, у него уже не будет права оглянуться, чтобы посмотреть назад.

Несмотря на жару — семьдесят градусов по Цельсию, а под прямыми лучами и все восемьдесят — Нат пока еще не вспотел. Что правда, то правда — обитатели пустыни издавна жили в гармонии со зноем.

Справа внезапно заскрипел песок, и, хотя шлем давал лишь ограниченный обзор, Нат разглядел высокий силуэт Раццы, верховного жреца, также облаченного в водонепроницаемую кирасу. Старик сделал пару шагов, затем замер лицом к равнине и медленно поднял голову к небу традиционным движением караульщиков облаков и часовых дождя. Но сейчас это был всего лишь ритуальный жест. Сезон дождей только предстоял, и на протяжении еще нескольких недель небо не омрачится ни единым облачком.

Рацца повернулся; в ярком свете каждая деталь его одеяния казалась обведенной тонкой теневой линией, словно очерченная мягким карандашом. Нат заметил, что от времени и зноя резина на доспехе верховного жреца местами лопнула. Множество мелких трещин разбежалось по гибкому каучуку щита, шлема и поножей. Впрочем, у каждого из коленопреклоненных юношей состояние брони было не лучше. Эластичное покрытие шлема и кирасы, высыхаясь на солнце, превращалось в пористое вещество, изборозженное сетью разрывов. Нат поморщился: на его собственных доспехах в области бедра зияла дыра, а концы перчаток начали расслаиваться.

Рацца затянул напутственную песню, на которую глухим эхом отозвался хор обитателей гротов. Непроизвольно Нат пытался услышать в этом густом бормотании знакомый голос, но

тщетно.

— Сезон огня заканчивается, — наставлял жрец. — Дни солнца сочтены. Скоро небо заполнят облака, и на нас вновь обрушатся дожди. Пройдет шесть месяцев, целых шесть, прежде чем вернется живительный зной. Полгода нам дрожать под ливнями, прятаться от ураганов в глубине пещер. Полгода спасаться от драконьего голода...

При этих словах по скальным гротам прокатился горестный ропот, состоящий из детского плача и стенаний женщин.

— Вы не хуже меня знаете, — продолжал обряд старейшина, и его голос становился все более хриплым, — порождения ила вот-вот проснутся от спячки, а с ними проснется и их ненасытный голод. Многие из нас погибнут прежде, чем истекут эти шесть месяцев, многие не увидят, как вновь восходит небесный огонь. Каждый год это время становится для нас временем смерти. Но сегодня мы благословляем в путь рыцарей-искателей! Еще вчера они были детьми, завтра они станут нашими защитниками. Они несут в своих сердцах ненависть к самому облику дракона, презрение к водному народу, отвращение к насельникам болот. Они сделают все, чтобы уничтожить злодеев, все, чтобы пресечь ежегодное истребление, от которого мы страдаем. Благодаря их смелости, благодаря их жертве, кто-то из женщин и детей избежит этой зимой жестокой смерти под дождем, в зубах прожорливого хищника...

Ему пришлось прерваться, потому что ветер, наполненный песком, уносил его слова далеко за дюны. Нат закрыл глаза. Песок, поскрипывая, ударялся о гребень его шлема, царапал потускневший каучук кирасы. Ветер... Ветер означал, что время жары на исходе, он был тревожным предзнаменованием, предвестником бурь. Незадолго до того, в самом сердце пещер, старейшины держали совет. Жрецы не могли ничем обнадежить. Часовые облаков с самого начала лета мрачно качали головами, им вторили медиумы и провидцы. Осязатели вод (как их обычно называли), основываясь на собственных ревматических болях, были единодушны: сезон дождей предстоит ранний. Стада облаков уже начали свое кочевье. Скоро белизна неба угрожающе вспенится клубящимися ордами, зловещей кавалерией, предтечей потопа. Необходимо без промедления снарядить рыцарей-искателей и отправить их через необозримое пространство пустыни в путь без возврата. Путь, к которому их готовили долгие годы.

Рацца был против. Новый отряд не был достаточно обучен. С каждым сезоном возраст неофитов неуклонно снижался. Скоро они будут вынуждены посвящать детей и подростков, а то и вовсе женщин! Совет старейшин все это понимал, но приходили дожди, а с ними просыпались драконы... Пришлось ускорять обучение, вооружать совсем юношей. Их снабжали традиционной каучуковой броней: закрытым шлемом с окном-прорезью, щитом в виде зонтика, который можно поднять над головой, дабы уберечься от ливня, кирасой, перчатками. Странные эластичные доспехи; шлем, главная и единственная задача которого состояла не в том, чтобы отражать колющие удары, а — быть водонепроницаемым. Молодых людей учили ходить, бегать, становиться на колени, будучи облаченными в эту черную каучуковую оболочку.

Подростки обычно смеялись им вслед и дразнили «лягушками». Взрослые хмурили брови и сжимали челюсти, чтобы подавить мрачные мысли, поднимавшиеся из глубины души. Женщины охали:

— Десять! Еще одна десятка, которая никогда не вернется! И такие пригожие парни! Вот уж беда, беда!

Да, им сочувствовали, им воздавали честь, но при первых признаках дождя их без

всякой жалости забрасывали в пустыню.

Воздух внутри резинового шлема казался обжигающим. Нат вдохнул полной грудью, стараясь избавиться от горечи, которая раздражала горло. Жара усилилась, и доспехи теперь плотно сдавливали тело, как горячая припарка. Кираса обвисла складками, одарив молодого человека весьма непривлекательным пузом. Про себя Нат решил, что как только окажется за дюнами, то в первую очередь сбросит защитный костюм и засунет его в седельную сумку.

Рацца шел вдоль ряда коленопреклоненных рыцарей, поверх шлема осеняя каждого ритуальным благословением. Нат попытался припомнить имена своих товарищей. Тоб, Акарис, Ульм... Хотя зачем? Через час он останется один, или почти один, лишь вдалеке будет виднеться скала, а племя солнцепоклонников исчезнет как мираж в мареве раскаленного воздуха. Только Боа, служанка-грум, будет трястись позади на вьючной лошади, голая, зажата между тюками. Вот тогда уж точно, страница будет перевернута...

Внезапно жрец остановился около него. Перед опущенным взором Ната возникли его поножи, расслоившиеся и пошедшие складками, и сгибы наколенников, также угрожавшие растрескаться в недалеком будущем. Нат горько улыбнулся, подумав, какую жалкую силу они собой представляют — нелепая кучка всадников в дырявых панцирях. Сколько еще они могли бы поддерживать иллюзию? Но затем ему вдруг стало стыдно за столь кощунственные мысли, и он дал зарок наложить на себя наказание. Сегодня же вечером он велит Боа открыть наудачу книгу покаяний и объявить ему первую епитимью, которая попадетсся ей на глаза.

Словно угадав его мысли, Рацца задержался возле него. Рука старейшины в черной эластичной перчатке легла на шлем Ната.

— Ты самый лучший из них, Нат, — тихо сказал жрец. — Не забудь об этом, когда придет момент. Сделай свой выбор и убей. Это то, чему тебя учили. Глаза и уши да не подведут тебя, а голос твой пропоет боевую песню. Это все. И не забывай: в образе дракона заключена смерть.

Затем длинная тень старейшины отодвинулась на несколько шагов назад. Жрец поднял руки к небу. Лошади, которых удерживали девушки-грумы, испуганно заржали и нервно заметались по загону, взрывая песок. Нат попытался различить в этой разноголосице крик Кари, своего рыжего жеребца, и с неким удовлетворением подумал, что уж кто-кто, а его Боа знает, как обращаться с лошадьми. Раз она держит в руках поводья, то наверняка Кари даже гривой не тряхнул, успокоенный ее присутствием. Вслед за мыслями о рабыне, перед глазами возник ее образ: плоское лицо, маленький, почти отсутствующий нос, глаза-щелки. Длинные черные волосы с торчащими вихрами спадают до зада, маленького и крепкого. Очень темная кожа и — как у всех ее сородичей-гидрофагов — огромные груди, словно бы отнятые у антилопы и в шутку приделанные к ее мелкому телу. Нат уже знал, что Боа станет в его поисках настоящим козырем. Истинным козырем.

— Час расставания пробил! — внезапно провозгласил Рацца. — Ваша миссия начинается. Летите, как свет, разрушайте, как пожар. Помните, что вы — дети пламени. В вас заключена ярость людей солнца, людей зноя, людей лета. С этого мгновения вы становитесь рыцарями огня. По коням!

Грумы подвели лошадей, чьи вертикальные зрачки сузились до предела под натиском ослепительного света. Как Нат и думал, его Кари был единственным, кто не кинулся рыхлить землю: его копыта остались глянцевыми. Нат вскочил в седло, ощутил шелковистую

гриву коня и запах его пота. Едва просунув ноги в стремяна, Нат приказал себе смотреть только вперед, приковать взгляд к линии горизонта, вернее, к той области, где земля и небо сливаются в одну густую пелену.

Отдав последние наставления, которые Нат уже не слушал, Рацца торжественно хлестнул каждого коня по крупу. Вновь раздалось ржание, и кони ринулись бешеным галопом, оставляя позади себя вихри песка.

Через десять минут этой отчаянной скачки Нат сверился с компасом, вделанным в луку седла, и заставил Кари направить свой бег точно в нужную сторону. Боа уже отставала на несколько корпусов. Неудивительно: с вьючной лошастью, несущей на себе столь ценный груз в обтянутых тонкой кожей ящиках, нельзя обращаться иначе как очень бережно.

Север... Вот они и начали свой путь на север, навстречу дождям, крохотные рыцари ничтожной армии, идущие в атаку на черные тучи, на горы клубящейся влаги, откуда вскоре прольется их смерть.

«Вы — герои нашего народа, людей солнца, — не раз говорил им Рацца, великий мастер поиска. — Вы герои неравной битвы, заранее обреченной на поражение, но каждая рана, нанесенная врагу, означает для нас одну спасенную жизнь...»

Нат спустился с гребня дюны. Отсюда он по крайней мере больше не мог видеть скалу. Нат натянул удила, чтобы дать время Боа догнать его. Она была немой, как и все рабы-гидрофаги, которым, перед тем как взять их в услужение, отрезали язык, чтобы между хозяином и слугой не установилось никакой привязанности. Однако здесь, среди пустыни, присутствие этого существа неожиданно стало важным.

Нат покосился на нее. На ее тщедушном теле с выпирающими костями огромные груди выглядели каким-то уродством. От неровной трусцы ее лошадки эти объемистые железы соударялись, и Нат отчетливо слышал слюдяной шелест наполняющих их кристаллов. На мгновение ему стало тревожно.

— Ты все еще сухая? Уверена? — крикнул он.

Боа утвердительно кивнула и, бросив поводья, охватила ладонями свои соски и прижала их друг к другу, после чего нарочитой улыбкой дала понять, что ей совсем не больно, а значит, в ее груди нет сейчас ни капли жидкости. Это успокоило Ната, и он сосредоточил свое внимание на дороге.

Неписанный устав странствий требовал от рыцаря посвящать долгие часы своего безмолвного пути подведению итогов собственной короткой жизни, дабы явиться в иной мир в полном согласии с самим собой. Но с течением лет возраст искателей снижался, и на подведение итогов требовалось все меньше времени. Да и к какому заключению мог бы прийти Нат? Он ничего не знал, кроме наставлений Раццы, закопченных от дыма пещер для ритуалов, испытательных состязаний, отрешения. Нет, у него не было никаких подлинных воспоминаний. Но, возможно, это к лучшему: ему не о чем будет жалеть в решительный момент. Здесь Нат прикусил язык. Подобные мысли недостойны искателя. Он должен быть преисполнен ликования, ведь ему предстоит такое великое дело; он должен раздуваться от гордости, он... Все так, но его сердце словно окаменело. Нат убеждал себя: это лишь ступор из-за отъезда, временное оцепенение оттого, что все вдруг так круто изменилось.

Но внушение не помогало. Он вспомнил о своем намерении подвергнуть себя наказанию. Непременно, сегодня же вечером он исполнит свое решение! Хорошая епитимья,

выбор которой он предоставит случаю... и рукам Боа.

Чтобы избавиться от мрачных мыслей, Нат погрузился в созерцание простиравшейся вокруг белесой голой равнины. От вида этой чистой красоты у него комок подступил к горлу. Как он любил эту пылающую пустоту, эту мертвую обнаженность камней — высохших, раскаленных, покрытых трещинами. Нетронутое пространство, мучительно-прекрасное небытие, чье сверкающее великолепие научил его любить Рацца. Лицо Ната искажилось под каучуковым шлемом. Подумать только, всего через несколько недель все это будет разрушено дождями! От непрерывных ливней вода постепенно проникнет сквозь затвердевшую корку песка, размочит ее. Семена, спящие глубоко под поверхностью, там, куда лучи солнца не отваживаются заглядывать, распустятся почками, выбросят щупальца побегов к обложенному тучами небу. И в немыслимо короткое время пустыней завладеет зеленая скверна. Деревья, кусты, трава... Этот суетливый мягкотелый мир листьев и тягучих растительных соков. Леса и луга поглотят величественную наготу песка, зеленая язва распространится по всей планете; это будет время дождей, росы, непреходящей сырости. Невыносимая влажность превратит воздух в тошнотворный туман, пропитанный запахами гниющей земли. А в довершение всего, отвратительные цветы раскроют свои яркие венчики и начнут испускать зловоние...

Да, природа перейдет в наступление... Ужасная природа, порожденная водой, порожденная мочой грозовых облаков. А наводнения! А озера, пруды, реки! Их высохшие русла снова наполнятся бурлящими потоками... Для обитателей утеса тогда начнется тревожное время. В пещерах специальные патрули будут то и дело осматривать стены, отыскивая места проникновения болезнетворных паров влаги. Начнется время осушающих огней, время ревностно поддерживаемых очагов. Груды рабынь-гидрофагов в два раза увеличатся в объеме, превратятся в тугие шары плоти с проступающими изгибами вен.

Снаружи, у порога пещер, будет бродить смерть — драконы, пробудившиеся с дождем, драконы, голодные после спячки. И тогда женщины и дети начнут исчезать.

Нат так сжал кулаки, что наполовину расслоившиеся перчатки оставили на его ладонях липкий след.

Шесть месяцев. Надо выдержать шесть месяцев, прежде чем вернется зной, прежде чем солнце вновь обретет свою силу и выжжет всю растительность. Тогда листья пожелтеют и станут жесткими, как змеиная кожа. Деревья начнут валиться, а трава превратится в жалкие клочья соломы. Цветы будут зиять мертвыми чашечками, едва прикрытыми обгоревшими лепестками. Вместе с жарой придут лесные пожары; они ускорят разрушение.

И уж тогда они выйдут из пещер! Выжившие обитатели скалы столпятся у порога своих гротов, чтобы посмотреть, как очищающее пламя несется к горизонту. Отвратительный зеленый покров будет поглощен огнем, на месте сожженных джунглей вновь утвердится пустыня, простор, лето... Драконы, эти хищники дождя, кинутся прочь от новоявленного пекла, ища спасения в оцепенении, превращаясь в окаменелости с едва тлеющей жизнью.

Сезон огня подарит детям огня шесть месяцев беззаботной жизни. Затем цикл войдет в следующую фазу, и борьба продолжится вновь.

Нат встряхнулся. Солнце уже почти скрылось за дюнами. Знаком он велел молодой служанке заняться ночлегом.

Погруженный в свои мысли, он, оказывается, проехал четыре часа без единой остановки. Сейчас утомленные животные едва плелись, опустив головы до земли. Нат спрыгнул на песок, отстегнул седло, ослабил подпругу и при помощи Боа снял с себя эластичные доспехи. Каждый предмет облачения — шлем, набедренники, поножи — служанка отряхивала от пыли, посыпала тальком и бережно скатывала в рулон, после чего убирала в деревянный кофр. Нат остался по пояс голым. Кожа у него была загорелой, подевичьи шелковистой, а отсутствие волос на груди выдавало его молодость. Тем временем Боа распрягала выючную лошадь. Нат непроизвольно сделал движение рукой, увидев, как она ставит на песок ящики, обтянутые тонкой кожей. Он чуть было не крикнул: «Осторожно!», но это было лишним: рабыня все делала так, как надо, ее тщательно обучили выполнять подобную работу. Боа вырыла руками углубление в земле и уложила в него опасный груз, накрыв его густым слоем песка. Гипертрофированные груди мешали ей свободно двигаться, и ее раздражение проявлялось в подрагивании жестких прядей, сбегаящих по спине.

Нат наклонился и поискал в седельной сумке книгу наказаний, небольшой том в переплете из толстой плохо выдубленной кожи с крупными складками, которая до сих пор, спустя много лет, источала животный запах. Резким движением он протянул книгу Боа.

Служанка вздрогнула и в замешательстве вскинула брови. На мгновение Нат подумал, что она откажется, но это было невозможно: слишком хорошо ее приучили к подчинению. Боа взяла книгу и нерешительно провела пальцем по корешку. Длинная черная прядь волос размеренным движением поднималась и опускалась, хлеща ее по заду — так кошка бьет хвостом по земле в такт своему возбуждению. Наконец, Боа наугад открыла книгу, — скрипнул затвердевший от времени переплет, — бесстрастно пробежала глазами страницу и вернула том Нату, чтобы тот мог прочесть выбранный сонет. Молодой человек, стараясь сохранять невозмутимость, как их тому учил Рацца, встал на колени. Умерщвление плоти входило в кодекс чести рыцарей-искателей; считалось, что ежедневный опыт боли укрепляет презрение к смерти и равнодушие к страданиям.

Боа достала из мешка небольшой глиняный кувшин, заткнутый пробкой из непромокаемой ткани, и вытащила затычку. Внутри находилась темно-красная масса, из которой торчала роговая рукоятка маленькой лопатки. Боа взялась за нее, зачерпнула содержимое сосуда и провела лопаткой по обнаженной спине Ната. Вначале тот почувствовал лишь легкое покалывание, но затем боль усилилась настолько, что его тело выгнулось. Нат сжал зубы, чтобы не застонать. Боа отступила от него, убрала мазь в специальный ларец и продолжила приготовления к ночлегу.

Разъедающая боль от прикосновения красного перца была такой сильной, что Нат не мог стоять на месте. Хуже, чем ожог полуденного светила, когда его лучи пропущены сквозь стекло лупы. Не будь его тело так обезвожено, он бы заплакал от боли или обмочился. Но он являлся сыном солнца, и подобные «мокрые» проявления были ему незнакомы.

Когда приступ жгучей боли прошел, Нат завернулся в покрывало и положил под голову седло. Он чувствовал себя опустошенным.

«Я победил боль, — подумал он с удовлетворением. — Теперь я намного сильнее, чем еще час назад!»

Гробница богов-карликов

Посреди ночи Боа принялась его будить. Видя, что Нат не желает просыпаться, она вонзила ему в плечо свои ногти. Нат вскинулся и хотел было возмутиться, но рабыня закрыла ему рот рукой. Она успела затушить песком походный костер, и теперь их освещал только слабый свет звезд. Лицо молодой служанки выражало тревогу, ноздри настороженно раздувались. Она дотронулась до своего правого уха, а затем обвела рукой стену мрака, которая их окружала. Несомненно, она что-то слышала: шаги, а может быть, голоса...

Нат откинул покрывало и ползком стал пробираться к расщелине в скале. Боа последовала его примеру. Они продвигались синхронно, бедро к бедру, плечо к плечу. И снова Нат обратил внимание, что огромная грудь явно стесняет служанку в движениях.

Когда их лопатки коснулись каменистых сводов, Боа перевернулась на спину и протянула ему короткий меч, который она позаботилась захватить из оставленного арсенала. Нат выругался про себя: как он мог об этом не подумать? Его чувство благодарности уступило место раздражению. Чересчур резким движением он выдернул оружие из рук рабыни. Сразу затем снова вернулась тревога, и Нат напряг слух. Предоставленные теперь самим себе, лошади встряхивались, натягивая привязь. Нат сжал пальцы на рукояти меча. Ночной ветер свистел над дюнами, без конца меняя их очертания. Его завывание складывалось в монотонную песню, в которую вторгался хруст сухих сучьев, усеивавших землю, — остатков прошлого зеленого сезона. Подобный размеренный шум могло производить только живое существо, пробирающееся сквозь тьму, — дикий зверь, подстерегающий добычу, или... дракон?

Нат передернул плечами. Это глупо: никто из их кровных врагов не сможет выйти на охоту до первых дождей. Нет, это что-то другое... Но что? Он слышал немало историй о созданиях, населяющих пустыню, историй, в которых правда была неотделима от выдумки. Как наставлял его учитель Рацца, Нат несколько раз провел лезвием плашмя по каменной стене. Раздался пронзительный, почти невыносимый металлический скрежет; его эхо далеко разнеслось по песчаной равнине. По правде говоря, это был не более чем традиционный акт устрашения, способ дать знать противнику, что у тебя имеется стальное оружие и что ты готов пустить его в ход. Враг это поймет, и если в его распоряжении есть только деревянная дубина или кремневая палица, он предпочтет обратиться подобру-поздорову.

Через минуту хруст прекратился, но затем раздался вновь, теперь уже двигаясь куда-то в сторону. Никаких сомнений не оставалось: из темноты за ними наблюдают чьи-то глаза. Нат уже хотел было выпрямиться, но рука Боа вцепилась ему в плечо. Отталкивая ее, он замешкался, а затем услышал, что шаги удаляются. Под покровом ночи нависла невидимая угроза. Молодой человек был озадачен. Зверь? Но в сезон жары в пустыне почти нет животных, разве что мелкие рептилии, в большинстве своем не опасные. Здесь можно встретить только рыцарей-искателей... А драконы и их хозяева спят сейчас каменным сном. Так что это?

Нат сердито вонзил меч в землю. Двойное лезвие закрипело, проходя сквозь кремнистую почву; резкий звук царапнул по раздраженным нервам.

Боа на четвереньках подползла к погасшему кострищу и уселась на пятки, марая колени в угольной золе. Нат не сомневался: она просидит так до рассвета, сторожа сон своего хозяина, а завтра будет вынуждена привязать себя к луке своего седла, чтобы не упасть с

лошади, когда ее глаза начнут сами собой слипаться.

Он выругался сквозь зубы. Порой ему казалось, что Боа опекает его, как ребенка, несмотря на то, что он старше ее. А иногда у него создавалось впечатление, что своими беспримерными и немного снисходительными стараниями она пытается дать ему понять, насколько ее природные инстинкты и ее сообразительность превосходят его собственные.

Нат отыскал покрывало и закутался в него.

На этот раз он без происшествий проспал до рассвета. Когда он встал, лошади были уже оседланы и поровну нагружены поклажей; к спине одной из них были приторочены опасные ящики, обтянутые тонкой кожей.

Продевая ногу в стремя, Нат вспомнил слова Раццы, сказанные им на одном из первых занятий.

«Имя нашего народа включает в себя всю его историю, дети мои. Оно происходит из древнего языка, на котором уже никто не говорит, забытого наречия, возможно, рожденного в устах некоего бога, кто знает? Мы есть гидрофобы, слышите вы? Гидрофобы... Вникните в эти звуки; каждый из них воспевает наше проклятие. «Гидро» есть искаженное слово «гидор», что означает «вода». Ну, а «фоб» происходит от «фобос» — «страх». Мы есть те, кто боится воды, те, кого избыток жидкости может убить или заставить потерять человеческий облик. Да, вода превратит вас в чудовищ, дети мои, в ужасных монстров, которые бегут от своих сородичей. Ваше тело, ваш организм создан, чтобы жить в гармонии с пустыней, с безводьем. Ваши ткани нуждаются лишь в незначительном количестве жидкости, дабы избежать обезвоживания; вам достаточно капли, нескольких капель воды на язык, чтобы поддерживать процессы обмена. Содержимого одной бочки хватило бы для выживания среди песков колонии в сто человек в течение десяти лет.

Истину говорю вам. На исходе дня, после долгого бега через пустыню, на исходе недели, после непрерывного перехода под палящим солнцем, вам хватит одной росинки на кончик языка, чтобы справиться с жаждой... Вам неизвестно отвратительное действие, называемое «питьем», которое состоит в том, чтобы набираться как бурдюк, наполнять свои внутренности немислимым количеством жидкости. Затем она плещется в животе, превращая человека в ходячую бочку... Нет, боги засухи уберегли вас от этой скверны! И за это вы вечно обязаны их благодарить...

Но есть и другие, те, кто это непотребство возвели в обычай. Они наливаются через верх и опустошаются через низ. Каждый час им необходимо потреблять невероятное количество «напитков»: два стакана, три стакана... А то и больше! Я слышу ваши недоверчивые возгласы... Я нисколько не преувеличиваю! Я видел, и боги мне свидетели, я видел, как человек на моих глазах за четверть часа поглотил содержимое двух кружек, тогда как жара едва ли достигала 70 градусов! Это может показаться безумием, абсурдом, но ваши молодые сердца должны мне поверить. Я заявляю: пока подобные явления существуют, мы должны их бояться!

Да, есть племена, что живут вот так, рабы влаги, пленники непрерывной подпитки. Живые сосуды, постоянно наполненные соками, от которых они вынуждены освобождаться через низ живота! Я вижу ваши гримасы отвращения, но мой долг — раскрыть перед вами все безобразие этих выродившихся существ! Повторяю вам: они высвобождаются через свои половые члены! Низводя священный орган зачатия до уровня сливной трубки! Беды да

поразят их! Жалкие создания, которые смешали в одно опорожнение и оплодотворение, которые вот так марают самую благородную часть своего тела — ту, что дает жизнь.

Вы спросите меня: как же их женщины могут зачать и произвести потомство при таких условиях? Все просто: они практикуют те же обычаи! Так запомните мои слова: никто из них не заслуживает пощады. Они есть грязь, а вы, сыновья засухи, вы должны иметь в голове лишь одну цель: истребить их, пока они не уничтожили нас... Вы есть чистота. Вас насыщает солнце: день за днем его сияющий поток, проникая в вашу кожу, превращается в питательный субстрат. Вы кормитесь его лучами, вы едите его свет. Каждая полоса спектра снабжает вас различными жизненно необходимыми элементами, которые поддерживают ваши исходные биоэнергетические резервы. Ваши родители успели научить вас: есть через рот можно только в сезон дождей, когда солнце покидает небо, когда тяжелые тучи подвергают нас смертельному обстрелу и когда мы вынуждены искать убежища в пещерах.

Вы все это знаете, но не лишним будет и повторить, потому что мне известно, что многие из вас предпочитают голодать и чахнуть, чем принимать пищу оральным путем. Они не правы. Прибегать к помощи языка и зубов не порицается, когда речь идет о выживании. Не надо играть на руку нашим врагам! Свет, который дают огни в пещерах, не достаточно мощен, чтобы насытить вас и сделать из вас сильных людей, воинов, а возможно, — позднее, — рыцарей-искателей...»

Однажды Тоб, один из соучеников Ната, высказал возражение:

— Учитель, я вас слушаю и не могу понять вот что: мы боимся воды, пусть так, однако... Ведь как-никак и мы, гидрофобы, до верху наполнены жидкостью, разве нет?

— О чем ты?

— Ну, посмотрите... Кровь, что бежит по нашим венам! Содержимое плаценты, в котором плавают зародыш! И все это нас не убивает... Как же так?

Рацца снисходительно улыбнулся.

— Все правильно! Потому все эти субстанции внутри нас отличаются по своему химическому составу от воды! От дождевой воды, если быть точным. В этом разница! Наши жизненные соки не имеют ничего общего с теми, что поддерживают людей дождя. Именно воды вам следует опасаться, и особенно той воды, что извергают смертоносные облака!

* * *

Нат поднял глаза к небу. Огненный диск излучал во все стороны нестерпимое сияние. Безупречная чистота небесного свода ободрила его. Еще долго здесь не появится ни одного облачка, и сейчас он не сомневался: прорицатели ошиблись! Ну, так что здесь невероятного? С возрастом патриархи из совета старейшин становились все более осторожными...

Нат расслабил сведенные напряжением мышцы. Он был полностью обнажен, так, чтобы сияние зарождающегося дня могло поглотить его целиком, окутать своим благотворным ореолом. О ночных событиях он почти забыл. Чуть ранее он для очистки совести сделал небольшой крюк, объехав по кругу свою стоянку, но ничего не обнаружил. Впрочем, это ничего не означало, поскольку ветер пустыни имел досадное обыкновение стирать все следы во мгновение ока. Ночной гость не оставил ни малейшей подсказки, по которой его можно было бы угадать. Да и стоило ли гадать, ведь простого скрежета стального лезвия по камню оказалось достаточно, чтобы обратить пришельца в бегство?

Солнечный свет, как всегда, оказывал на него пьянящее воздействие, и Нат чувствовал себя отлично. Бурные химические процессы, протекающие под его кожей, наполняли его эйфорией; еще немного — и он пустил бы Кари в галоп по дюнам, полностью отдавшись удовольствию от скачки. Впрочем, конь, чья физиология подчинялась тем же законам питания, взмахивал гривой, играл передними ногами, резвился, как молодой пони, который только и мечтает, что взбивать копытами песок пустыни. Нату приходилось натягивать удила, чтобы сдерживать его пыл.

В ста шагах позади медленно тащилась Боа. Борясь с дремотой, которая то и дело накатывала на нее, и опасаясь скатиться под ноги своей лошади, Боа приторочила себя к луке седла. Нат нахмурился, охваченный непонятным раздражением. Но почему он должен чувствовать себя виноватым? Слуга выполняет свой долг, вот и все. В конце концов, умереть вместе со своим хозяином, рыцарем-искателем — не это ли есть высшее счастье для раба? Женщины-гидрофаги, которых попросту называли «губками», обычно погибали очень молодыми, и погибали страшной смертью. То, что она сопровождает искателя, должно наполнять Боа гордостью. Однако в глазах служанки Нат не замечал подобных чувств.

Вздыхнув, он сверился с курсом. Синяя стрелка компаса по-прежнему показывала на север. Вокруг простирался все тот же пейзаж. Холмы сменялись холмами, дюны уступали дюнам. Порой Нат пытался взять за ориентир какой-нибудь каменистый гребень необычной формы, но быстро утрачивал определенность. Проскакав три километра, он начинал сомневаться, эту ли скалу он выбрал за указатель. Все утесы походили друг на друга, и когда Нат оборачивался в седле, чтобы оценить пройденное расстояние, ему приходилось признать свое поражение. Вон та низкая каменная пирамида в тени? Или, может, тот базальтовый выступ, который эрозия сделала острым, как лезвие? И сколько они прошли — один лье, или два, или три?

Нат передернул плечами: жест, означающий у него, что он желает выкинуть проблему из головы. Чтобы снять напряжение, он стал методично расслаблять мускулы, начиная от икр, и заканчивая плечами. Когда его тело полностью расслабилось, его сознание вытеснилось в самый тайный уголок мозга. В «уголок подведения итогов», как называл его Рацца. Внезапно, так, что он даже не успел подготовиться, его ударило воспоминание, побежало по нервным волокнам, неудержимое, как короткое замыкание. Воспоминание детства...

Сколько лет ему тогда было? Восемь? Шесть? Возможно, и меньше, но эта сцена врезалась в его память в мельчайших подробностях.

... Родос, его отец, тяжело бежит, таща за собой сына. Каждый его шаг болезненно отдается в плечо ребенку. Нат начинает хныкать. Они бегут уже больше часа по широкой равнине, что на западе; его ноги устали и болят, но Родос не слушает его жалоб: ему страшно. Каждые две минуты он поднимает лицо к небу, и в его зрачках, расширенных, несмотря на яркий свет, читается тревога.

Тем утром он разбудил сына и тихонько сказал ему с хитрой улыбкой заговорщика:

— Мы сейчас отправимся на запад, мой мальчик, — при этом отец приложил палец к губам. — Я там обнаружил россыпи зеркальных камней, о которых пока никто не знает. Если нам удастся набрать мешок, это будет настоящей удачей. Этого хватит на всю зиму. Но надо спешить. Если нас опередят, сокровище уйдет у нас из-под носа.

Дальше можно было не продолжать. Безумно гордый собой, Нат вскочил, закинул за

плечо кожаный мешок, который протянул ему Родос, и выбрался из своей каменной ниши со всеми предосторожностями, чтобы не разбудить мать и сестренку Джубу.

Словно два вора, они прокрались через общую пещеру, обманув бдительность часовых дождя, пробрались через каменные завалы и по вентиляционным шахтам спустились до уровня земли. Уже начинался сезон дождей. Несмотря на свой юный возраст, Нат понимал это. Выходить за пределы пещер, в которых обитал клан, считалось тяжким нарушением законов Совета. Но властители были стары, иссушены, как охапка соломы. Да и несли всякий вздор... Тогда как Родос, загорелый и мускулистый, с белой гривой волос и бородой, золотистой, отливающей платиной, уж конечно лучше знал, что ему надлежит делать!

Без лишнего груза, одетые только в кожаные набедренные повязки, отец и сын быстро продвигались по затвердевшему песку равнины, перескакивая, словно антилопы, через каменистые гребни, не позволяя своему дыханию сбиться. Однако в это время года солнце вступало в фазу упадка. Появились первые признаки ослабления его мощи: лучи, особенно по утрам, уже не были такими яростными и палящими. Два дня назад часовые облаков официально объявили завершение сезона засухи и запретили детям огня покидать пещеры на шесть ближайших месяцев. Но находились отважные (по большей части неисправимые следопыты), кто, в обход запрета, старались по полной использовать безопасное время, пока не появились первые облака. И Родос был как раз из таких.

На этот раз игра стоила свеч: зеркальные камни, необыкновенно редкие, обладали свойством в десять раз увеличивать яркость света, исходящего от костров и смолистых факелов, которые жгли в пещерах на протяжении сезона дождей. Более того: эти природные отражатели усиливали именно ту полосу спектра, что отвечала за питание. Одна свеча, горящая рядом с таким камнем, давала пламя столь же ослепительное, как молния, прорезающая небо. Если какой-либо семье удавалось запастись этими светоусиливающими кристаллами, сезон дождей больше был ей не страшен. Поддерживать себя можно было просто светом факелов, а небольшие камни обменять на разные ценные вещи. Социальный статус такой семьи внутри клана мгновенно менялся. Тот, кто сумел добыть свет, доказывал этим свою отвагу и презрение к опасности. Очень часто эти люди в будущем становились старейшинами...

Нат едва поспевал за отцом, опьяненный бегом и мыслями о забрезжившей возможности избежать на предстоящие шесть месяцев ужасной необходимости есть через рот, этого отвратительного ритуала, к которому он так и не смог привыкнуть. Следовало принести побольше камней, полные мешки, пусть даже от этого кожа у них на плечах сотрется до кости. Потому что, к несчастью, со временем камни теряли свою мощь. Бульжник величиной с кулак полностью вырабатывался за две недели. Чтобы продлить камням жизнь, их зарывали в землю или заворачивали во что-нибудь непрозрачное, словом, хранили так, чтобы на них не падал никакой свет.

Собранных камней должно быть достаточно не только поддержания своей семьи, но также для подношения старейшинам и жрецам: пренебречь этим означало навлечь на себя множество мелких неприятностей, на которые те были большие мастера.

Около полудня Родос остановился у подножия каменной пирамиды высотой в три локтя. Составляющие ее блоки слегка разошлись; за ними угадывалась камера, наполненная предметами, назначения которых Нат не знал. Зеркальные камни были впечатаны по

периметру гробницы, образуя подобие примитивного фриза. Родос тут же уселся на колени, достал свои инструменты и принялся выковыривать кристаллы. От нервного напряжения он слегка задыхался, и Нат едва разобрал его слова, когда отец обратился к нему:

— Возьми-ка те просмоленные лоскуты, сынок! — Родос говорил шепотом, словно боялся разбудить древние мумии, погребенные в этом склепе. — Будешь аккуратно заворачивать каждый камешек. Как только солнце перестанет их подпитывать, они начнут терять свою силу. А в темноте они просто заснут.

Он испустил смешок и добавил:

— Можно сказать, это замороженный свет!

Нат едва сдержался, чтобы не хохотнуть в ответ. Начиная с какого-то времени нервозность отца передалась и ему. Он занялся своей работой по укладке камней. Каждый кристалл Нат заворачивал в черный кусок ткани; его пальцы, а затем и ладони скоро оказались выпачканы. Родос кряхтел и вполголоса ругался; его удары все чаще били мимо цели. Он расколол один из камней, приведя его в негодность, и ранил себя в запястье. Нат находился поодаль. Мешок наполнялся медленно. Было очевидно, что Родос недооценил крепость впайки этих погребальных украшений. Следовало спешить; их вылазка начинала принимать опасный характер.

В очередной раз подойдя забрать камни, Нат отважился бросить взгляд внутрь миниатюрной пирамиды. Ему показалось, что он различает контуры очень маленького саркофага. Гробница карлика... Или ребенка? Ходили легенды (их обычно рассказывали в пещерах у костров), что некогда миром правила раса гномов. Народ богов-карликов, чья могущественная магия породила гидрофобов... и драконов. Но никто не знал, насколько правдивы эти бабушкины сказки. В памяти детей огня не сохранилось воспоминаний о подобном культе, и могилы, что были разбросаны тут и там среди песков, не были для них священны. Впрочем, встречались они все реже, год за годом медленно поглощаемые дюнами.

Родос уже приступил ко второму ряду камней на фризе, когда ветер внезапно усилился. По голым спинам отца и сына прошелся шквал, потом еще один... Подняв голову, Нат увидел, что небо больше не было таким ослепительно белым.

— Отец, — Нат робко дотронулся рукой до бугристого бедра мужчины. — Не пора ли?.. Это похоже на...

Но Родос не слушал его. Поглощенный своей работой он не замечал ничего вокруг. Значение имел только угол наклона зубила да та сила, которую следовало приложить, чтобы вытащить камень из оправы. Он ударял, расчищал, поддевал. С каждым кристаллом, украденным у мумий богов-карликов, возрастала его, Родоса, влияние. Простой следопыт, он поднимался до ранга начальника отряда, затем до распределителя жилья. Он становился главным управляющим в пещере, его избирали в совет гротов, он...

Облако, появившееся на горизонте, было похоже на притаившегося зверя, который принохивается к ветру. Нат почувствовал, как от страха его суставы онемели, а пальцы впились в песок, словно желая спрятаться в нем. Рыхлая громада водяного пара клубилась над дальними дюнами, затем, будто решившись, она пришла в движение, и мальчику открылось ее черное брюхо, наполненное дождем, ее чрево, из которого сеялась смерть. Но, несмотря на охвативший его страх, Нат не осмелился еще раз окликнуть отца.

Наконец Родос оглянулся, словно почувствовав на своем затылке взгляд свирепого

хищника. Он побледнел. Бросив свое зубило, он закинул на плечо мешок, схватил Ната за руку и бросился бежать.

Позади них туча набирала стремительность, разрасталась во все стороны щупальцами цвета сажи. Нат задыхался, хватал ртом воздух, у него невыносимо кололо в боку. Он бежал из последних сил, стараясь не отстать от отца, когда вдруг провалился по колено в песок, проломив утратившую прочность кромку, и вывихнул лодыжку.

— Быстрее! — простонал Родос. — Быстрее!

Но, увидев, что мальчик не в состоянии тронуться с места, он взвалил его на плечо и побежал дальше. Спотыкаясь от тяжести, он теперь продвигался зигзагами.

— Брось камни! — взмолился Нат. — Прошу тебя, брось камни! Мы вернемся, мы захватим с собой доспехи, мы...

Но Родос не слушал. Он бежал все медленнее, не разбирая пути, тяжелыми шагами раненого животного, но с маниакальным упрямством цеплялся за свое сокровище. Он отлично понимал, что не обладает ни достаточным богатством, ни высоким положением в иерархии клана, чтобы иметь водонепроницаемую броню, один из этих черных каучуковых панцирей, которыми так гордились старейшины. Для того, чтобы удостоиться чести хоть на день заполучить доспех, ему пришлось бы продать жену и дочь. В этом можно было не сомневаться.

Как только они перевалили через линию дюн, безнадежность их положения стала очевидной. До скалы, в пещерах которой обитало племя, оставалось еще больше часа быстрого ходу. От того места, где они сейчас находились, до горы, которую им никогда не следовало покидать, их отделяла пустыня. Плоская гладкая поверхность, отшлифованная тысячами эрозии. Туча, эта чудовищная машина из пара, уже нагоняла их; ветер усиливался с каждой секундой. Родос понял, что бегство бессмысленно; он развернулся и бросился назад по своим собственным следам.

— Не туда! Не туда! Обратно! — закричал испуганно Нат.

Он забился в руках отца, но хватка только стала еще тверже.

— Слушай! — выдохнул Родос едва слышно. — Мы не успеем добраться до пещер, слишком поздно, вот-вот хлынет дождь. Ты должен выполнить все, что я себе скажу, ты понял меня?

Нат кивнул. Его веки конвульсивно дергались от рыданий — бесслезных рыданий гидрофоба. Он всем телом ощущал, как бьется сердце его отца. Теперь они двигались под темным навесом тучи. Когда Родос опустил его на землю, мальчик увидел, что они вернулись к пирамидальной гробнице, возле которой они проработали не разгибаясь все утро.

— Смотри! — приказал Родос, лихорадочно сверкнув глазами. — Сейчас ты пролезешь внутрь через эту расщелину. Ты достаточно мал, и если скрючишься хорошенько, то сможешь там поместиться. Мешок укрой своим телом, его ты потом отдашь своей матери. Никому его не показывай! Когда начнется дождь, заткни уши, закрой глаза и жди. Не выходи, пока солнце не высушит песок. Ты понял? Не раньше! Потом возвращайся к скале, но постарайся, чтобы тебя никто не увидел. Ты все понял? Ну, давай быстрее!

— А ты? Ты?

Не отвечая, Родос поднял его до уровня щели на середине высоты гробницы. Нат забился.

— А ты? Куда денешься ты? Там слишком тесно для двоих...

— Не беспокойся об этом. У нас, у взрослых, есть одна уловка. Нет времени объяснять! Ничего не забудь! Мешок!

Нат ощутил легкое прикосновение отцовских губ, и это его испугало, потому что обычно Родос не позволял себе подобного проявления чувств. Затем щель надвинулась на него, и он оказался внутри гробницы, ободрав плечи, руки и колени. Здесь, под сводом пирамиды, царила ночь; Нат сидел верхом на одном из саркофагов и не мог переменить положения, настолько пространство было тесным.

Снаружи Родос при помощи гальки спешно заделывал щель, стараясь не оставить ни одной бреши, сквозь которую могла бы проникнуть вода. Как только он закончил, раздался такой раскат грома, что основание гробницы содрогнулось, и тут же по стенам ударил дробный перестук, который Нат сразу распознал: это был шум дождя. Услышав, как застонал Родос, Нат закрыл уши руками. Но его ладони были не достаточно плотны и не могли заглушить криков боли, невыносимых воплей агонии, что еще целый час доносились снаружи.

Шквал бушевал над гробницей всю ночь, потом день, потом еще одну ночь. Нат свернулся калачиком на крышке саркофага. Камни, хоть они и были обернуты в два слоя ткани, впивались ему в бока. Сорок часов подряд он прислушивался к шуму дождя. Миллионы капель, что обрушивались на его убежище как миллионы когтей. Порой он чувствовал, что сходит с ума. Нат не сомневался: этот бесконечно терпеливый ливень в конце концов разрушит гробницу. Под потоками воды пирамида начнет ветшать, а ее стены будут становиться все более хрупкими. И вот, капли уже просачиваются сквозь них с такой же легкостью, как сквозь намокший лист бумаги.

Нат дрожал от холода, задыхался в темноте. Его тело, лишенное укрепляющей световой подпитки, все больше слабело. Он почти умирал, и смерть эта была тем более нелепой, что он продолжал сжимать в руках свое сокровище — отражающие камни, бесполезные в отсутствии света. Им снова овладел приступ сухих рыданий, а затем усталость взяла верх, и он провалился в сон. Нату приснилось, что саркофаг открывается, и мумия карликового бога хватает его за горло и утягивает в свой ужасный гроб, чтобы наказать за кражу камней.

После нескольких часов сна его разбудило ласковое ощущение солнечного тепла на плече. Нат настолько ослабел, что был вынужден ждать, пока его организм не превратит световой поток в питательное вещество. Золотистый луч проникал сквозь трещину и рассекал мрак склепа безупречно прямой линией, словно проведенной по линейке. Нат перевернулся на спину и подставил свой живот под прикосновение этого нежного пальца.

Достаточно набравшись сил, Нат поднялся на цыпочки и толкнул торфяную пробку, которой Родос закупорил узкую щель. Она покачнулась и выпала, рассыпаясь на части. В гробницу хлынул поток ослепительного света. Нат просунул голову в образовавшуюся брешь и позвал отца. Он сам не знал, зачем сделал это. Наверное, он не хотел признавать правду. Наверное, хотел убедить себя, что все случившееся было лишь дурным сном...

Было около полудня; солнце высушило верхний слой песка, покрывавшего долину, но здесь и там еще оставались широкие участки влажной земли, похожие на большие цветы с ядовитыми лепестками. Нат счел за благо развернуть два светоотражающих камня и из укрывавшей их просмоленной ткани смастерил себе кое-какую обувь. Покончив с этим, он

поискал, что еще надо сделать, — только для того, чтобы потянуть время, — но, ничего не придумав, стал выбираться из гробницы.

Несмотря на солнце, дул свежий ветер, и ясно ощущалось, что живительное явление огненного светила есть не более чем приступ агонии, последний вызов сезону дождей, некая бравада. Нат спрыгнул на землю, испещренную мелкими кратерами. Слипшийся после дождя песок под его пятками заскрипел и пошел трещинами. «Отец?» — позвал Нат еще раз.

А потом он увидел... это.

Он ожидал чего-то подобного, но все же не смог сдержать крика ужаса.

Родос успел добраться до склона дюны в надежде спрятаться в песок, как это обычно делали следопыты, застигнутые плохой погодой. Но ливень не оставил ему времени зарыться в землю. Дождь обрушился на него, побежал по его коже смертоносным потоком. Каждая его клетка, привычная к жажде, начала впитывать воду как губка, растягиваясь все больше и больше, пока не разрывалась совсем. Его тело утратило твердость, кожа раздулась под действием этих чудовищных дрожей. Конечности и торс утроились в объеме, превратив богатыря Родоса в нечто ужасное, в бесформенную студенистую медузу, в человекообразный пузырь с полупрозрачной кожей, сквозь которую в глубине просвечивали кости.

Нат сделал три шага назад, не отрывая взгляда от этого скелета, который словно эмбрион плавал в желеобразной плаценте. Расширенными от шока глазами он напрасно пытался различить черты лица, рот, нос... Нат не видел ничего, кроме колышущейся массы, переполненной влагой, после того, как внутренние органы лопнули один за другим словно надутые воздушные шары. Губка... Родос превратился в человеческую губку. Его организм, которому обычно достаточно было одной капли на кончик языка, чтобы восполнить запас жидкости, не перенес дождя. Предел насыщения был пройден, и тело разорвалось на сотни частей, в которых дождевая вода смешалась с плотью.

Нат попытался, не в силах заставить себя отвернуться от этой... кучи, от этой массы, которую смерть настигла на склоне дюны, и вид которой порождал в нем сострадание, смешанное с отвращением.

Лишь завидев, как на горизонте вновь начинает клубиться туча, Нат смог освободиться от своего ступора. Теперь его накрыла паника, и он как сумасшедший бросился бежать к скале. Это был бег из кошмарного сна, когда несешься во всю прыть, но остаешься неподвижным, из последних сил работаешь ногами, но не продвигаешься ни на йоту.

Нат бежал, мешок с камнями царапал ему кожу на спине, он бежал прямо на угасающий диск солнца, а по пятам за ним летела туча. Каждую секунду он ожидал почувствовать первые тепловатые капли. Они вонзятся в его плечи, вызвав красные волдыри. Они...

Подстегиваемый страхом, Нат мчался к скале, даже не пытаясь прятаться. Часовые дождя, облаченные в черный каучук, заметили его еще далеко на равнине — крохотный силуэт на фоне медленно возрастающей клубящейся громады.

Нат кинулся к прорубленной в скале лестнице, почти на четвереньках вскарабкался по ступеням и нырнул под защиту каменного свода в тот самый миг, когда небо рассекла первая молния. Тут же на его плечо, пестрое от кровоподтеков, опустилась чья-то рука в резиновой перчатке, другая рука забрала у него мешок, в котором с хрустальным звоном брякнули камни.

Ната доставили на совет старейшин, где почтенные матроны, отвечающие за воспитание детей, при помощи оплеух вынудили его сказать правду. Юный возраст преступника не позволял подвергнуть его телесному наказанию. К тому же было

установлено, что весь его проступок состоял в том, что он подчинился приказу отца (в чем никакой закон не мог его упрекнуть). Зато Оти, его мать, признали виновной в сговоре с Родосом и приговорили к трехмесячному пребыванию в яме наслаждений, где она обязана будет отдаваться каждому, не требуя за это платы. Зеркальные камни конфисковали и, как и следовало ожидать, поделили между членами совета старейшин.

Так Нат остался один — со своей сестренкой Джубой, а также со своим позором: знать, что на протяжении трех бесконечных месяцев Оти, их мать, будет гнить в яме наслаждений — воронке, базальтовые переходы вдоль которой уводили в зал, расположенный глубоко внизу. Туда имели доступ только взрослые мужчины по праздникам, а свет там поддерживался при помощи сильной лупы и мощных отражателей. Нат отлично понимал, что означало это наказание. Оти была красивой, и теперь она будет вынуждена спать со всеми врагами Родоса, которые найдут в этом удобный способ взять над ним неожиданный реванш. А в довершение беды, врагов у него было много...

В день исполнения приговора два стража вытащили Оти из постели; ей обрили голову посреди пещеры, в которой глашатай обычно зачитывал указы старейшин. Ее белокурые волосы были брошены в огонь, а затем одна из матрон выколола ей на лбу ярко-красный символ. Отныне Оти ни от кого не могла бы скрыть свой позорный знак; она будет носить его на протяжении девяноста дней. Толстуха орудовала своим инструментом, не заботясь об осторожности, вновь и вновь пронзая нежную кожу полый иглой и вдувая сквозь нее нестираемый порошок.

Оти кусала губы, чтобы не закричать. Даже бритая голова не обезобразила ее, а подергивание ее лица еще больше подчеркивало его нежные черты и изысканный изгиб носа.

Наконец, ее заставили подняться и подтолкнули к яме, откуда уже торчала деревянная лестница. Женщины посмеивались и бросали ей вслед оскорбления, но мужчины — они часто задышали.

«... Женщина Родоса! — слышалось в этом. — Родоса-хвастуна! Родоса — искателя приключений, который плевал на законы, Родоса-Стальные кулаки! Ну-ну! Родос! Посмотри же теперь на твою суку, если у тебя еще есть глаза! Скоро все солдаты из гротов погреются в ее постели!»

Нат убежал в свою пещеру. По счастью, Джуба, его сестра, еще спала. Нат забился в каменную нишу, спрятал голову под облезлые шкуры, служившие покрывалами, и долго лежал так. Проснувшись, Джуба ни о чем его не спросила, и Нат подумал, не наблюдала ли она за разыгравшейся сценой, притворившись спящей. Впоследствии они, словно подчиняясь некоему обязательству, никогда не говорили об этом.

Впрочем, их вскоре взяли под свое начало матроны, надзирающие за общественными работами. Затерянные среди сотен других детей, они должны были связывать в охапки сухие ветки, извлеченные за лето из-под затвердевшей поверхности песка. Выжженные солнцем белесые побеги, неровные и узловатые, словно рахитичные кости.

В течение пяти месяцев женщины племени голыми руками вспахивали дюны в поисках этих остатков леса, этих сучьев, выдубленных пылающим огнем небес, когда сезон жары взял верх над сезоном растений. Теперь предстояло собирать хворост в вязанки, чтобы легче было его нести.

Дети работали посреди просторного подземного зала, очень слабо освещенного из-за

опасности пожара. Действовать приходилось ошупью, растопырив пальцы и прищурив глаза, выискивая в полумраке ветки хвороста.

На исходе третьей недели этого рабского труда Нат и Джуба перестали считать занозы, впившиеся под кожу, раны и порезы, нанесенные грубыми сучьями. Недостаток света не позволял их телам полностью восстанавливать питательные резервы, а вечерняя трапеза чаще всего состояла из горькой каши, которую хотелось выплюнуть уже после третьей ложки.

Нат долго не мог взять в толк, что их, его и сестру, нарочно поместили в самом темном уголке пещеры, куда свет подпитывающих факелов доходил лишь в виде желтоватых отблесков. Он обратился к матроне, присматривающей за работами, но добился лишь удара тростью, отчего на его правой щеке две следующих недели красовалась фиолетовая отметина. От природы хрупкого сложения, Джуба вскоре начала слабеть. Она стала один за другим терять ногти, потом начали выпадать зубы. Нат хорошо знал эти симптомы. Они говорили о болезни тьмы, вызванной недостатком света. С горечью в сердце он думал тогда о кристаллах, добытых его отцом, о тех камнях, которые старейшины, потирая руки, поделили между собой, и которые сейчас изливают всю мощь своих лучей в пещерах патриархов клана, так щедро насыщая этих стариков светом, что некоторые из них становятся просто тучными.

Когда работы по укладке хвороста подошли к концу, Джуба уже не могла держаться на ногах. Нат попытался найти ей место в кружке бедных детей, сбившихся вокруг общего огня. Но каждый раз мальчишки прогоняли их, кидая в них камнями и распевая гнусную песенку, которая начиналась словами:

Стал губкой твой папаша,
Он как медуза мягкий,
В яме твоя мамаша,
И с ней забавляется всякий...

Нату и Джубе пришлось научиться жить особняком, воровать тлеющие головни и лучины, пока спит стража.

Наконец, Оти выпустили из ямы наслаждений. Ее волосы немного отрасли и покрыли голову жестким лишайником, сквозь который едва могла пробиться рука. Она выглядела как сомнамбула, и Нат вскоре догадался, что их мать утратила всякую связь с действительностью. С этого дня женщины из пещер не называли ее иначе как «помешанная».

Между тем сезон дождей достиг своего апогея. Тучи цвета сажи заполнили небо и взрезали пустыню своими трескучими ливнями. Часовым в каучуковых доспехах пришлось оставить гроты, выходящие на равнину, и отступить вглубь пещер, спасаясь от вихрей и брызг. Однажды вечером Нат, проходя через пещеру собраний, невольно стал свидетелем возвращения с дежурства двух часовых. Они были встревожены.

— Вот и все, — проворчал один из них, высокий, снимая шлем, усеянный каплями дождя. — Теперь точно все. Солнце убралось в свою берлогу, в точности как мы. Этим утром

Люцини видел зеленые островки на равнине. Трава. Она начала расти...

Обступившие его кумушки в ужасе подались назад, и под гранитными сводами нависла гнетущая тишина.

— Когда зелень наступает, остается только молиться богам, — сказала одна из старух, сложив руки в заклинательном жесте. — Потому что за травой приходит лес. А вслед за лесом — драконы...

Воспользовавшись тем, что часовые свернули свою вахту, Нат взял за обыкновение подниматься на заре и относить Джубу на самый верх, поближе к выходу из пещер — насколько позволяли хлесткие порывы ветра, задувающие снаружи. Здесь девочка могла хоть немного подкрепиться бледными рассветными лучами.

Оти — мутные глаза, безвольный рот — шла за ними. Она садилась поодаль; когда дождевые капли, разбиваясь о камень, долетали до нее, вызывая на ее коже розоватые волдыри, Оти лишь испускала глуповатый смешок.

Нат же не мог отвести взгляда от пустыни, вернее от того, чем она становилась, потому что с каждым днем белесые дюны все больше скрывались под зеленым ковром молодой поросли. Побег устремлялись вверх, распускалась листва — плотная, густая, дрожащая на ветру, словно лоскуты кожи.

Начиналось царство великого растительного ужаса.

Однажды утром мальчик проснулся и обнаружил, что он один в своем каменном гроте. Вокруг только остывшие меховые покрывала. Нат бросился к выходу из пещер, но какой-то мужчина из племени преградил ему путь. Вид у него был раздосадованный.

— Не ходи туда, парень, — проговорил он мягко, как только мог. — Твоя мать совсем помешалась. Она поднялась на вершину скалы вместе с твоей сестрой. Они на самом краю.

Боа-рабыня. Боа-губка

Сумерки сгустились чуть быстрее, чем накануне. Однако небольшое — меньше часа — уменьшение светового дня не ускользнуло от внимания Боа, служанки-грума. Это было плохим предзнаменованием, означавшим, что сезон огня заканчивается, и заканчивается необычно рано. Солнце сперва поблекло, потом приобрело красноватый цвет, и его лучи уже казались чуть теплыми. Едва очутившись на земле, Боа тут же принялась за устройство ночлега. Она расседлала и развьючила лошадей, затем, орудуя, как граблями, собственной пятерней, разгребла песок в поисках сухих сучьев — этих разрозненных костей леса, выжженного за пять месяцев до того, и покоившихся теперь под поверхностью пустыни.

Боа соорудила очаг, способный выдержать самые переменчивые порывы ветра. Окружавший их пейзаж постепенно растворялся во мраке. Ночь предстояла быть безлунной — чернильная ночь, полная таинственных шорохов, когда необходимо удвоить бдительность. На всякий случай Боа проверила оружие Ната, осторожно проведя пальцем по кромке лезвия. Раздраженный взгляд, брошенный на нее юношей, не ускользнул от внимания Боа, но это ее нисколько не задело. С тех пор, как они покинули скалу, Нат только и делал, что предавался воспоминаниям, пренебрегая, как и все ему подобные, элементарными мерами предосторожности.

Боа уселась на пятки. Алые отблески пламени плясали на ее голых бедрах, оттеняли рельеф ее брюшных мышц. Повернув голову по направлению к дюнам, которые под настойчивой кистью сумерек уже стали едва различимы, Боа чутким ухом без труда различала редкий, но равномерный хруст. Осторожные шаги охотника, что передвигается украдкой в поисках лучшего места для засады. Их преследовали. В этом Боа не сомневалась.

В самый разгар дня, притворяясь полусонной, Боа внезапно повернулась в своем седле и успела заметить тень, быстро скрывающуюся среди скал. Кто их выслеживал? Драконы еще не пробудились, да и подобное осторожное преследование совсем не походило на их жесткую тактику. Как правило, заметив добычу, дракон тут же атаковал ее, и расправа редко длилась дольше минуты. Боа попыталась сообщить Нату о своем открытии, но молодой искатель явно не был расположен считаться с интуицией рабыни, к тому же немой.

Полная тревоги, Боа застыла в той же позе, что накануне. Она убрала от ушей закрывавшие их длинные пряди волос, расслабила плечи и корпус, заставив их налиться каменной неподвижностью. Если бы не непрерывное подрагивание ее торчащих вихров, Боа легко можно было бы принять за одну из тех таинственных статуй, что иногда попадаются в дюнах — наполовину занесенные песком божества, упрямо охраняющие перекрестки давно исчезнувших дорог.

Этой ночью ей снова не придется спать. Ну что же, такова ее роль, раз ее рыцарь-искатель пока не готов к своей. Боа искоса посмотрела на него. Нат завернулся в колючий плащ из бурой шерсти; языки пламени бросали скользящие отблески на его профиль, которому юность придавала женственные черты. Боа подумала, что это лицо никогда не узнает морщин, эти щеки не ввалятся, подбородок не обвиснет. Волосы не поредеют, сдавшись неуклонному наступлению лысины. Нет, через несколько недель этот юноша войдет в ворота смерти, безупречный, на пике своего телесного расцвета, с гибкими мышцами, в своей лучшей форме.

Боа вновь устремила взгляд в ночной сумрак. Не ее дело судить: она и ей подобные не

считались полноправными членами общины обитателей пещер, они были всего лишь рабочей силой, и их презрительно называли «губками», а еще — «бурдюками». На самом деле они звались гидрофагами — то есть пожирателями воды, — что тоже было довольно глупо, ведь они, как и их хозяева, питались солнечным светом. Их позором, их несчастьем, являлась аномальная восприимчивость к влаге, и это делало их более слабыми, чем прочие члены клана.

«Мы умрем молодыми, — сказала ей Собра, ее мать, в день, когда Боа исполнилось четырнадцать лет. — Когда я говорю «мы», я главным образом имею в виду женщин. Ты, я, как и все другие, принадлежащие к нашему полу, особенно уязвимы. Скоро сюда явится старуха-отборщица; ее целью станут девушки, чья грудь полностью развилась. У тебя, как и у всех твоих ровесниц, молочные железы уже сформировались. Вас отметят, потом вас отведут в пещеры наверху, где живут богатые господа в одежде из резины. Вы будете проданы за охапку хвороста, за огниво, за светоносный кристалл, за старый зонт! И для вас начнется ад... О, моя девочка! Если бы ты знала!»

Но Боа ни о чем не знала. Она забивалась в самый темный угол каменной ниши и сидела там, положив ладони на свои огромные груди, которые сильно увеличились за последнее время, так что даже мешали ей во сне и при ходьбе.

Как и предрекала Собра, женщина-отборщица появилась несколько дней спустя. За поясом у нее была кожаная плеть. Она велела девушкам-подросткам выстроиться в свете факела и принялась взвешивать на ладони их груди. Неторопливо идя вдоль ряда, она у каждой ощупывала молочные железы, словно это были плоды во время сбора урожая. Те, кто стонали или пытались сопротивляться, тут же получали удар кнутом по бедру.

— Эй, чего так хмуро смотришь? — посмеивалась эта добрая женщина. — С такой кислой миной ты никогда не добьешься благосклонности хозяина. Если не хочешь стать просто губкой, тебе надо научиться быть веселой!

Собра, мать Боа, являлась всего лишь рабыней-производительницей, она никогда не бывала в верхних пещерах. Никогда ей не выпадала возможность стать наложницей богатого господина-огнепоклонника. Ее жизнь состояла из череды непрерывных беременностей, виновники которых были столь же случайны, сколько анонимны. Каждый год она встречала появление нового ребенка, и с тех пор, как она вошла в репродуктивный возраст, Собра дала жизнь более чем двадцати дочерям. Мальчики у гидрофагов рождались редко. Но девочки обладали такими способностями, которые мужчины обычно утрачивали еще на этапе эмбрионального развития. И эти способности в жестоком мире пещер скоро становились их смертельным приговором.

Были выбраны пятнадцать девушек, и Боа оказалась в их числе. Подстегивая, словно коз, подростков повели наверх, туда, где из пещер открывался обзор на равнину, на скалы, и где летний зной скапливался, как жар в печи. До сих пор Боа видела только тот свет, что просачивался сквозь щели в материнский грот, поэтому первая встреча со столь яростным сиянием опьянила ее. Заметив ее блаженное от эйфории лицо, товарка по цепи с силой ущипнула ее за локоть.

— Дурочка! — зашипела она Боа в ухо. — Здесь не место для радости! Тебе что, ничего не сказали? Нас привели сюда на смерть! Они отрежут нам языки... А потом будут пользоваться нами как шлюхами. Правда! Это лето ты проведешь, лежа на спине под кем-нибудь. А после придет сезон дождей, и для них ты станешь всего лишь губкой!

— Губкой?

На лице собеседницы Боа отразилось недоверие.

— Ты совсем глупая? Разве ты никогда не слышала шорохи в твоей груди? Это и есть то, что им нужно!

Безотчетно Боа приложила руку к груди, и от этого кристаллы, наполнявшие ее молочные железы, скрипнули. Так могли бы шелестеть мешки, наполненные металлическими пластинками, если их неосторожно задеть.

— Это?

— Ну да, это: впитывающие кристаллы! Кристаллы-поглотители жидкости! В плохой сезон стены пещер покрываются каплями росы, воздух пропитывается водными парами. Влага просачивается и стекает ручьями. А твои свеженькие груди будут все это поглощать, сохраняя их жилища в сухости. И тогда люди смогут избежать болезней, порождаемых периодом дождей: ревматизмов, туберкулеза. С тобой им обеспечено сухое одеяло! Теперь не упадут на них во время сна со сводов пещер едкие слезинки. Теперь это достанется тебе, и только тебе. Ты станешь «пожирать» влагу день за днем, и твои груди будут раздуваться по мере поглощения. Хранилища для воды! Вот что ты вырастила на своем теле. И они об этом знают, уж будь уверена! Тебя станут называть «губкой». Мы ведь устроены не так, как они, и в этом наше несчастье. Если они соприкоснутся с водой, они распухают! Их клетки взрываются, и они превращаются в медуз. Мы же лучше переносим дождь, по крайней мере, внешне. Наш подкожный слой переправляет избыток жидкости в наши груди, где она впитывается кристаллами.

— И что потом?

— Потом? С каждой подпиткой кристаллы немного увеличиваются. Сначала они размером с песчинку, затем становятся как бусины, затем — как шары, и наконец — как булыжники. Когда же они разрастутся до валунов, твоя жизнь превратится в кошмар... Ты понимаешь?

Боа побледнела. Только сейчас она на самом деле поняла. Когда кристаллы достигнут огромных размеров, растянувшаяся кожа груди не выдержит и прорвется. На теле рабыни откроются два вулкана, и из каждого извергнутся камни.

— Но это невозможно!

— Увидишь! — усмехнулась девушка. — Если тебе повезет, и тебя продадут какому-нибудь богачу, живущему там, куда вода не просачивается, ты сможешь выстоять. Уровень влажности там будет более или менее приемлемый; тебе придется нелегко, но тебя не разорвет на части, а это единственное, что имеет значение. С первыми летними лучами открой свою грудь солнцу: оно высушит твои кристаллы за несколько дней, и твоя грудь уменьшится до нормальных размеров. Так ты получишь отсрочку — шесть месяцев жары. Но затем придет новый сезон непрерывных дождей... Вот что тебя ждет. Что ждет нас всех! Давай пожелаем друг другу удачи, ведь завтра у нас уже не будет языков, чтобы сделать это. А еще говорят, что некоторые «губки» сумели пережить четыре или пять сезонов, прежде чем их разорвало... Вдруг и мы сможем? Ну, шагу! Через два года встретимся, подруга!

Ошеломленная, Боа как сомнамбула двигалась вперед. Ее рука по-прежнему лежала на зыбких шарах, что колыхались из стороны в сторону на ее груди. Эти мешочки с кристаллами скоро станут причиной ее страданий, а возможно — и смерти. Неужели истина так жестока? Рассказ подруги по несчастью воскресил в памяти Боа один забытый разговор. Страстные слова ее матери, смысл которых она тогда не могла понять, но которые сегодня

озарились для нее новым светом...

«Когда-то, — шептала Собра, — в особых случаях мы применяли некие минералы. Сильные снадобья, лекарства, чувствительные именно к влажности. Одна осушающая пастилка, и — хоп! — удар достиг цели. И мы можем жить дальше, ты и я. Поглощать влагу, но оставаться в живых».

Она пыталась подготовить свою дочь, донести до нее суть вещей. Но слова, к которым она прибегала, ничего не означали для Боа. «Условия», «лекарства»... Они говорили о чем-то таком древнем. О забытой реальности.

Едва добравшись до очага, девушки, измотанные долгим подъемом, рухнули без сил. Тогда каждой из них вручили какую-то отвратительную трубку и велели полной грудью вдохнуть дым. Не прошло и пяти минут, как все они, одна за другой, погрузились в забытье.

На следующее утро Боа проснулась от ощущения, будто зверь с огненными зубами пожирает ее язык. От подбородка до затылка ее пронизывала невыносимая боль. Грудь покрылась черными струпьями. Рот и губы словно одеревенели. Она хотела крикнуть, но смогла издать только глухой гортанный звук. Только сейчас Боа поняла, что в ротовой полости больше ничего нет. Ей отрезали язык... Надеясь никогда больше не открыть глаза, Боа потеряла сознание.

Через три недели, когда страшная рана зарубцевалась и перестала причинять боль, Боа была продана одному влиятельному члену совета старейшин, которому понравились ее косо поставленные глаза и плоский нос. Звали его Мальтазар.

Это был старик с лицом мертвеца. Настолько худой, что рисунок его мышц проступал явственно, как на анатомическом препарате. Он жил в постоянном страхе перед влажностью, и даже летом, когда скалы трескались от зноя, не отпускал Боа от себя. По ночам она должна была, словно живое одеяло, закрывать собой его истощенное тело, чтобы уберечь его от случайных капель воды, которые могли сорваться со свода по милости утренних туманов. Он никогда не использовал Боа для плотских утех, как обычно поступали другие обладатели рабынь-гидрофагов. Ее единственной заботой была влажность. Ничего, кроме влажности. В то время, пока старик жарился на солнце, растянувшись на плоском камне, Боа обязана была чинить его каучуковые доспехи, которые от времени превратились в расплзающуюся, полную трещин оболочку. Избавляться от малейших брешей, заниматься вулканизацией, ставить заплатки на шлем...

Вернувшись вечером домой, с кожей, высушенной как старый пергамент, Мальтазар брал лупу и проверял работу молодой рабыни. Чаще всего он одобрительно кивал головой, бурча при этом что-то неразборчивое. Каждое утро он бесцеремонно ощупывал груди Боа, чтобы определить, насколько увеличились ее кристаллы. И не обнаруживая никаких изменений, он с подозрением поглядывал на девушку:

— Эй, а ты, часом, не больная? Я хочу сказать: ты вообще нормальная? Твои железы работают? Они как будто совсем не растут. И это при такой-то влажности!

Ему говорили, и не раз, что жара стоит небывалая. Но он упрямо продолжал опасно коситься на своды, ощупывать руками стены своего жилища и надевать водонепроницаемые доспехи, стоило термометру упасть на один градус. Боа с тоской ждала наступления сезона дождей. Если даже солнце настораживало Мальтазара, что он потребует от нее, когда по скалам ударят ливни?

Пришло время облаков. Боа с замирающим сердцем смотрела, как они наступают из-за горизонта. Казалось, они ползут прямо по пока еще белой равнине, сглаживая дюны и скалистые отроги. Мальтазар не расставался больше со своей резиновой броней и жил в неотвязном страхе перед прорехами. По сотне раз на дню он заставлял Боа делать полный осмотр его защитного костюма, вглядываться в каждую пядь бугристой материи, ощупывать складки и трещины, проверять надежность заплаток.

— О, я знаю, что они ухмыляются за моей спиной! — проворчал он однажды вечером, усаживаясь поближе к огню (хотя жара в ту пору достигала семидесяти пяти градусов в тени!). — Пусть! Я знаю, что я делаю. Жизнь меня чему-то научила, и мне доводилось видеть, как такие вот сильные духом однажды утром просыпались в студнеобразном теле, потому что за ночь осенний туман проник в их нору... Туманы — самые коварные враги! Их можно спутать с дымом от очага, а они есть прямо противоположное: водяной пар, облако из крохотных капель, подвешенных в воздухе, миллионы микроскопических капель, что оседают на твоей коже, пока ты спишь!

Охваченный внезапным вдохновением, он поднялся и схватил девушку за руку.

— Пойдем! — приказал он. — Я тебе кое-что покажу. Это тайна. У тебя нет языка, а значит, ты не сможешь никому рассказать. Впрочем, не думаю, что ты бы и захотела. Ну, пойдем!

Он потащил за собой Боа, отчасти заинтригованную, отчасти напуганную, по каменному коридору с настойчивостью проповедника, охваченного обличительным пылом. Они спустились на три уровня и по тоннелю, освещенному факелами, устремились к самому сердцу скалы. Наконец они вышли в естественный грот, где потрескивал костер, сложенный из черных плиток. Эти плитки назывались «антрацитом», и пользоваться ими могли только очень важные господа. Вокруг огня копошился десяток монстров. Студенистые существа, человекообразные медузы с прозрачной кожей. Они медленно перемещались с хлюпающим звуком, оставляя позади себя липкий след и ошметки плоти. Боа отшатнулась, но старик схватил ее за талию и толкнул вперед.

— Вот, смотри! — осклабился Мальтазар, довольный своей шуткой. — Смотри, что случилось с заправскими насмешниками. Те самые сильные духом, которых туман превратил в самых кротких смиренников. Они не умерли, нет: влага не проникла дальше поверхности их кожи, и мутация ограничилась лишь необратимым расширением эпидермиса. За одну ночь! Это произошло за одну единственную ночь! Все они принадлежат к богатым и влиятельным семьям, поэтому их не уничтожили, а просто... изолировали. Они никогда не выходят из своей норы, да у них и сил бы на это не хватило. Чтобы они могли немного развлечься, раз в год к ним приводят десяток рабынь, таких, как ты. Строптивых девчонок, которые вызвали недовольство своих хозяев. Что они делают с этими куклами? Этого я не знаю. Но злые языки поговаривают, что некоторые девушки предпочитают броситься в огонь, лишь бы избежать их прикосновений.

Боа хотелось закричать, но обрубок языка бился во рту, не в состоянии породить ни звука. Наконец, Мальтазар вывел ее из оцепенения.

— Встряхнись! Мы уходим. Здесь ужасно влажно. Скажи «прощай» этим насмешникам: их не часто балуют визитами!

Прежде чем углубиться в туннель, он обернулся в последний раз, и девушка услышала, как он пробормотал сквозь зубы:

— Изводить столько доброго антрацита на подобный мусор! Непозволительно!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Всю следующую неделю бушевали грозы, и Боа почувствовала, что груди начинают ее беспокоить. Малейшее касание отдавалось глухой болью. Вот она и приступила к своей работе «губкой». К пущей ее беде, Мальтазар имел несчастье быть назначенным по жребию часовым дождя. Эта «честь» подразумевала двенадцатичасовой пост у выхода из пещер, под брызгами дождя; двенадцать часов, в течение которых надлежало вглядываться в горизонт, все более скрываемый зеленью, чье легкое трепетание в любой момент могло обернуться приближением дракона. Старик был весьма недоволен своим назначением.

— Это происки! — возмущался он каждый вечер, укрывшись меховыми покрывалами. — Жребий был нечестным! Они хотят меня устранить, это точно. По возрасту я должен быть освобожден от всякой действительной службы. Это дело молодых забияк, а не старых мудрецов! Одним словом — интриги, вот что я тебе скажу!

Боа кивала головой, а в желудке у нее стоял ком. Она несколько не сомневалась, что старик непременно потащит ее за собой, туда, наверх, в гущу шквалистых ветров и морозящего дождя. Он уже рассказал ей, что собирается установить там навес из просмоленного полотна, который он называл «наблюдательным пунктом», и который представлял собой непромокаемую ткань, натянутую на колышки.

Она не ошиблась. Начиная со следующего дня, ей пришлось сопровождать его к самому краю скалы, где выход из пещер обрывался пропастью. Мальтазар завернулся в каучук с головы до пят; бреши в своей кирасе он заткнул просмоленными тряпками. Боа била дрожь, и он позволил ей остаться под навесом, в то время как сам он нес дозор на выходе из грота. Молодая рабыня сжималась в комок под пологом, который прогибался от ветра, и обхватывала плечи руками. Ее грудь, уже невыносимо тяжелая, казалось, вот-вот оторвется. Кожа на ней посинела.

— Драконы, драконы! — ворчал Мальтазар, забираясь по навес, чтобы передохнуть. — Предлог, не больше! Эти монстры никогда не проникают в наши пещеры; да и к тому же мы живем так близко к вершине! Зачем бы им подниматься так высоко? Они сперва станут подстергать добычу поближе к земле. Некоторые племена подбрасывают им отравленные трупы, другие — вполне живых рабов. Хотя это самая глупая идея, которую только можно вообразить: вместо того, чтобы отвести от себя тварей, они лишь внушают им мысль, что скала — это драконья кормушка...

Мальтазар прекращал бушевать только для того, чтобы оценить остроту своих ржавых клинков, которые Боа поспешила наточить в вечер жеребьевки.

— А ты-то сама хоть раз видела драконов? — с насмешкой спрашивал он у девушки. — Тебе наверняка понарасказывали о них всяких ужасов. На самом деле это ящерицы, да-да, простые ящерицы с зеленой чешуей. Длиной они до трех метров, а на лапах у них присоски, благодаря которым они могут карабкаться вверх. Они представляют собой мутантов, произошедших от одного древнего вида, который обитал в воде — от крокодилов. Подлинная опасность исходит от тех, кто натравливает их на нас: от хамелеонов... Вот это настоящие головорезы. До чего подлая раса, эти хамелеоны! Люди дождя, народ ливней. Зло в чистом виде, извращенцы-водохлебы... Но как с ними справиться? Наши рыцари-искатели могут лишь отнять каплю у моря, не более...

Боа с трудом попевала за поворотами его нескончаемого монолога. Столько

неизвестных слов теснилось в ее голове: хамелеоны, водный народ, рыцари-искатели... Ей хотелось узнать об этом побольше, но Мальтазар уже оседлал любимую лошадку и обрушивался с бранью на организаторов заговора против него. Он перечислял своих врагов, которых, если верить ему, был легион. Он же, со своей стороны, подготавливал фундамент для отпора, говорил о создании некой партии, о всяческом ограничении доступа молодежи в совет старейшин. А затем, когда его мечты о политическом управлении рассеивались, он возвращался к своему главному страху — влажности.

Тогда Боа переставала его слушать и устремляла взгляд на серебристую завесу дождя, за которой угадывались зеленые переплетения чудовищного леса, и ей требовалось напрячь воображение, чтобы убедить себя, что еще три недели назад эта равнина была пустыней.

Трагедия разыгралась на исходе первого месяца службы. Все случилось так быстро, что Боа едва успела понять, что произошло. Мальтазар, как обычно, механически выполнял свой обход, полуприкрыв глаза, погруженный в коварные замыслы политических комбинаций, призванных обеспечить ему скорое возвращение во власть. Он не заметил хищника, что просунул чешуйчатую морду между скал и широко распахнул челюсти, усеянные доброй сотней зубов. Боа могла бы предостеречь старика, но у нее не было языка, а испущенный ею слабый хрип заглушился шумом дождя, бьющего по скале. Схваченный за лодыжку, Мальтазар не успел обнажить свой меч. Дракон бросился в пропасть, увлекая добычу за собой. Все действие заняло не более трех секунд.

Оторопев, Боа еще несколько мгновений оставалась под просмоленным навесом, а потом внутри нее как будто распрямилась пружина, и она бросилась бежать со всех ног. Внизу она попыталась было привлечь к себе внимание, но каждый раз, когда она хватала за рукав какого-нибудь важного господина, ее бесцеремонно отталкивали, и она летела в пыль.

Наконец, к вечеру, Рацца, великий мастер поиска, снизошел к ее жестикуляции. Он проследовал за Боа на край пропасти и констатировал присутствие следов крови между камней, так же как и множество частичек чешуи, принадлежавших, несомненно, коже дракона.

Новость о смерти Мальтазара ни у кого не вызвала переживаний; девушке даже показалось, что мелкие представители знати, не скрываясь, радовались случившемуся.

Боа приковали цепью в пещере объявления указов, где она должна была ожидать решения советом старейшин ее участи. Живительный огонь общественного очага смягчал боль, поселившуюся в ее растянутой груди. Люди из племени разглядывали ее в упор и перешептывались.

— Она больше ни на что не годится! — настаивала одна кумушка. — Посмотрите-ка не ее груди! Да ее разорвет со дня на день. Никто не станет покупать такое!

— Остается только отдать ее драконам, — советовала другая женщина. — Если их почитать как богов, они не будут вторгаться в наши гроты.

— Народ огня никогда не станет преклоняться перед порождениями дождя! — возмутился бывший там воин. — Вы болтаете всякую чепуху, женщины! Возвращайтесь лучше к вашим котелкам!

— И все-таки, — упорствовала матрона, указывая на Боа, — и все-таки одно можно сказать точно: не сегодня, так завтра ее разорвет.

После чего компания разошлась.

Всю ночь Боа, не отрываясь, смотрела на пламя очага. Ей припомнилось, как Мальтазар показал ей яму с монстрами, она слышала его слова: «Каждый год к ним приводят десяток девчонок вроде тебя, ведь надо же им развеяться, не так ли?»

Хватит ли у нее смелости броситься в огонь, прежде чем попасть в объятия одного из этих студнеобразных существ, некогда выходцев из «хороших семей»? Боа этого не знала. Но у нее не было других идей, кроме как...

Наконец, замороженная танцем огня, Боа задремала. Из забвения ее вырвала рука Раццы. Сквозь щели в каменной стене уже проникал серый рассветный сумрак. Жрец холодно изучал ее. Он был почти так же худ, как Мальтазар.

— Послушай, — негромко сказал он. — Твой хозяин был моим давним другом. Наверняка он не считал нужным скрывать от тебя свои наблюдения. Многие здесь думают именно так, и потому видят в тебе ненужного свидетеля, которого следует убрать. Вчера Совет постановил отправить тебя в яму увечных. Полагаю, ты знаешь, что это означает?

Боа вздрогнула, и ее глаза расширились от ужаса.

— погоди! — веско промолвил жрец. — Я духовный владыка этих областей, и, возможно, у меня есть средство тебя спасти... Я имею в виду: спасти тебя от позорного конца, потому что я собираюсь тебе предложить променять одну смерть на другую. Тебе, несомненно, известно: я готовлю рыцарей-искателей. Их миссия всегда заканчивается ритуальным самоубийством. Этим рыцарей сопровождают служанки-грумы, которые разделяют с ними их участь. Я предлагаю тебе обменять твою ужасную судьбу на достойный финал. Тебе выбирать. Если ты согласна, то завтра, во время оглашения приговора, я вмещаюсь и потребую, чтобы тебя отдали в услужение искателям. Но хочу предупредить! Я набираю только девственниц! Ты все еще... или нет? Не ври мне! Тебя подвергнут осмотру, и ты должна будешь представить доказательства своей девственности. Ну, что, согласна? Вернее: можешь ты согласиться?

Боа в знак подтверждения неистово закивала головой. Рацца провел рукой по ее волосам.

— Я делаю это в память о Мальтазаре, — тихо сказал он, отстраняясь. — И, во всяком случае, он наверняка создал из тебя хорошего солдата.

Едва Рацца удалился, Боа стали мучить сомнения: а девственница ли он еще? Конечно, Мальтазар ни разу ее не тронул, но ей вдруг припомнилась та ночь, когда их одурманили, чтобы затем лишиться языка. Что, если палачи, дабы подзадорить себя, не удержались от искушения позабавиться за счет усыпленных девушек? Вдруг над ней надругались, пока она была в беспамятстве? На собственные ощущения полагаться не приходилось, ведь на следующее утро все ее тело было одним сгустком боли, и затем она целую неделю не приходила в сознание. Больше поразмышлять над этим Боа не удалось, поскольку явившиеся стражники подняли ее и препроводили в пещеру совета, где уже расположились старейшины в каучуковых одеяниях.

Все происходило так, как предсказывал жрец: сначала ее приговорили к яме, затем вмещался Рацца, и Боа отправили на осмотр к акушерке. К счастью, она все еще была невинной. После исполнения всех формальностей Боа перешла под опеку великого мастера поиска. Отныне она считалась неприкосновенной.

Затем...

Затем время остановилось (так казалось Боа). Рацца отвел ее на самый верх, в пещеру с раскаленными стенами, в центре которой гудело адское пламя.

— Твоя грудь, — объяснил он, — надо уменьшить размеры кристаллов, иссушить их как можно скорее. Ложись на спину возле огня. Возможно, это займет порядочно времени.

Жрец приказал принести три параболических отражателя и полдюжины светоусиливающих камней. Постепенно боль, что пронизывала грудь Боа, утихла. У девушки больше не было ощущения, что у нее к груди прикреплены два чугунных ядра. Молочные железы вернулись к своему первоначальному объему.

— Тебе повезло, — заявил Рацца, ощупывая ее грудь кончиками пальцев. — Еще бы два дня, и тебя бы разорвало. Теперь ты должна слушать меня... и подчиняться мне.

И Боа слушала и подчинялась.

Прошло шесть месяцев, потом другие шесть месяцев, и еще полгода. Когда кристаллы увеличивались до угрожающих размеров, Боа отправлялась в пещеру высушивания. Каждая из растяжек, что покрывали кожу на ее груди, свидетельствовала о еще одной победе над сезоном дождей.

Боа научилась сотне прежде неизвестных ей вещей: ухаживать за оружием, разбирать язык небесных знаков, угадывать изменения погоды по природным приметам. Вскоре она присоединилась к другим служанкам; вместе они постигали физиологию драконов и химические процессы, царящие в мире растений...

Наконец, Рацца научил их контролировать силу, заставляющую вздыматься торчком их волосы. Показал, как обуздывать постоянно обуревающие девушек нервные спазмы, как преобразовывать их в двигательный импульс и с его помощью управлять своей гривой, словно настоящими щупальцами.

— Вы должны быть способны поднять ваши волосы над головой, — веско говорил Рацца, — и уложить их короной, так, чтобы получившийся зонт прикрывал ваши плечи. Подумайте сами, какой великолепной защитой станет для вас ваша шевелюра. А смазанные жиром, ваши волосы, уложенные таким образом, превратятся в естественный навес, непромокаемый колпак, горизонтальный щит, под которым вы сможете без опаски двигаться вперед...

Да, Боа всему этому научилась, равно как и многому другому, прежде чем Рацца признал ее готовой к миссии. И вот сегодня момент настал. Момент, когда она может удостоиться обещанной ей почетной смерти.

Те, кто спит каменным сном

Нат и Боа скакали верхом бок о бок уже больше недели. За это время ничто не нарушило унылого течения дней. Накануне они пересекли голую каменистую равнину, настоящую плиту, по которой стук лошадиных копыт отдавался как удары молота. Нат недовольно морщился: эхо их шагов, разлетаясь далеко по дюнам, открыто объявляло об их присутствии. Хотя кто мог бы их услышать? Драконы? Говорили, что они глухи, да и солнце пока еще светило во всю мощь. Вот только ветер... Нат ненавидел этот нахальный ветерок, что внезапными порвами налетал из ниоткуда и овеивал его голое тело, вызывая на коже волну озноба, а затем исчезал, неуловимый, невидимый. Провоцирующий.

Боа делала все, чтобы держаться далеко позади, упрямо желая застигнуть предполагаемого преследователя. Нат не препятствовал ей в этом, благожелательно, хотя и не без насмешки, поощряя усердие молодой рабыни. Он ничуть не верил во всю эту историю со слежкой: если бы кто-то хотел напасть на них, он сделал бы это уже давно! Вероятно, по их следам тянется какой-то одинокий зверь в надежде поживиться остатками еды на месте их привалов, ничего больше. Впрочем, у Ната не было времени, чтобы вникать в подобные мелочи. Сегодня утром, делая отметку на схематической карте, которую составил Рацца, он заметил, что они с Боа прошли больше половины пути. Итак, они уже близки к цели. Если солнцу будет угодно одаривать их своим огнем еще неделю, Нат и Боа смогут без каких-либо заминок завершить их истребительную миссию. Ну, а затем...

При мысли о том, что последует «затем», у юноши подвело желудок. Он выпрямился. Он должен презирать смерть, это первая заповедь рыцаря-искателя. К тому же, у него просто нет другого выхода. Они уже перешли точку невозврата. Этот путь не предполагал выживания. Да и как бы они могли, выполнив свою задачу, вернуться назад, если к тому времени небо скроется за дождевыми тучами? Ручейки воды, беспрестанно бегущие по их плечам, невозможность развести огонь, стремительно смыкающееся кольцо деревьев, выросших за одну ночь, — все это быстро свело бы их с ума.

Нет, выбора у него не было. Нат не мог представить себя противостоящим ливням и наступлению растительности. Он не хотел стать жертвой коварной воды, которая непременно найдет лазейки сквозь изъяны его кирасы. Не имел ни малейшего желания проснуться однажды утром и обнаружить, что его тело покрыто студенистыми язвами. Нет! Уж лучше смерть. Сияющая смерть, уготованная рыцарям поиска без возвращения!

Эти мысли незаметно привели его к воспоминаниям о Рацце, и Нат в тысячный раз попытался разобраться в чувствах, которые он испытывал к жрецу. Впрочем, слово «чувство» здесь было не особенно уместно. Реальность являлась куда более прозаичной: каждый из них видел в другом инструмент для исполнения своих замыслов и использовал его в этом качестве. Вот и все.

* * *

После гибели его матери Оти и сестры Джубы Нат остался один. Каменная ниша, где жила семья Родоса, была реквизирована матронами, следящими за распределением пещер, и Нату пришлось искать себе места в кружке беспризорных детей, которым община выделила

немного бледного огня в одном из самых темных уголков.

Не сразу Ната приняли в компанию: в этом миниатюрном обществе действовали жесткие правила. Ему пришлось драться за себя, затем выдержать определенное количество испытаний-инициаций, которые в целом сводились к одному — умению сопротивляться боли. Его подвешивали за большие пальцы рук до тех пор, пока суставы не превращались в два шара, налитых фиолетовой плотью; жгли его лучинами, бросали ему в глаза порошок острого перца. Когда же Нат выдержал все эти пытки без единого звука, его удостоили тесным местечком у очага. Будущее вырисовывалось для него в самых мрачных тонах. Дети, брошенные на произвол судьбы, имели мало шансов влиться в общество. Они составляли маленький маргинальный народ, среди которого господа, желающие низменных удовольствий, выбирали себе шутов или молодых партнеров для оргий.

В этом дурном окружении Нат провел сезон дождей. Трижды он вынужден был принимать участие в развлечениях богатых развратников. У него не было выбора: члены группы обязывались под страхом изгнания вносить свою долю в «общий паек». Чаще всего это были те бездельцы, которыми, как жалованием, их наделяли после ночи разгула: несколько охапок хвороста, мешочек антрацита, старый параболический отражатель с облупившейся амальгамой, осколок светового кристалла...

Нат уже готов был сдаться отчаянию, когда Рацца приказал вызвать его, а затем — после того, как мальчик не повиновался — привести его под конвоем двух стражников в зал религиозных церемоний. Уверенный в том, что его собираются наказать за какую-то вину, Нат пытался сбежать и осыпал ударами своих конвоиров. Но кулаки истощенного ребенка лишь мягко вминались в каучук их доспехов. Вот так, царапаясь и кусаясь как бешеный зверек, он предстал перед жрецом. И Рацце достаточно было сухо хлопнуть в ладоши и сказать: «Довольно!», чтобы ярость Ната тут же утихла. Он ощутил на себе гипнотическую власть этого высокого старика с голубыми глазами. По знаку жреца стражники бесшумно удалились.

— Знаешь ли ты, что я уже давно за тобой наблюдаю? — произнес мастер поиска, почти не шевеля губами. — Твой отец был смельчаком. Он не боялся смерти. В твоих венах течет его кровь.

— Вы что, знали моего отца? — нахально фыркнул Нат, потирая ушибленные суставы.

— Родоса? Да, и очень хорошо. Когда-то я хотел сделать из него рыцаря-искателя, но, хотя отваги у него было достаточно, он не обладал ни дисциплиной, ни самоотречением — качествами, необходимыми для выполнения миссии. Мне показалось, что в отношении этих последних пунктов ты отличаешься от него. Я ошибся?

И пока Нат пялился на него, раскрыв рот, жрец заключил со странной интонацией в голосе:

— Ты хочешь стать искателем?

И еще не понимая, на что в действительности он соглашается, мальчик опустил голову и пал на колени в знак своей покорности.

В тот самый миг, когда Нат склонился в этом жесте верности, гигантская машина ордена искателей поглотила его.

Его очистили от грязи, натерли ароматным порошком. Излечили от истощения, напитав его живым огнем; одели в черную кожу. Ему даже дали резиновый шлем и короткий меч, обозначающий его ранг. Эти перемены в его судьбе ошеломили Ната. Идя куда-нибудь, он только и видел, что поклоны и заискивающие приветствия со стороны высокородных господ.

Их старания завоевать его расположение. Нату доставляло удовольствие унижать их. Он мстил за Родоса, мстил за Оти, мстил за Джубу... Он стал тем, кого следовало уважать, потому что на него была возложена миссия почти божественная — умереть за свой народ, и за это народ — в ответ — был обязан ему...

Какое-то время Рацца позволял ему упиваться властью, но затем праздник закончился, и началась серьезная работа. Нату пришлось присоединиться к своим товарищам по обучению — Тобу, Акарису, Ульму... Все они тоже были из сирот. Мощный механизм подготовки пришел в движение; полный его оборот занимал несколько лет и заканчивался только тогда, когда рыцарь отправлялся в путь. В путь к битве и к смерти...

Их первая встреча с «врагом» состоялась в тесном гроте, к которому вел скрытый проход. Не до конца проснувшиеся мальчишки — слипающиеся глаза, вялые рты — спотыкаясь, брели за Раццей. Но то, что они увидели в центре зала, выложенного белыми плитами, заставило их вздрогнуть от ужаса: застыв в угрожающей неподвижности, на них уставили свои ощеренные зубами пасти два дракона. Нат вместе с другими чуть было не пустился наутек, но Рацца остановил своих учеников.

Насмешливо улыбаясь, он спокойно подошел к монстрам, каждый из которых восседал на пьедестале, покрытом непонятными письменами. Ящеры не шелохнулись. За спиной Ната Ульм, высокий парень с рыжими волосами, испустил вздох облегчения:

— Статуи! Это всего лишь статуи! Ну и злобный же у них вид!

Нат прищурил глаза. Фигуры поражали обилием деталей; казалось, они были рождены под резцом скульптора столь же безумного, сколь скрупулезного. Их тела ровными рядами покрывала чешуя; вдоль мощного позвоночника, изогнутого необычайно живо, громоздились костные пластины. Ничего не было упущено: складки на коже, прожилки на перепончатых лапах, сетка кровеносных сосудов на выпуклых глазах с вертикальными зрачками.

— Дотроньтесь до них! — приказал Рацца — Пощупайте! И скажите мне, что вы чувствуете. Начните с того, что справа, затем перейдите к левому, а в конце положите руки одновременно на обе статуи...

Они подчинились, не пытаясь понять, для чего это нужно. Нат первым делом коснулся грубой пасти, из которой устрашающе торчали зубы, — и ощутил холодный камень. Это сразу его ободрило. Это не более чем статуя, просто статуя. Необычайная достоверность исполнения могла сбить с толку, но прикосновение руки к изгибам уродливого тела не оставляло сомнений. Статуя! Бог ты мой! И чего он так испугался! Правду сказать, минерал, выбранный для создания скульптур, — камень зеленого цвета, — усиливал впечатление подлинности. Какая-то разновидность мрамора, необыкновенно твердая — ноготь не оставлял на ней ни единой царапины. Нат принялся осматривать вторую фигуру — то же самое. Он окончательно уверился, что это всего лишь скульптуры, хоть и до невозможности совершенные. Его товарищи пришли к тому же выводу. Ну и что это все означает?

Вместо пояснений Рацца указал им на четыре кувалды, способные по виду справиться с самым крепким камнем.

— Разбейте эти кощунственные идолы! — приказал он, простирая руку. — Пусть от них останется пыль!

С горящими от возбуждения глазами мальчишки бросились к инструментам. Исполненный жажды разрушения, Нат схватил деревянную рукоять, размахнулся изо всех

сил и ударил стальным бойком по морде чудовища... К его великому изумлению, молоток с оглушительным грохотом отскочил, не оставив на зеленом камне ни малейшей царапины. Нат растерянно переглянулся с товарищами, которых постигла та же неудача. Охваченные задором, мальчишки скопом молотили по статуям — безрезультатно. Что левый, что правый, каменные драконы выдержали все атаки. Рацца ухмыльнулся.

— Не тратьте вашу энергию впустую; вы ничего не добьетесь. Ваши предшественники также потерпели поражение. Драконы не боятся ударов.

— Учитель, — задыхаясь, проговорил Тоб, — из какого дьявольского материала они сделаны? В какой каменоломне добывают камень столь твердый?

— В одной далекой северной области, затерянной в вечных туманах. Наши враги называют его пиритом. Но я хотел показать вам не только это. Посмотрите-ка внимательно на эти создания. Одно из них — и в самом деле просто скульптура, тогда как другое — настоящий дракон... Живая рептилия, окаменевшая на время спячки.

Шепот недоверия пробежал по группке учеников.

— Но, учитель... Это невозможно...

— Оставьте эти мысли! — сухо отрезал Рацца. — Не стоит недооценивать врагов. Наши люди слишком быстро забывают, что драконы суть лишь охотничьи собаки, свора, посланная противником, чтобы нас уничтожить. Чтобы постичь истину, надо смотреть намного дальше. Ну, а сейчас, взгляните в этих тварей... Они неотличимы друг от друга. И, однако, достаточно окропить водой того, что слева, чтобы его кожа вновь стала упругой, хвост забил по земле, лапы покинули пьедестал, на котором они покоятся. Да! Довольно и капли, чтобы вернуть его к жизни... и заставить броситься на нас.

Рацца сделал паузу, с удовлетворением наблюдая, как на лицах его учеников застыло ошарашенное выражение.

— Они называют это сухой гибернацией, или иначе молекулярным сжатием. Процесс запускается автоматически, как только тела рептилий перестают подвергаться постоянному смачиванию водой.

— Вы хотите сказать: как только прекращаются дожди? — осмелился спросить Нат.

— Да! Едва увлажнение становится для них недостаточным, они впадают в спячку. Их мускулы, внутренние органы, кожные покровы затвердевают до предела, можно сказать, «минерализуются». Их жизнь приостанавливается, и они превращаются мумии тверже самого крепкого камня. Обезвоживая свои оболочки, они противопоставляют солнцу прочный панцирь — результат естественной кальцификации тканей. Лишь сердце и некоторые фундаментальные доли мозга не подвергаются этому добровольному окаменению, но пульсация настолько замедляется, что ее невозможно уловить, даже приставив ухо к боку «статуи». Такова их хитрость, их стратегия в противостоянии небесному огню, которая позволяет им не сгореть вместе с их гнусными лесами. И засушливый сезон проходит для них, как солнечный луч скользит по поверхности камня, не проникая в него...

Рацца замолчал, тяжело дыша и стиснув пальцами ткань своего одеяния.

— Вы устали, учитель! — робко сказал Акарис.

Но Рацца отмел замечание взмахом рукава.

— Каждый год они на шесть месяцев впадают в это личиночное состояние. Превращаются в народ статуй. Только осенний дождь, заструившись по их телам, кладет конец этому каменному заточению, в котором они дремлют. Шаг за шагом активизируются

химические процессы, выделяются гормоны, они истачивают и разрушают минеральный кокон, защищающий клетки. Эти существа можно сравнить с черепахами, чей панцирь на полгода становится мягким и гибким. Да, думаю, это хороший образ: черепаха с изменяемым панцирем — то кость, то плоть...

Нат снова потрогал руками обоих неподвижных чудовищ: что каменный, что «живой», оба казались одинаковыми. И на вид, и на ощупь. В последней надежде он прикоснулся к драконьему носу, пытаясь уловить запах, какие-либо испарения... Ничего.

— Они не боятся ни молота, ни зубила, — заверил Рацца; от ненависти его голос звучал резче. — Не стоит и надеяться уничтожить их такими средствами.

— Но как же эта тварь попала сюда? — вдруг спросил Ульм, указывая пальцем на спящего дракона.

— По моему приказу, — веско ответил Рацца. — Как пример опасностей, которые подстерегают будущих искателей, и чтобы ни у кого не возникло мысли посчитать мои слова бредом выжившего из ума старика.

— Но... — пробормотал Акарис. — Но... что, если этот монстр проснется?

— До тех пор, пока сюда не проникнут дожди, чтобы окропить его, тебе нечего бояться! Он пребудет таким как сейчас — уснувшим на тысячи лет, навечно отрешенным от жизни.

— А он нас слышит? Видит? — встревожился Нат.

— Не думаю. Во время каменного анабиоза его функции замедлены до предела, а органы восприятия отключены. В лучшем случае, произнесенное перед ним слово достигнет его мозга лет через десять.

— Но если они настолько неуязвимы, что мы можем против них? — воскликнул вдруг Тоб. — Мы бессильны!

— Кто сказал, что они неуязвимы? — возразил Рацца, сверкнув глазами. — Да, молоток и зубило их не берут, это факт, но есть и другие способы их уничтожить. И в надлежащее время я обучу вас этим способам. А сегодня я лишь хотел, чтобы вы прикоснулись руками, чтобы на примере этого дракона вы осознали тот природный феномен, который позволяет нашим врагам выживать летом в пустыне. Но это свойство сопряжено у них с хитрой уловкой, которая осложнит вашу задачу. В своем коварстве они быстро поняли, какую выгоду сулит им их сходство с камнем. Вот за эту тактику мимикрии их и прозвали хамелеонами...

Рацца остановился и величественно поднял руку.

— Слушайте! — выдохнул он. — То, что я вам сейчас скажу, никогда не должно покинуть пределы ваших губ. Потому что в большинстве своем люди не догадываются о дьявольской силе хамелеонов. Обычно говорят только о драконах, но драконы ничего не стоят без своих хозяев, которые натаскали их выслеживать нас. Однажды эти палачи перестанут довольствоваться нападениями исподтишка и явятся сами, чтобы нас истребить. За одну дождливую ночь их армия достигнет подножия нашей скалы; они взберутся по стенам и хлынут в пещеры. Они обольют нас водой из насосов, зальют нижние уровни, повернут русла потоков так, чтобы мы оказались затоплены... Вот почему ваша задача столь важна и прекрасна. Наше выживание зависит от вас, от вашей самоотверженности и от вашей готовности умереть.

Воцарилась глубокая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием очага в середине зала. Из параболических зеркал на ящеров падали белые лучи — в точности как днем в пустыне. Нат зачарованно смотрел на них, воображая, как под нерушимым панцирем идет медленная

работа органов, а расслабление сердечной мышцы следует за сокращением не ранее, чем через две недели... Подобное чудо не укладывалось у него в голове.

Словно прочитав его мысли, Рацца сказал сухим тоном:

— Не поддавайтесь своему наивному восхищению! Все, что заключено в образе дракона, суть зло. Единственный свет, который можно увидеть в его глазах — это свет ненависти. Вот почему вы не должны иметь другой цели кроме одной: убить...

Нат опустил голову и отступил на шаг. От внезапного чувства тоски в горле возник комок.

— На границе пустыни стоят некрополи, — чуть слышно начал Рацца. — Города-кладбища с пустынными улицами и необитаемыми домами... Летний ветер, прошелестев по этим улицам, стихает, так и не встретив ни одной живой души. Там нет ничего — только дворцы, полные скульптур, с множеством балконов, поддерживаемых армией кариатид; выжженные сады, в которых расставлены эскадроны конных статуй. Барельефы в натуральную величину украшают стены храмов, каменные фигуры возлежат на каменных помостах. Каждый город — словно грандиозный музей с богатыми залами. Вознесенные на свои пьедесталы, сонмы идолов застыли в причудливых позах под палящим солнцем сезона засухи. А если вы проникните в жилища, что окружают площади, то увидите немыслимое количество алтарей, возведенных у ног неизвестных божеств, память о которых не сохранила ни одна мифология. Проблуждав день по этому городу, вы ощутите головокружение и удушье. Будто этот лабиринт статуй, остановленных на середине жеста, смыкается вокруг вас. Будто вы сейчас, подчиняясь неведомому колдовству, окажетесь в строю этой неподвижной когорты...

Рацца умолк, пошатываясь. На его правом виске набухла и пульсировала крупная вена. Нат больше не мог сдерживать свое любопытство.

— Вы хотите сказать, что...

— Да, ты правильно понял. Среди этих статуй далеко не все из камня! Это и есть та хитрость, с которой вам предстоит справиться. Люди воды отлично научились извлекать пользу из феномена сухой гибернации. Чтобы обезопасить себя от наших разрушительных набегов, они придумали использовать свое сходство с мрамором. Их скульпторы изваяли тысячи статуй в человеческий рост, чьи пропорции в точности соответствуют реальным. Для этого они использовали камень, зеленый, как их кожа, и не имеющий себе равных по прочности, который они обтесали и отшлифовали при помощи неизвестной нам техники. Так они создали целую армию фигур обоих полов и всех возрастов. Подлинный народ идолов немыслимой анатомической точности, установленных на пьедесталах, застывших у стен, вззирающих с крыш зданий. А затем, как только наступает время гибернации, они сами включаются в эти композиции! Они смешиваются с толпой статуй — взбираются на каменных коней, занимают место в хороводе нимф, замирают над алтарями несуществующим божествам! Они путают карты! Кальцификация, которая превращает их кожу в панцирь, позволяет им создавать морок, дает возможность на целый сезон затеряться в этом лесу статуй. Теперь вы понимаете, почему их называют хамелеонами? Умножая число скульптур, они могут становиться невидимыми, растворяться в их массе. Теперь вы по собственному опыту знаете, насколько велико их искусство: ведь вы оказались неспособны выявить различие между драконами. Между подлинным и фальшивым, между изображением и его моделью...

— А зачем нужно их различать, если у нас только и есть, что жалкие молотки? —

обиженно вскинулся Ульм.

— Когда вы отправитесь в странствие, вы будете вооружены не кувалдами, — отрезал жрец. — У нас еще есть мощные взрывчатые вещества...

— Так достаточно снести каждый город до последней статуи! — глуповато обрадовался Тоб.

Рацца раздраженно прищелкнул языком.

— Не все так просто! Далеко не все! Наши запасы взрывчатки хранятся с давних времен. Мы обнаружили их в глубине скалы, где их укрыли наши предки. Понимаете, что это означает? Что наша неразвитая наука не способна синтезировать эти вещества. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы устроить вакханалию взрывов, чтобы снести каждый город до последней статуи! Наоборот, взрывчатку следует использовать с большим разбором, сперва научившись отличать каменных от живых в толпе неподвижных фигур. Живая материя, и только она, подлежит уничтожению. К чему нам истребление скульптур?

Тоб опустил голову.

— Это будет вашим основным принципом, — объявил жрец. — Вы ни в коем случае не должны тратить взрывчатое вещество ради бессмысленных разрушений. Я понимаю, как это сложно. Выматывающая игра в прятки в лабиринте безумных сооружений, с одним вопросом, терзающим ваше сознание: статуя это или живое существо? Вы испытаете муки сомнения. Каждый раз, истратив заряд, вы еще долго будете проклинать себя. Вы будете бродить как сомнамбулы по этим городам из кошмаров: с пьедестала на балкон, с балкона на барельеф, ощупывая, исследуя, обнюхивая с закрытыми глазами для пущей концентрации. Я сам пережил подобное, когда обходил эти города-ловушки, чтобы потом составить карту. Я был тогда молод и невыносимо страдал от собственного бессилия. Я пытался задавать им вопросы, даже оскорблять их. Я поднимался ночью и до изнеможения бил кулаками по их торсам, а утром отступал, побежденный, с разбитыми костяшками. С тех пор я нашел, чем их поразить. Поверьте, вы не пуститесь в путь безоружными. Водному народу придется туго от вашего набега. Их уловки им уже не помогут! Ваши глаза, перебегая от лежащих фигур к стоящим, смогут в три секунды отличить спящего хамелеона, маскирующегося под статую, от каменной копии. И тогда вы со знанием дела его уничтожите, и за каждого поверженного врага люди пещер будут вечно превозносить ваше имя!

Возвышенную речь Раццы оборвал приступ кашля. Тоб исподтишка злорадно ухмыльнулся.

Этой ночью Нат плохо спал. Ему снилось, что он заблудился в лабиринте застывших фигур. Он колотит по ним молотом, в тщетной попытке различить их. Не в состоянии определиться, он перебегает от одного пьедестала к другому, без конца меняя место закладки взрывчатки. Какова доля живых среди этих изваяний? Сколько статуй приходится на одного хамелеона? Десять? Двадцать? Сто? Если он заложит взрывчатку наудачу, каковы его шансы уничтожить подлинного врага?

Застонав, Нат проснулся под недовольные окрики соседей по спальне.

Три дня спустя Рацца привел нескольких совсем юных девушек с непомерно большими грудями — гидрофагов — и дал понять, что ущербность этих рабынь (они были лишены языков) компенсировалась развитием необыкновенно острого слуха.

Нату уже доводилось слышать об этом феномене, но он не мог взять в толк, чем племя

гидрофагов может быть полезно им в том странствии, которое они собирались предпринять. Он сказал об этом жрецу и получил в ответ гневный взгляд.

— Они способны различать тончайшие тона, которые наше ухо не может уловить. Я знаю это, потому что я сам их проверял. Они утверждают, что отзвук от статуи и от живого хамелеона, если по ним ударить серебряным молотком, не будет одинаков. Существует едва заметная разница в резонансе. Разница, позволяющая безошибочно выявить подделку!

— А может, они врут, чтобы придать себе значительности? — хохотнул Тоб.

— Исключено! — отрезал Рацца. — Я тысячу раз в их отсутствие переставлял местами драконов. В семи случаях из десяти они смогли определить спящую рептилию. Эти девушки отправятся в путь с вами. Они есть тот козырь, которым вы не имеете права пренебрегать. Особо хочу заметить: они девственницы и должны таковыми остаться. Какая-либо органическая модификация может оказать воздействие на их способности, а я этого не желаю.

Затем состоялся жребий, по которому каждый будущий рыцарь получил свою служанку-грума. Как понял Нат, девушку, что досталась ему, звали Боа. Он протянул ей руку, не зная толком, как следует себя с ней вести. Тоб, Ульм и другие предпочли презрительно отвернуться. В глазах молодой рабыни что-то сверкнуло. Что-то, похожее на гордость и на вызов. Она словно сказала ему: «Еще посмотрим, кто из нас окажется лучше, доблестный сэр: вы, с вашим нелепым каучуком, или я, с моим отрезанным языком!»

Гром и птица

На рассвете одиннадцатого дня Боа привстал в стременах и указала пальцем на горизонт. Нат вздрогнул, и Кари, тотчас почувствовав его нервозность, забил копытами и затряс гривой. Посреди покрытой трещинами долины что-то чернело, какая-то область с четкими геометрическими границами, которые невозможно было списать на случайность. Прищурив глаза, Нат различал многоэтажные сооружения с террасами, зубчатые выступы, раскинутые веерами величественные лестницы. Ну, а зеленый, похожий на малахит, материал, не оставлял сомнений по поводу природы этого места. Конечно же, то был город. Город, спящий каменным сном.

Нат сжал челюсти. Значит, конец пути близок. Он понял: подсознательно он надеялся, что карта, составленная Раццей, является приблизительной, а возможно, и придуманной, и эта неопределенность сулит им долгое странствие. Он ожидал, что им придется покружить, тем самым удлинняя дорогу и получая временную отсрочку. Он был раздавлен. Координаты, указанные Раццей тридцать лет назад, обнаружили сегодня свою обескураживающую точность. Скрепя сердце, Нат изобразил воодушевление: поднял вверх кулак в знак победы. При этом в глазах служанки, как ему показалось, блеснули иронические огоньки. Он пожал плечами и хлестнул коня. Однако на сей раз размашистый галоп через дюны не развеял его тоскливых мыслей.

В начале вечера, словно в подтверждение неизбежности того, что их ждет, с западным ветром по равнине прокатились глухие отголоски взрыва. Нат и Боа застыли. Даже искаженное расстоянием, это эхо невозможно было не узнать: пронзительный металлический скрежет — органная труба, задетая взрывной волной, — заканчивался резкой трелью, от которой занули уши. Сомневаться не приходилось: кто-то только что взорвал шашку...

Кто-то уже был у цели — возможно, в самом сердце спящего города. Кто? Тоб? Ульм? Акарис? Несмотря на потаенный страх, который гнезился где-то в желудке, Нат ощутил укол ревности: значит, он не будет первым! И тут же упрекнул себя за мелочность. Они здесь не соревнуются друг с другом, а выполняют работу, требующую терпения и кропотливости. И неважно, кому достанется пресловутая пальма первенства.

В тот день вдалеке раздались еще два взрыва, но где именно, Нат определить не смог: ветер уже сменил направление.

Нат прибавил ходу, безотчетно пытаясь себе доказать, что ему не терпится тоже поиграть со взрывчаткой. Хотя на самом деле ничего этого не было. Зеленая стена, что с каждым часом становилась выше, внушала ему страх, а в голове крутились слова учителя Раццы. Ему вспоминались фантасмагоричные описания жреца: пустынные улицы, заполненные статуями, неподвижный маскарад, великая уловка гeбepнaции. Сумеет ли он отличить живых от каменных? Конечно, Боа придет ему на помощь. Боа, и ее маленький серебряный молоток. Но и ее чутье небезупречно: она верно угадывала в шести случаях из десяти, редко чаще. К тому же, оба они утомлены долгим переходом.

Недолгий и непрочный сон, нервное напряжение, накопившееся за ночи, когда она стояла на страже, несомненно, повлияют на точность Боа. Ей следовало бы хорошенько выспаться, прежде чем приступать к чему-либо. Хотя в любом случае, окончательное

решение принимает рыцарь-искатель. «Не попадайтесь в ловушку нерешительности! — часто говорил им Рацца. — Дайте себе на раздумья тридцать минут, не больше, после чего выполните свой долг. В противном случае вас утянет в водоворот сомнений. Сомнения обрекут вас на промедление, и вы день напролет будете изучать свою мишень, не отваживаясь сделать шаг. Если вы не сможете быстро принять решение, ищите другую цель. Но будьте осторожны! Два раза подряд отступив перед препятствием, вы рискуете разувериться в своих силах... Даже отчаяться. Когда вас во второй раз одолеет кризис нерешительности, действуйте наобум. Но это не должно превратиться в систему! Пусть это будет вашим способом преодолеть минуту слабости, но никак не правилом...»

Сомнения... Вот это подлинный враг. Все надо делать быстро, не слишком раздумывая. Действовать технично: удостовериться в наличии нужных признаков, с часами в руках взвесить все за и против и подытожить сумму вероятностей. И ни в коем случае не давать обратный ход. Не допускать колебаний. Критический взгляд Боа, направленный ему в затылок, он уверен, заставит его собраться, и никакой из демонов, о которых предупреждал Рацца, не сможет утянуть его в свою пучину. В этом Нат дал клятву.

Раскаленный воздух дрожал, искажая очертания предметов, но, несмотря на это, город проступал все отчетливее. Каждая новая деталь решительно опровергала предположение о мираже. Уже можно было различить подъездную дорогу; по сторонам ее, словно изгородь, выстроился двойной ряд застывших драконов на одинаковых кубических пьедесталах. При мысли, что ему придется пройти через эту галерею ощеренных зубов, Нат ощутил непривычный спазм в своем атрофированном желудке. Сколько здесь каменных ящеров? И сколько спящих монстров? Сколько гибернантов и сколько их копий?..

Нет! Он не должен поддаваться головокружению! Количество статуй подавляло, и чтобы прийти в себя, Нат сконцентрировался на действиях, которые ему предстоит выполнить совсем скоро, инстинктивно ища взглядом ящики, обтянутые кожей и притороченные ремнями к крупу вьючной лошади.

«Это не простая взрывчатка! — не раз втолковывал им Рацца, ведя их за собой вглубь скалы, в сумрачную пещеру, о существовании которой никто, кроме жреца, не знал. — Нет, вещество, к которому вы сейчас прикоснетесь, не имеет ничего общего с тем, о чем вы могли слышать прежде. Никаких фитилей, электрических проводов, никаких взрывателей — ни ручных, ни замедленного действия, ни срабатывающих от встряски, никаких датчиков времени, часовых механизмов, никаких запалов... Нет, субстанция, содержащаяся в этих ящиках, не боится ни жары, ни огня, ни ударов. Вы можете бросить ее в пламя, бить по ней молотком — и нисколько не опасаться взрыва. Фактически это вещество чувствительно лишь к одному воздействию: к звуку! К определенному звуку некоей частоты. Только к нему, и ни к чему другому. Превосходное решение, согласитесь!»

Спотыкаясь в полумраке каменного лабиринта, неофиты предпочитали помалкивать. Наконец, в дрожащем свете факела им открылось странное сооружение: гигантское веретено из покореженного металла, впечатанное в скалу, словно лезвие в рану. Ржавчина расплзлась по его поверхности алыми язвами; лопасти, покривившиеся от удара, были изрезаны ее жалкими кружевами.

— Космический корабль, — проговорил Рацца; его голос дрожал от волнения. — Возможно, боевой крейсер. Эта пещера, несомненно, является его шахтой. Но со временем шахта обрушилась, похоронив его навсегда в толще скалы...

Недоуменно сдвинув брови, Нат обернулся к товарищам, но ни Тоб, ни Акарис не могли объяснить смысл странных слов мастера поиска, и ему пришлось просто принять их к сведению. Отодвинув проблему на край сознания, Нат все свое внимание перенес на ржавую конструкцию. Тем временем Рацца ступил на примитивный мостик и двинулся в нутро «корабля». Факел, раскачивающийся в его тощей руке, дымил и потрескивал, потоки воздуха отбрасывали за ним шлейф из сажи и искр, опалявший волосы учеников, гуськом следующих за учителем. Наконец они оказались в круглом помещении, стены которого были сплошь заставлены ящиками, похожими на дорожные выюки, обитыми кожей, побелевшей от пыли; кое-где ящичков не доставало, и на их месте зияла пустота.

— Сто восемьдесят, — прошептал Рацца, — их осталось только сто восемьдесят. Эти запасы невозможно восполнить. Пробелы, что встречаются от ряда к ряду, никогда не будут восстановлены... Перед вами сейчас наше единственное оружие против людей дождя, оружие, унаследованное в далеком прошлом, и от которого однажды не останется ничего, кроме воспоминаний. Понимаете теперь, почему его нельзя растрачивать впустую?

С огромной осторожностью Рацца вынул один из ящичков и распустил связывающие его ремни. Нат заметил, что с внутренней стороны короб защищал резиновый слой шириной в несколько сантиметров. В центре ящичка находилось прямоугольное углубление толщиной в руку, наполненное розовой массой, по виду напоминающей желатин.

— Не много же сюда поместилось! — тихонько фыркнул Тоб.

— Это называется «глухим ящичком», — объяснил жрец, демонстрируя маленький кожаный короб. — Изнутри он полностью звукоизолирован; это сделано, чтобы ни один звук снаружи не достигал взрывчатого вещества, чтобы оно оставалось «глухим» ко всем внешним воздействиям. Это очень важное условие, и его соблюдение может спасти вам жизнь, а пренебрежение им, напротив, оборвет ее.

— Ну, а фитиль? — отважился спросить Ульм.

На лице мастера промелькнула гримаса раздражения.

— Я ведь вам уже говорил! Эта субстанция реагирует только на определенный звуковой сигнал. Что же до инструмента, к которому прибегали создатели взрывчатки...

Рацца раскрыл руку. На ладони у него поблескивал странный свисток, что-то вроде небольшой костяной флейты.

— Это? — недоверчиво воскликнул Тоб.

— Да, именно это! Простой свисток, вырезанный из неизвестного нам материала. Из кости или из рога, но в нашем мире не существует животного, которому они могли бы принадлежать. Благодаря этой особенности он способен создавать своеобразный звук, который никакое человеческое горло не сможет произвести. Этот свист мгновенно провоцирует детонирующую реакцию. Крайне локализованный, но необыкновенно мощный взрыв, перед которым ничего не способно устоять...

— Что значит крайне локализованный? — спросил Нат, не отрывая глаз от желтоватой трубки, которую жрец сейчас зажимал между большим и указательным пальцами.

— Я хочу сказать, что взрыв разрушит все в радиусе двух метров, какой бы не была прочность объектов, но если ты будешь находиться на расстоянии пятидесяти сантиметров от зоны поражения, ты ни в коей мере не будешь задет. В двух шагах от тебя разверзнется ад, но ни огонь, ни ударная волна не нанесут тебе ни малейшей раны.

— Невероятно! — выдохнул Ульм.

— Однако я ничуть не преувеличиваю, — подтвердил жрец с довольной улыбкой. —

Вот какова наука у этих неизвестных существ. Мы все испробовали против драконов. Все старые традиционные взрывчатые вещества, составленные нашими мастерами на основе серы и селитры. И самое большое, на что они были способны — произвести трещину в панцире хамелеона! И только эта материя, пришедшая к нам со звезд, может нам помочь в нашей очистительной миссии. Эта смертоносная субстанция, которой мы обладаем, увы, лишь в ограниченном количестве.

— Ну, а свистки? — перебил его Тоб.

Рацца поморщился.

— Их тоже осталось немного. Некоторые испортились от времени. Достаточно одного простого скола на кости, чтобы извлекаемая нота изменилась и, следовательно, перестала оказывать воздействие. Это еще одна трудность, с которой вам предстоит столкнуться. Я уже говорил вам, что мы вырезали миллионы подобных свистков, но не добились ни малейшего эффекта. Когда вы окажетесь в пустыне, как зеницу ока берегите свой детонатор: трещина, царапина на язычке, и инструмент станет бессильным, бесполезным. И тут хоть дуйте в него, пока не лопнут щеки: взрывчатое вещество не соизволит пробудиться от своего неподвижного сна. И вы, мои рыцари, будете не опаснее, чем пугало. А что может пугало против дракона?

И прежде чем вновь исчезнуть в одном из карманов Раццы, костяной цилиндрик прошел по рукам учеников. По поводу взрывчатки больше вопросов не было.

Прошел почти год, прежде чем Нат снова столкнулся с загадкой этого странного способа разрушения. В то время он проходил подготовку при конюшнях под началом одного из учеников старшего набора. Это был парень, весь состоящий из мускулов и с вызовом носящий бритый череп. Откликался он на имя Ольмар. Мелкий интриган, он пользовался непререкаемым авторитетом среди неофитов. Нат, опасаясь его грубости и силы, при встречах с ним всегда был сдержанно вежлив.

Однажды вечером Ольмар, желая произвести на него впечатление, неожиданно ударился в откровения.

— Старик Рацца смеется над вами, — ухмыляясь, сказал он, решительно вонзив вилы в соломенную подстилку.

И, видя недоумение Ната, прибавил, гнусно улыбаясь:

— Да, да! Он рассказывает вам сказки, а вы, малышня, слушаете его, раскрыв рот. Он старый хитрец: то, что может напугать, он утаивает от вас. Своей болтовней заставляет вас сиять от гордости! Слава!.. Да он скрывает от вас самое дерьмо! А я тебе скажу. Мне ты можешь верить. Держу пари, он вам уже показывал взрывчатку? Взрывчатку, которая срабатывает только на звук свистка? Волшебную хлопушку, которая делает «бум», когда ты играешь на флейте?

Нат кивнул. Его горло внезапно сжалось от дурного предчувствия. Ольмар понизил голос и уселся на солому, поманив его знаком поближе к себе.

— Тебе не кажется странным, что это взрывчатое тесто, что его непременно надо держать в глухом ящике? Если для того, чтобы заставить его бабахнуть, без свистка не обойтись?

Нат кусал губы; этот вопрос тоже приходил ему в голову, но он не осмелился его задать из уважения к учителю.

— Я скажу тебе, почему оно так! — хохотнул Ольмар. — В пустыне обитает одна

птичка песочного цвета; их осталось совсем немного; она называется гулинь. В период токования — в конце лета — она испускает крики, похожие на странный писк. Вот, и этот крик в точности тот же, что издает волшебный свисток Раццы! Теперь ты понял?

Нат вытаращил глаза. Парень с бритым черепом победно загоготал.

— То-то и оно, старик! Если глухие ящики будут неплотно зарыты, или если ты будешь расхаживать с взрывной пашкой в руках, и в этот момент явится гулинь, чтобы пропеть свою песню, ты взлетишь на воздух! Когда окажешься в пустыне, прежде чем открыть свой ящик, посмотри хорошенько в небо и помолись, чтобы гулинь не затаился где-нибудь неподалеку. Кому-кому, а ему не нужен свисток! Он раскрывает клюв, перебирает язычком, и — хоп! Чик-чирик-БУМ!

Ольмар быстро оглянулся, проверяя, нет ли кого поблизости, и продолжил едва слышно:

— И это еще не все. Ты не хуже меня знаешь: костяных свистков почти не осталось, и старой обезьяне не удастся создать новых. Тогда он придумал оригинальное средство для достижения нужного результата. У него в мыслях — попытаться изменить голосовые связи рыцарей-искателей! Не больше и не меньше! И, кажется, он уже втайне приступил к операциям. Берет тех, кто поменьше, открывает им рот, и — чик! Отрезает, надрезает, настраивает им голос, как какой-нибудь музыкальный инструмент! И все это — чтобы они могли произвести звук, такой же, как у его долбаного свистка... Но вот в чем засада: до сих пор у него так ничего и не вышло. По пробуждении детишки оказывались либо совсем немыми, либо едва способными пищать, как утки. Говорят, на совете старейшин ему посоветовали опробовать кастрацию. Вроде бы это предотвратит ломку голоса. А по самым последним слухам, сейчас обсуждается вопрос: кастрировать всех новичков младше десяти лет! Говорю тебе, он сумасшедший! Скоро, чтобы заставить этот дурацкий динамит разродиться, ему потребуется спеть колыбельную! Составится целый хор — хор мальчиков-взрывателей! Вот уж будет зрелище... В общем, берегись его! В его заплесневелом мозгу полно гнилых идей.

На плечи Ната, словно тиски, опустились жилистые руки Ольмара. Криво улыбнувшись, он добавил:

— Единственное, о чем мы можем мечтать, старик, это чтобы гулинь не свистнул у нас под ухом в тот день, когда достанем нашу первую динамитную пашку!

Впоследствии Нат часто раздумывал над словами Ольмара. Были ли они пустыми рассказами, выдуманными с единственной целью — упрочить свой вес в глазах мальчишки? Или за ними скрывалась некая истина? Как и другие, Ольмар отправился в поиск и никогда больше не вернулся. Совершил он акт самоубийства при помощи последнего заряда, как то предписывал установленный ритуал, или... стал жертвой гулиня?

* * *

Нат обвел пальцем края футляра из темного дерева, висящего у него на шее на толстой цепи. В нем лежал костяной свисток, завернутый в шелковый лоскут, упрятанный, в свою очередь, в кусок просмоленной ткани. Нату вспомнилось, как однажды он осмелился потребовать у Раццы подробностей, рациональных объяснений. Однако вопреки его опасениям Рацца не впал в ярость перед подобной наглостью.

— Почему процедура так сложна? — спросил он с веселым огоньком в глазах. — А ты на самом деле уверен, что она... сложна? По-твоему, проще было бы использовать фитиль, который боится влаги? Или огниво, которое может не зажечься, разбиться, или вообще потерять кремь? Электрический детонатор, чей испорченный от времени генератор окажется не способен создать сильный разряд? Поразмышляй над этим, и ты убедишься: твои упреки отпадут сами собой...

Нат был побежден; как ни старайся, Раццу невозможно было заставить врасплох. У этого дьявола все находился ответ.

* * *

По равнине пронесся вихрь, обдав песком лошадей и всадников. Залп мелких камешков заставил Ната сжать зубы; Кари заржал. Юноша озабоченно нахмурился: порывы ветра становились все более и более яростными. Эти атаки невидимого противника пугали лошадей, и после них весь остаток дня животные проявляли нервозность. Нат вздохнул, пытаясь освободиться от тяжести, что сдавливала ему грудь. Период бездеятельности подходил к концу, и он был этому рад. Его дух больше не обречен биться в коробке черепа, как зверь в клетке. Не сегодня-завтра он на практике применит те манипуляции, что заучил в недрах пещер, он будет уничтожать народ фальшивых статуй, спящих врагов, прикидывающихся камнем.

И не способных сопротивляться, добавил едва слышный голос где-то в глубине его сознания, но Нат заставил его замолчать и пришпорил Кари.

* * *

Тем же вечером они достигли первых изваяний, образующих двойную изгородь вдоль подъездной дороги. Лошади встали на дыбы. Неподвижные драконы, казалось, составляли одно целое с их пьедесталами; в застывшем рывке они обратили в сторону пустыни оскаленные пасти. Глаза не выражали ничего — ни презрения, ни кровожадности.

«Глаза статуй! — подумал Нат. — Пустые, фальшивые. Зрачки, за которыми ничего нет...»

Он почувствовал, как его охватывает отчаяние.

Настала ночь. Боа пошатывалась от усталости. Несмотря на свое отвращение, Нат решил устроить ночлег вблизи драконов. Расстояние и темнота не позволяли разглядеть очертания города, но уже можно было угадать нагромождения различных строений и множество фигур, замерших в символических позах.

«Лабиринт статуй», — вздрогнув, подумал Нат. Завтра ему придется войти в эти аллеи, окаймленные группами всадников, нимфами с венками на головах, хороводами напускной грации...

Его затылок сжало от головной боли; он завернулся в плащ и улегся на землю, ощущая обнаженным бедром холодную сталь обоюдоострого меча. Еще один самообман, Нат это хорошо понимал. Беспольный амулет против сил, которым он вознамерился бросить вызов, вроде тех тряпичных кукол, которыми успокаивают малышей в час отхода ко сну, когда

слышатся голоса сумрака и бродят ночные демоны.

Он вытянулся на спине, устремив глаза к небу. А если внезапно разразится гроза? Если первый ливень сезона дождей начнется без предупреждения, через час, когда его веки будут сомкнуты, и ничто не защитит его тело от мертвящего потока? Если...

Нат прикусил язык. К чему без толку себя пугать? Ни одно облако пока не омрачало небесный простор, у него еще есть время, в этом он не сомневался. По крайней мере, пятнадцать дней... Еще две недели, прежде чем придется натягивать каучуковые доспехи.

Народ статуй

Нат никак не мог заснуть. Бледный диск луны казался ему глазом, неотрывно глядящим в затылок. Ночной ветер нес холод, а песок под боком, уплотнившись, стал твердым, как камень. Тепло покидало его; тело коченело, словно заразившись от ледяной стали меча, прижатого к бедру. Неподвижный, укутанный в плащ, Нат с горечью подумал, что сейчас он один в один мертвец, распростертый под саваном.

Боа спала неподалеку, в углублении; волосы укрывали ее плечи, как одеяло из толстых волокон. Лошади дремали с полуоткрытыми глазами, изредка вздрагивая гривой. Близость статуй явно пугала их. Нат и сам не мог удержаться от того, чтобы время от времени не бросить взгляд на скульптуры из-под ворота своего плаща. В голубоватом ночном свете силуэты драконов вытянулись в гигантские тени, что поглощали пьедесталы, достигли земли и поползли по ней, словно выслеживая добычу...

Занятый своими печальными мыслями, юноша не сразу уловил едва слышный треск, приближающийся к ним. Если бы не тревога, подогревшая его воображение, возможно, он никогда не заметил бы его. Пальцы мгновенно напряглись и сомкнулись на рукояти меча, глаза вперились в темноту. Однако Нат, как и люди его расы, способные прямо смотреть на солнце, не обладал хорошим сумеречным зрением. У него ушло несколько мгновений, прежде чем он смог различить очертания того, кто шел по направлению к драконам. По облику это был человек — судя по росту и по тому, что он двигался на двух ногах. Это немного ободрило Ната.

Он осторожно попытался высвободить ноги, запутавшиеся в складках плаща. Чужак уже находился где-то рядом с лошадьми, которые, на удивление, не выказывали ни малейшего испуга. Нат услышал, как звякнули раскрывшиеся застежки; опустившись на колени, вор принялся рыться в седельных сумках. Отбросив плащ, Нат вскочил, занес над головой меч и выкрикнул караульный клич: «Кто здесь?»

Но, увы! Он переоценил свою гибкость. По пульсирующей боли, пронзившей бедро, Нат догадался, что потянул мускулы, заочневшие от неподвижности и холода. Страдальчески охнув, юноша упал на колени, в то время как таинственный силуэт резко выпрямился. Но тут подоспела Боа; она метнула в сторону пришельца свой локон-щупальце, который обвил его лодыжку. Незнакомец споткнулся, покатился по земле и... скрылся в ночи.

Нат схватил меч за лезвие и, действуя им как кинжалом, швырнул его изо всех сил в направлении беглеца. Он услышал свист рассекаемого воздуха, затем скрежет песка, в который вонзился клинок. Цель ушла от него. Этот промах окончательно погрузил его в ощущение собственного бессилия.

Он неловко поднялся, — правое бедро по-прежнему было сведено судорогой, — и захромал по направлению к лошадям. Боа, орудуя огнем, уже зажигала фитиль масляной лампы. Язычок света из медного рожка выхватил разворошенные выюки и откинутые крышки ящиков. Странно: создавалось впечатление, что ночной вор охотился за единственной вещью — резиновыми доспехами. Они были наполовину вытащены из своего чехла, словно незнакомец собирался присвоить их. Боа в знак недоумения высоко вскинула брови, получив от своего хозяина в качестве ответа раздраженную гримасу.

Все еще прихрамывая, Нат доковылял до меча, наполовину погруженного в песок, ухватился за рукоять и, опершись на пьедестал, вытащил его. Боа осмотрела землю, но на

мелком песке, то и дело возмущаемом ветром, не сохранилось видимых следов.

— Это человек! — воскликнул Нат, упав возле мешков. — Более того — это один из наших! Кому еще понадобится воровать водонепроницаемые доспехи?

Боа кивнула головой, соглашаясь. Было еще одно, что говорило в пользу предположения Ната: лошади не проявили беспокойства при появлении незнакомца. Только кто-то из своих мог приблизиться к ним, не вызвав у них страха, кто-то из своих, или, другими словами — рыцарь-искатель... Этот вывод озадачил Ната. Кодекс чести искателя, последним правилом которого было неизбежное ритуальное самоубийство, исключал подобную возможность. Казалось немыслимым, даже кощунственным — вообразить, что кто-то из участников прошлых миссий мог осмелиться остаться в живых. И тем не менее...

— Отступник! — пробормотал Нат вполголоса, заставив служанку вздрогнуть.

Да, это было единственное подходящее объяснение: отступник, который дерзнул пренебречь, презреть священные заповеди поиска... Негодяй, осквернитель, который — без всякого стыда — надругался над кодексом чести рыцарей-искателей. Однако Нат тут же осознал всю абсурдность своих заключений: идея, что здесь возможно выжить, шла вразрез с логикой! Как мог человек солнца пережить сезон (или сезоны!) дождей? Это было непостижимо. Когда пустыня уступает место влажному лесу... Когда орды драконов рыщут в густой траве прерий, песок, насыщенный водой, превращается в болото, в рисовую плантацию... И постоянный дождь... Нет, это немыслимо!

Поняв, что Боа смотрит на него, Нат отвернулся, чтобы скрыть свое волнение. Отступник! В разговорах с учениками Раца никогда не упоминал о подобном явлении. Впрочем, мальчики никогда — пусть и на секунду — не допускали мысли, что рыцарь может уклониться от участи смертника.

— Мы его схватим! — прорычал Нат. — Завтра ты установишь ловушки возле лошадей. А мы — неподалеку — будем делать вид, что полностью вымотаны нашими подрывными работами.

Боа развязала один из мешков и извлекла из него двойной стальной капкан, приводимый в действие пружиной. Ловушка для ящеров — достаточно большая и для человеческой ноги. Нат довольно прищелкнул языком. Пока юная рабыня массировала ему бедро, он обдумывал, какой каре он подвергнет ренегата. Самым простым было — привязать его к пьедесталу и взорвать вместе с каким-нибудь хамелеоном, но это решение, хоть оно и позволяло сберечь драгоценный заряд, подразумевало одинаковую смерть и для человека солнца, и для представителя презренного народа. Каким бы предателем он ни являлся теперь, этот тип, по крайней мере когда-то, был рыцарем. А статус рыцаря предоставлял ему право на благородную смерть... Удастся ли убедить его перерезать себе горло или вскрыть вены на запястье? Нат сомневался.

Перепополняемый противоречивыми чувствами, он снова улегся. События последних минут усилили его тоску. Нехватка времени не позволяла ему устроить показательный суд. Погода портилась, и становилось все более очевидным, что у него не будет случая продолжить свой поиск в еще одном городе. Счастье, если угасающее светило предоставит ему возможность использовать весь его запас динамита в этом возвышающемся впереди «некрополе».

На следующий день, когда солнце достигло зенита, путники пересекли городские ворота.

Открывшаяся им картина была в точности той, что когда-то нарисовал Рацца. Нат счел своим долгом обуздать изумление и остаться равнодушным к живописным проспектам, обрамленным бесчисленными каменными фигурами. Несмотря на наброски, изученные им во время подготовки, Нат в своем воображении предпочитал населять бульвары этих городов созданиями, замершими в повседневных жестах: женщина расчесывает волосы, ребенок подбирает игрушку, всадник вдевает ногу в стремя... Но вместо этого перед ним предстали аллеи, прямые, как струна, пустые тротуары, статуи, выстроившиеся, как на параде, в геометрически-строгие ряды. Словом, сплошная архитектура, и, на первый взгляд, ни одной живой души...

Боа двигалась осторожными шагами, ведя лошадь за поводья. На ее груди покачивался серебряный молоток на цепочке. Время от времени она бросала на Ната короткий взгляд, ожидая приказа. Наконец, юноша сглотнул и остановился перед круглым подножием с хороводом нимф, увенчанных плодами. Их темно-зеленые фигуры, несмотря на каменную неподвижность, дышали гибкостью и страстью. Нат протянул руку и ощутил холодную безжизненную поверхность минерала. Он сосчитал: двенадцать молодых девушек, двенадцать непохожих друг на друга лиц, каждое с особенным выражением, и все до невозможности естественные.

«Одна из них — живая женщина, — подумал Нат; его сердце бешено колотилось. — Одна из двенадцати. Да, но которая?»

Он взобрался на пьедестал, пригнул голову, чтобы пройти под преградой протянутых и переплетенных рук. Оказавшись в центре хоровода, окруженный статуями, Нат ощутил приступ дурноты. Эти лица... Все эти лица, такие... человеческие! Борясь с головокружением, он провел пальцами по изгибам их тел. Почувствовал зернышки острых сосков, нежные морщинки возле губ, сложенных в томные улыбки...

— Боа! — крикнул Нат, чтобы разрушить колдовские чары.

Рабыня вспрыгнула на пьедестал, откинула свои вихры, открывая уши, и коротким движением кисти опустила молоток на каменную поверхность. Раздался хрустальный звон — и тут же умер. Она ударила еще раз, наклонив голову к плечу, словно птица, что пытается определить источник шума. Одну за другой Боа внимательно обследовала каждую статую, порой возвращаясь назад и сравнивая звучание.

Нат не улавливал никакой разницы в тембре. Инстинкт подталкивал его выбрать в качестве жертвы самую красивую нимфу из группы, гибкую, как лиана, чье тело застыло в призывной позе. Но он сразу осознал наивность своего выбора. Ведь вполне вероятно, что эта красавица для того и помещена здесь — чтобы притягивать взгляд охотника и отводить его от истинной цели. Они изваяли этот воплощенный зов плоти, от которого невозможно оторвать глаз, рассчитывая на чувственность искателя и с единственной целью — запутать его!

Нат встряхнулся и принялся изучать другие лица. Гибернанта могло выдать несовершенство: бородавка, крошечная царапина... Если только... Если только скульптор в своем коварстве не воспользовался этими «указателями», чтобы направить врага по ложному

следу. Людям дождя не впервые прибегать к подобным уловкам. Нат глубоко вдохнул, изгоняя мучительное ощущение тяжести в груди.

«Кризис! — подумал он. — Кризис нерешительности...»

Надо было выбирать. Он закрыл глаза, затем открыл их снова. Которую? Самую красивую? Самую невзрачную? Боа презрительно скривилась, заметив его метания. Ветер уносил звуки, приглушал их чистоту. Она никак не могла определиться.

Боа дотронулась рукой до нимфы, сложенной как богиня, и провела молотком справа налево: символ, означающий, что эта статуя вызывает меньше всего доверия.

Нат кивнул и спрыгнул на землю. Подошел к выючной лошади, стал отстегивать ремни, удерживавшие кожаный ящик. Его взгляд, устремленный вверх, обшаривал небо, а в памяти звенело и билось лишь одно слово, похожее на насмешку: «Гулинь! Гулинь!». В воздухе не было видно ни одной птицы.

Нат торопливо отщелкнул замки и откинул крышку ящика. Костяной лопаткой, спрятанной в углублении звукоизолирующего слоя, он отделил кусок розоватого вещества и размял его в ладони.

Подоспевшая Боа закрыла «глухой ящик», пока Нат прилаживал шарик взрывчатой массы между грудей нимфы. На темно-зеленом камне этот розоватый наплыв выглядел чем-то неуместным. Нат отступил и сдвинул пластинку из черного дерева, закрывавшую футляр со свистком. Боа крепко ухватила лошадей за поводья.

Нат поднес к губам кончик костяной трубки и тут же ощутил во рту едкий вкус. «Привкус мертвеца!» — любил, бывало, повторять Тоб.

Нат надул щеки и выдохнул. Не поддающийся описанию звук растаял между его пальцами: нечто, похожее на механическое мяуканье, на крик, недоступный голосовым связкам, жалоба, едва слышная, и в то же время невыносимо реальная.

Там, где стояла нимфа, взвился столб огня, разбив стройный порядок хоровода. Голубоватый искрящийся фонтан, строго вертикальный гейзер, который опал, едва успев возникнуть. Нат расслабил мускулы. Отсутствовало какое-либо движение воздуха, не говоря уж об ударной волне. Разрушительная сила была направлена только вверх. Что же до осколков, то их попросту не осталось. Материя стерлась в порошок и падала на землю в виде неосязаемого пепла. Тот, кто приводил в действие взрывчатку, не испытывал ни малейших затруднений. Ему не нужно было бежать и прятаться в укрытие. Он мог разрушать со всем комфортом... и в свое удовольствие.

Боа по привычке наморщила нос. В хороводе теперь зияла брешь, нарушая круг. Боа запрыгнула на пьедестал и, опустившись на колени, принялась ощупывать пальцами место, где стояла обворожительная нимфа. Внезапно ее лицо озарила улыбка, и она триумфальным жестом подняла руку.

Нату стоило труда не отвернуться при виде ладоней Боа, липких от крови. Он взял себя в руки и в знак победы вскинул кулак. Они не промахнулись! С первой же попытки они смогли правильно выбрать цель! Это была настоящая удача... и хорошее предзнаменование!

Но вскоре энтузиазм угас, и его снова охватило уныние.

* * *

До вечера занятые своей работой, они разрушили еще одиннадцать фигур. Пять раз

следы крови подтверждали, что они не промахнулись. Два исхода остались сомнительными, тогда как в четырех оставшихся случаях пришлось признать, что они стерли в порошок простые статуи. Как только свисток возвратился в свой футляр, на их плечи обрушилась усталость, и на смену охотничьему азарту пришла глубокая апатия.

Боа разбила лагерь и установила рядом с вьюком, в котором хранились водонепроницаемые доспехи, капкан для ящеров. Они привязали лошадей и разместились неподалеку, притворившись, будто настолько изнурены работой, что не способны долго бороться со сном. Впрочем, несмотря на свое желание застигнуть вора, Нат вскоре погрузился в забытье.

На рассвете его разбудил крик. Нат вскочил, запутавшись в складках своего плаща. Боа уже зажгла смоляной факел. Человек, одетый в лохмотья, извивался на земле, пытаясь освободить ногу, зажатую в тиски капкана.

Нат осторожно приблизился, держа меч наготове. Лицо незнакомца терялось под двойной зарослью бороды и волос, столь же грязных, сколь всклокоченных. На нем были лоскуты просмоленной ткани, висящие на кожаных ремнях. Старые каучуковые доспехи охватывали его тело листом расслоившейся резины. Пришедший в негодность шлем скатился на песок.

Это и в самом деле был отступник, к вящей досаде Ната: он все-таки надеялся, что незнакомец больше не вернется, избавив тем самым его, Ната, от необходимости подвергать ренегата ритуальной казни. Однако чужак недооценил своих противников.

Боа подняла факел. Пленник зарычал и бросил в нее горсть песка. Нат смог разглядеть его лицо. На вид незнакомцу было тридцать-сорок лет. Густая растительность не позволяла угадать точнее.

— Хватит дергаться! — приказал Нат. — Ты — человек солнца? И если да, принадлежишь ли ты к ордену искателей, как можно предположить по остаткам твоих доспехов?

Раненый выплюнул ругательство и снова сделал попытку вырваться.

— Несчастный кретин! — задыхаясь, проговорил он. — Вместо того чтобы играть в прокурора, лучше освободи меня! Думаешь, будь я нечувствительным к воде, стал бы я воровать твои каучуковые штаны?

— Так ты подтверждаешь, что ты ренегат?

— Ренегат! — картаво повторил пленник. — Если бы не лодыжка всмятку, я бы рассмеялся. Вели своей суке разомкнуть пружину, пока тиски не дошли до кости!

Вскинув брови, Боа ждала приказа. Нат кивнул, но для безопасности приставил к горлу незнакомца край лезвия. Молодая рабыня достала ключ и ослабила пружину капкана. Две острозубых дуги откинулись в стороны. Мужчина немного отполз. Его лодыжка выглядела сплошным фиолетовым отеком, на котором выступили капли крови.

— Ренегат! — снова усмехнулся он, и его черты исказились от боли. — Паяц несчастный! Давно ли папаша Рацца перестал вытирать тебе сопли?

Нат не стал отвечать на провокацию.

— Из какого ты набора? — осведомился он. — Не думаю, что прошло много сезонов с тех пор, как ты отправился в страну дождей.

— Дай мне что-нибудь перевязать рану. У тебя ведь есть, в твоём новеньком

снаряжении, я успел это заметить. И у меня когда-то был такой же, с иголки, набор всякой всячины... И сундук с одеждой, и сука с отрезанным языком, чтобы мне служить. И я тоже важно дул в свою дудку перед динамитной шашкой... А в одно прекрасное утро настал черед последнего заряда...

— С его помощью ты должен был дать себе забвение и отдых, — наизусть проговорил Нат. — Твоя миссия была кончена. В сезон дождей невозможно выжить, сохранив достоинство, уж лучше смерть...

Он замолчал, осознав непоследовательность собственных слов.

— Невозможно выжить в сезон дождей? — усмехнулся незнакомец. — Идиот! А как же я? Я что, призрак? У меня за плечами восемь сезонов пустынь и джунглей, мальчик! Восемь сезонов под дождем и солнцем! И я до сих пор жив. Нет ничего невозможного, есть хитрецы и есть дураки, вот и все...

Он замолчал. По знаку Ната Боа бросила чужаку горсть корпии, которую тот принял без малейшей благодарности. Пока он обрабатывал рану на ноге, факел хорошенько осветил его лицо. Нат в замешательстве закусил губу. Этот низкий лоб, этот нос с широкими ноздрями пробудили в нем смутное эхо воспоминаний. И особенно кисти... Широкие, узловатые. Ната пронзила уверенность, что когда-то он был близко знаком с отступником.

— Кончено дело! — буркнул раненый. — Уйма времени пройдет, прежде чем я смогу встать на ноги. А если учесть, что надвигаются дожди, это для меня все равно что смертный приговор.

— Ты приговорен уже давно, — оборвал его Нат, опуская лезвие на песок.

— Ты не знаешь, о чем говоришь! — выругался оборванец. — Посмотрим, как ты запоешь, видя, что твои ящики опустошаются, а запас взрывчатки убывает день за днем. Уж я-то знаю! Однажды утром ты просыпаешься и говоришь себе: «Сейчас!». Ты раскладываешь свою рабыню на песке, раздвигаешь ей ноги и имеешь ее. Девственница она или нет — какая разница, если через какие-то три минуты бы оба превратились в пепел! Последний шарик взрывчатки у тебя в кармане, свисток зажат в зубах, и ты думаешь: «Я погибну в момент наслаждения, это будет не так мучительно!». Итак, ты занят своими утехами, забавляешься с девчонкой... и не свистишь. А потом... А потом становится слишком поздно, желание жить сидит в тебе, как болезнь. Тогда ты убираешь свой свисток и начинаешь размышлять.

— Ты кощунствуешь! Замолчи!

— Мой рассказ задевает тебя, а, мальчик? Из твоих приятелей, что пустились в путь одновременно с тобой, сколько, как ты думаешь, подорвут себя? Ты думаешь: все! А я говорю тебе: трое или четверо из дюжины, не больше! Это не означает, что они еще долго протянут, совсем нет! Пережить сезон дождей — это не шутки. Здесь нужна удача, много удачи, да еще сноровка... Ну, а мне помог случай. Если не знать одной хитрости, выжить под ливнями равносильно чуду...

Нат сжал кулаки.

— Твои басни меня не интересуют, — прошипел он. — Ты хочешь выиграть время. Бесполезно: догматы следует чтить. Завтра ты сможешь выбрать: либо ты убьешь себя сам, либо это сделаю я. Иного выхода нет!

Лицо отступника исказилось от ярости.

— Кто ты такой, чтобы решать? Чтобы изображать непреклонность? А ты знаешь, что мой свисток до сих пор при мне? Вот он, смотри! Когда ты резал свой взрывчатый студень, мне было достаточно свистнуть у тебя за спиной! Я ведь был там и наблюдал за вами. Я мог

вас рассеять в пыль! Ты бы и не понял, что умираешь! А я бы забрал девчонку и лошадей, не вступая в стычку с тобой. Это так просто; почему, по-твоему, я этого не сделал?

— Потому что твой свисток больше не свистит? — издевательски бросил Нат, борясь с возрастающей тревогой. — Или потому, что ты опасался вместе с тем уничтожить и доспехи, которые тебя так интересуют?

— Кретин! Я мог свистнуть, когда ты стоял на пьедестале, далеко от вьючных лошадей, с шариком взрывчатки в руке... Нет, я не убил тебя, потому что испытываю жалость к марионеткам Раццы. Он и меня одурачил, как и тебя. Он сделал из меня куклу, но я вовремя очнулся! И ты поступи так же! Дай мне уйти, оставь себе свои доспехи и помни мои слова! Это честный торг: моя жизнь в обмен на совет.

— Ты смеешься!

Нат поднялся, сжимая правой рукой рукоять меча. Левой рукой он сорвал свисток, висевший на шее у незнакомца.

— Посади его на цепь! — приказал он Боа. — Мы займемся им завтра.

Мужчина начал было отбиваться, но, почувствовав у шеи клинок, отказался от сопротивления. Боа защелкнула на его запястьях пару стальных браслетов, а присоединенную к ним цепь с замком обвила вокруг ноги одной из статуй. Затем они удалились, не обращая внимания на брань пленника, который бился, пытаясь освободиться от своих пут.

— Я тебя узнал! — кричал оборванец. — Иди, иди! Любимчик Раццы! Ты — Нат... Его обожаемый Нат, его ученик! Мы ведь встречались, когда ты только начал свою подготовку. Уже тогда все знали, что ты только им и дышишь. Рыцарь! Эта старая обезьяна внушила тебе, что ты рыцарь. Заставила поверить, что ты важная птица, нашептала, что ты влиятелен... Рыцарь! Ты ничто! Всего лишь пешка! Выполняя свою работу, ты служишь его безумию! Освободи меня, и я скажу, как можно выжить. Ты не можешь меня убить! Вспомни: я уже пытался предупредить тебя когда-то давно... Вспомни о гулине! Я Ольмар! Ольмар-разрисованная голова!

Нат вздрогнул, пораженный совпадением. Ольмар! Всего несколько часов назад он вспоминал этого молодого громилу... Он уже хотел было вернуться, но передумал, встретив взгляд Боа.

— Я мог бы тебя уничтожить! — продолжал кричать Ольмар. — Я мог бы засвистеть! Но я этого не сделал!

Вопли пленника сменила мертвая тишина. Нат завернулся в плащ. Смоляной факел угасал, оставляя на земле тонкие следы золы. Юноша поднес к глазам и принялся изучать костяную трубку, принадлежавшую отступнику. Она выглядела неповрежденной, но ведь достаточно такой малости: неразличимой трещины, легкого скола на язычке или на внутреннем цилиндре... Завтра надо будет проверить. Проверить? Хотя зачем? Ольмар не заслуживает смягчения участи. Именно так сказал бы Рацца... или Боа, если бы она могла говорить.

Нат уснул, сжимая свисток в руке, и его резьба отпечаталась на его ладони.

Обитатели пирамид

День встретил их пылающим солнцем, чей диск раскалился до невыносимого жара. Нат был просто счастлив. Сопровождаемый Боа, он проработал далеко за полдень. От прикосновения огненных лучей под слоем его кожи забурлили химические реакции, укрепляя уставшее тело.

Они взорвали уже восемнадцать скульптур. Среди них были драконы, стоящие вдоль подъездной дороги, несколько «богинь», венчавших фальшивые алтари, и даже одна конная статуя на пересечении улиц. Девять жертв оставили после себя следы крови. В остальных случаях невозможно было судить с уверенностью, но как бы то ни было, счет был на стороне искателей.

И все же Нат чувствовал, что им овладела слабость, которая не замедлила перерасти в разочарование. Он пытался подстегнуть, воодушевить себя, повторял себе, что каждая победа здесь хоть немного, но увеличивает шансы на выживание для солнечного народа, но едва слышный насмешливый голос в недрах его сознания нашептывал: «Капля воды, отнятая у моря... Всего лишь капля!».

Вдобавок, внезапно поднялся ветер, а солнце окуталось туманным покрывалом; температура сильно упала. Эта внезапная перемена заставила Ната вздрогнуть; грудь Боа оцетинилась гусиной кожей. Они не оставили своей разрушительной работы, но в качестве мишеней теперь выбирали ящеров, что стояли у входов в храмы, или изваяния, украшавшие лестничные пролеты. Прикосновение свистка к губам уже вызывало у Ната неприятные ощущения.

Статуи исчезали в столбе голубого пламени, оставляя после себя облако крови, камней, или пепла...

После короткого перерыва они управились еще с пятнадцатью фигурами. Однако Боа, после исследования места взрыва, могла удостоверить только шесть побед. Кривая их успеха резко пошла вниз; пожалуй, на сегодня стоило прекратить, чтобы сохранить более или менее достойный результат.

Они убрали инструменты и отправились назад к лагерю, где их ожидал Ольмар, по-прежнему прикованный цепью.

Нат так и не решил, как с ним поступить.

— Это сейчас не самое срочное! — вскользь бросил он утром молодой рабыне. — Сначала дело, а там посмотрим...

Боа ненавидела Ольмара, это было ясно без слов: ненависть сверкала в ее глазах. Если бы Нат приказал ей задушить отступника, она проделала бы это с явным удовольствием.

Они устроились на ночлег, разместившись каждый в песчаном углублении. Сегодняшнее солнце напало на них до пресыщенности, так что они с облегчением решили вообще не принимать этим вечером твердой пищи. Только Ольмар потребовал себе еды.

— Разве тебе не достаточно света? — удивился Нат.

Бывший рыцарь пожал плечами.

— Так-то так, но зимой — если ты хочешь выжить — надо много есть. Жевать и глотать по несколько раз в день. Вот желудок и привыкает, а потом...

Боа бросила ему кусок сушеного мяса, на который он с жадностью накинулся. При этом

зрелище горло Ната сжалось от отвращения. Заворожено глядя на жующего ренегата, Нат вдруг осознал, что тот получает от своего занятия истинное удовольствие.

— Тебе это как будто нравится! — процедил Нат голосом, дрожащим от возмущения.

— И что же? — хмыкнул Ольмар. — Подумай сам: можем ли мы, «отступники», наслаждаться теплом потрескивающих поленьев или загорать в свете отражающих камней? Мечты! На зиму приходится забираться в крысиную нору и жить, завернувшись в просмоленную холстину, чтобы спастись от сырости. Трудновато там развести огонь... Для этого нужны сухие дрова, но на поверхности только зеленые ветки. Да к тому же огонь привлекает драконов, что кружат вокруг городов.

— Подобное существование недостойно рыцаря, лучше смерть!

— Фигляр! Да и убежища бывают разными. Конечно, ниши в скалах, расщелины, в которых спать можно только стоя — в этом веселого мало, но ведь есть еще и гробницы...

— Гробницы?

— Ну, да! Не прикидывайся большим идиотом, чем ты есть! Пирамиды богов-карликов! Люди дождя чтят их; они окружены священными запретами. Драконов приучают не приближаться к ним. Если укрыться в них, имея при себе пару световых камней, то можно спокойно пережить зиму!

Нат поперхнулся от удивления.

— Пирамиды? Но они же крошечные! Разве что ребенок может там поместиться, и только! Ты болтаешь...

— Совсем нет! Ты прав: те пирамиды, что на юге, предназначены для одного; взрослый не может туда залезть. Но на севере встречаются большие некрополи, предназначенные для целых династий! Склепы, настолько просторные, что в них располагается до тридцати саркофагов. Человек с легкостью помещается в такой гробнице. А с запасом отражающих камней, несколькими свечами и небольшим количеством твердой пищи можно смело глядеть в лицо зиме.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А сырость?

— С хорошей броней или непромокаемым спальным мешком из просмоленного полотна, в котором ты валяешься с девчонкой, с безъязыкой рабыней вроде твоей... Обычно они не переживают сезон дождей, и на следующее лето приходится подыскивать другую.

— Подстерегая и обворовывая новых искателей, которые ничего не подозревают!

— Именно, мальчик! Таков закон — кодекс отступника. И мне это удавалось, суди сам: девять сезонов, а я еще цел! Да, мне тоже досталось: на спине и на плечах у меня желатиновые волдыри, но на этом все.

— Ты живешь в одной из пирамид?

Ольмар помрачнел, и его лицо приняло угрюмое выражение.

— Я там жил... Меня выгнали из убежища. Выживать нелегко: новые охотники то и дело появляются, чтобы бросить тебе вызов. Поначалу это были схватки один на один, можно сказать, честная борьба. Теперь они собираются в стаи и готовы перерезать тебе горло среди ночи... Я был вынужден бежать и уступить свое логово трем молодым, хорошо вооруженным парням. Мои запасы, мое оружие — все потеряно.

— Куда ты собирался идти?

— Дальше на север. Говорят, там есть гигантские пирамиды, в которых может разместиться до сотни человек. Если нам удастся сколотить банду, то дело в шляпе!

Нат моргнул.

— Банду? Ты хочешь сказать, что ренегатов настолько много, что из них можно организовать банду?

— Так и есть! Ну, подумай: поколение за поколением искателей засылают в пустыню. Из каждой дюжины в среднем шесть рыцарей отказываются умирать. Сам посчитай! Что ни год, племя выживших увеличивается на пять или шесть человек. Получается целая маленькая армия!

— А что же хамелеоны? Разве они вас не преследуют?

— Я ведь тебе уже объяснил: только не в гробницах; это священные места, к которым никто не смеет приближаться. Даже ящеры держатся от них подальше.

— А ты смог рассмотреть людей дождя? Понаблюдать за ними в их повседневной жизни?

— Немного, в самом начале, пока не разбил свой бинокль. Да там и не было ничего интересного. Они живут как самые обычные люди, разве что воду любят. Гуляют голыми под дождем, едят плоды. Некоторые ваяют скульптуры, чтобы прибавить их к тем, что уже имеются.

— Они режут камень? Но чем?

— Какими-то неизвестными инструментами. Металлическими цилиндрами, которые испускают лучи и заставляют плавиться зеленый минерал.

Нат казался озадаченным.

— Рацца рассказывал нам сказки, — добавил Ольмар, угадав мысли юноши. — Они выглядят ничуть не воинственно. На самом деле они всего лишь защищаются против наших вторжений, вот и все. Их драконы — они вроде собак для отпугивания лисиц, что бродят вокруг курятника. Вероятно, мы единственные хищники на этой планете, понимаешь, Нат?

— Замолчи! Лучше ответь, почему они преклоняются перед пирамидами...

Ольмар пожал плечами.

— Сложно сказать. Их письменность очень отличается от нашей. Зато в гробницах немало рисунков, фресок во всю стену. Насколько я понял, карлики — наши создатели...

— Ты спятил?

— Ничуть! До их появления в мире не было ничего, кроме сезона огня и сезона дождей. Только пустыня и лес, попеременно... Они прибыли на летающих машинах, похожих на ту, что покоится в недрах скалы, и в которой Рацца раздобыл свой динамит. Их наука была очень развита. Они решили создать народ, адаптированный к этой планете, но потерпели неудачу. Их ученым не удалось слепить существо, приспособленное одновременно и к огню, и к воде. У них выходили то люди, любящие зной, но не переносящие воды, то наоборот, но никак не получалась гибридная раса. Тогда у них начались споры. Сформировались две партии. Первая говорила: «Солнце есть основа жизни. Люди огня должны быть единственными обитателями этой планеты». Другая партия возражала: «Ложь! Вода есть уникальный живительный источник. Разве в чреве матери человек не похож на рыбу, погруженную в сосуд? Значит, только люди дождя достойны царствовать здесь!». Разгорелся большой конфликт, они пошли друг на друга войной... и погибли. Остались их детища, два народа-соперника, противостоящих друг другу: люди солнца и хамелеоны.

— Ты прочел все это на стенах гробницы? — Нат засмеялся, чтобы скрыть свою неуверенность.

— Да, я расшифровал рисунки. Их там много, целые сотни. Я не все понял, но, думаю, я

схватил суть. Хамелеоны лучше, чем мы, смогли сберечь научное наследство карликов. Они более сведущи, им известен способ обрабатывать зеленый камень. Возможно, они тоже раздобыли свои инструменты в недрах какого-нибудь космического корабля, как мы обрели взрывчатку, но их знание не столь отвергающее, как наше.

Ольмар устало махнул рукой, и его цепь звякнула.

— Не знаю, зачем я тебе все это рассказываю, — усмехнулся он сквозь зубы. — Ты зашорен до мозга костей. Рацца постарался внушить тебе чувство ненависти, и ему удалось. Он сделал из тебя машину разрушения... Просто машину.

Он съезжился в клубок, повернувшись спиной к своему собеседнику. Нат тоже улегся, положив руки под затылок и устремив взгляд на чадающий факел, установленный на некотором расстоянии от лошадей. Откровения Ольмара внесли разброд в строгий свод правил, преподанных Раццей. В одно мгновение мир предстал перед ним намного более сложным, чем прежде. Чересчур сложным. Уже собираясь закрыть глаза, Нат вдруг уловил взгляд Боа, прикованный к нему. Ее черные зрачки посверкивали от ярости. Это смутило Ната. В чем его могла упрекать рабыня? Какой его промах вызвал эту внезапную злобу? Он пожал плечами и завернулся в плащ. Рыцарю-искателю нет дела до настроений какого-то гидрофага с отрезанным языком!

Рыцарю-искателю...

Он заметил, что титул, которым он когда-то гордился до упоения, теперь вызвал в его душе смутную неловкость, и что рассказ Ольмара сыграл в этой перемене не последнюю роль.

Спал Нат беспокойно; его попеременно тревожили то кошмары, то путаные, неясные сны. Когда он открыл глаза, солнце было уже высоко в небе. Боа все еще спала, завернувшись в покрывало. Нат посмотрел туда, где, привязанный цепью, находился пленник.

Ольмар лежал на спине, раскинув ноги и широко открыв рот. На его горле, от уха до уха, зияла рана; рядом с затылком кровь растеклась по песку коричневой лужей.

Нат поднялся, зажав в руке меч. Безжизненное тело отступника уже успело закоченеть. Руки, скованные наручниками, сжимали рукоятку тонкого кинжала, красную от крови.

Первым чувством Ната было огромное облегчение: Ольмар избрал путь чести и прибег к самоубийству, избавив своего соратника от неприятной необходимости становиться судьей и палачом.

Затем в его душу вкралось сомнение: ренегат ничуть не походил на человека, который способен перерезать себе горло; для подобного жеста необходима решительность, намного превосходящая ту, что требуется, чтобы поднести к губам костяной свисток-детонатор. Однако бывший искатель в свое время не смог воспользоваться даже свистком, дабы положить конец своим дням; как же можно вообразить, что он вдруг нашел в себе мужество зарезаться?

Да и порез казался слишком глубоким и ровным для самоубийцы. Разве возможно, чтобы острая боль от такой раны не заставила его руку дрогнуть?

И Боа, которая — вопреки обыкновению — притворялась спящей беспробудным сном!

Нат скривился. Может ли быть, что молодая рабыня воспользовалась ночной тьмой, чтобы свести счеты с ренегатом? Но почему? Нат вспомнил исполненный упрека взгляд, который она бросила ему накануне вечером. Возможно, своим поступком она хотела дать понять хозяину, что осуждает его нерешительность? Или пыталась уберечь его от

разлагающего влияния Ольмара?

Возможно, она решила преподать ему урок, показать, что она — простая рабыня! — больше предана догмам, чем так называемый рыцарь!

Все еще находясь в замешательстве, Нат высыпал горсть песка на лицо отступника.

Проснувшись, Боа не выказала ни малейшего удивления. Она довольствовалась тем, что сняла с трупа наручники и освободила его от цепи. В этом равнодушии Нат увидел доказательство ее вины, но ни разу на протяжении всего дальнейшего пути он так и не осмелился потребовать объяснения.

Когда за воем ветра, наполнившем город, не стало слышно эха от молотка Боа, путникам пришлось двигаться дальше. Продолжать работу в этих условиях было невозможно.

В поисках более укрытого места они отправились на север. Город позади них являл собой картину разорения. Стройный порядок изгороди из скульптур, изящные изгибы улиц с конными статуями сменились рядами зияющих провалов.

Боа старалась вести точный счет их достижений. Сто двадцать четыре фигуры, несомненно, были живыми существами — хамелеоны обоих полов и драконы. Около тридцати мишеней остались нераспознанными. Прочие оказались камнем. Это был явный успех, и молодая рабыня не скрывала своего удовлетворения. Нат тоже старался выглядеть довольным, но этот обман давался ему нелегко. Он больше не пытался скрыть от самого себя: с тех пор, как Ольмар заронил в его душу яд сомнения, он выполнял свою работу скрепя сердце. В его ушах не переставали звучать слова ренегата: «Они не воинственны. А ты не думал, Нат, что единственные подлинные хищники — это мы?»

...Единственные хищники....

А если Ольмар был прав?

Нат взял за обыкновение ехать в стороне, подальше от пристального взгляда Боа, который неотступно следил за ним сквозь длинные пряди волос, закрывавшие ее лицо. Хоть Нат и не желал себе в этом признаваться, он начинал побаиваться Боа. Она словно состязается с ним в чем-то; но в чем? Хочет показать себя большей роялисткой, чем сам король? Или Рацца велел служанкам-грумам «оберегать» своих хозяев от приступов малодушия, а в случае неудачи — и карать их?

Как понять? Сейчас игра казалась такой сложной и такой... нечестной.

Как бы то ни было, Нат больше не чувствовал себя в безопасности. Его нерешительность, когда речь шла о наказании Ольмара, его снисходительность к отступнику и замешательство, вызванное его, Ольмара, рассказом, сделали Ната подозрительным в глазах Боа. Безупречной Боа! Боа — охранительницы закона!

Он попытался усмехнуться, но смех застрял в его горле.

* * *

Вскоре показался еще один город, лежащий на бесплодной равнине. Среди строений извивался канал; сейчас он был сух. Дельфины и тритоны из зеленого камня отмечали середину фонтанов; вздымая неподвижные плавники, они тянули колесницы, полные морских богов с застывшими улыбками, пустыми глазами.

Этому городу Нат и Боа нанесли еще больший урон, за десять дней развеяв в воздухе двести тридцать семь статуй. Однако доля тех, что не вызвали сомнения, снизилась до одной трети, что заставляло хмуриться Боа, тем более что этот набег полностью опустошил их второй глухой ящик. Запас взрывчатки уменьшался соответственно с кривой их достижений. Нат и сам понимал, что работает кое-как. Он стал рассеянным, цели выбирал

наудачу, пренебрегая мнением Боа, которую такое поведение наполняло скрытым бешенством. Но ему больше не хотелось быть лучшим. Теперь он главным образом уничтожал драконов. Рабыня попыталась призвать его к порядку, мимикой и жестами напомнив ему о приказе Раццы: «Ящеры не столь важны; в расчет идут только те, кто ими управляет». Нат притворился, что не понимает смысла ее пантомимы и с зевком отвернулся. На следующий день он подорвал тридцать пять рептилий, вызвав ненавидящий взгляд Боа.

Терзаемый сомнениями, Нат вдумчиво пересмотрел каждый этап своей жизни. Теперь он отдавал себе отчет, что жрец избрал его не за какие-то моральные качества, а лишь потому, что его желание отомстить и заставить уважать себя делали из него идеального искателя. Опыренный почестями и знаками внимания, что оказывали ему самые высокопоставленные члены клана, Нат в итоге позабыл о цели той комедии, в которой его заставили играть. А ему еще и особенно важно было возвыситься над политической элитой, стать неприкосновенным. Эта жажда уважения вытеснила из памяти и насмешки, которыми встретили смерть Родоса, и позор Оти, приговоренной быть блудницей в яме наслаждений..

Нат желал «убить дракона», уничтожать десятками, сотнями зловещих ящеров, которые стали причиной смерти его матери и Джубы. Он желал...

Он желал так многого... Сегодня он очнулся с чувством, что все эти годы он был только безмозглой марионеткой, которую дергают за веревочки.

Они покинули долину и по руслу высохшего канала двинулись дальше на север. Вскоре на горизонте обрисовались гигантские пирамиды, о которых говорил Ольмар. Здесь лежал еще один город. К крупу вьючной лошади теперь был привязан единственный ящик с взрывчаткой, и Нат понял, что они приближаются к концу своего путешествия.

Город ничем не отличался от предыдущих городов. Воздух свежел, и потому они сразу принялись за работу, не дав себе времени отдохнуть.

Теперь Боа следила за каждым жестом Ната. Знаками она дала ему понять, что он должен действовать расчетливо и брать взрывчатое вещество намного более тонкими порциями. Это и в самом деле был их последний запас. Тросточкой она изобразила на песке результаты своих прикидок: даже при самом умеренном расходе невозможно рассчитывать более чем на сто шестьдесят зарядов. Значит, ни один не должен быть потрачен впустую! Нат вяло согласился и достал свой свисток. Начался новый круг смертельного церемониала...

Они как раз примеривались к группе атлантов, поддерживавших балкон, когда чудовищный удар грома, прокатившийся по равнине, пригвоздил их к месту. Даже Боа остолбенела, открыв рот и остановив на полдороге свой серебряный молоток. Нат вздрогнул и, подняв голову, взгляделся в небо.

Прозвучал новый раскат, блеснула молния, отпечатав на сетчатке юноши зигзаг голубого пламени, но гроза была еще где-то далеко. Нат и Боа застыли в ожидании катастрофы. От страха их ноги будто внезапно налились свинцом.

Прикованные к земле, как статуи к своему пьедесталу, они едва дышали... Затем шок прошел, и к членам вернулась подвижность. Они кинулись к лошадям и принялись доставать каучуковую экипировку, до сей поры сложенную в ящиках. Небесный гонг до сих пор звучал в их ушах. Лето только что испустило последний вздох, и их помертвевшие барабанные перепонки хранили память о расправе над ним. Времени у них оставалось совсем немного. Еще день-два, а затем неторопливые громады облаков заполонят горизонт; горы,

насыщенные водой, заклубятся, скрыв отблеск умирающего солнца. На равнину низвергнется дождь, заструится по зданиям и по статуям...

Дождь...

Нат скользнул в панцирь, одну за другой пристегнул прочие детали облачения. Затем обошел животных, надевая на них намордники, попоны и другие защитные латы. Боа застегивала крепления, гримасничая от нервозности. Лошади фыркали, шумно выдыхали воздух, переступали копытами, сильно недовольные, что их заставили облачиться в эти маскарадные наряды.

Укрыв животных каучуком, Нат и Боа поспешили вернуться к работе. За механическим повторением действий по закладке взрывчатки Нат размышлял о легендах, ходивших среди неофитов. Рассказывали, что гибернанты, еще находясь в облике статуй, ощущают раскат грома как знак скорого освобождения. Глухое эхо пронзает их оболочку и пробуждает свет сознания в оцепенелом мозге.

Они уничтожили три фигуры, но без успеха. Ни одна капля крови не обагрила взрывную воронку, и на лице молодой рабыни явно читалось недовольство.

Отмеряя очередную порцию взрывчатки из запасов в «глухом ящике», Нат краем глаза заметил, как на углу улицы мелькнула чья-то тень. Он прислушался; ему показалось, что он различает приглушенный расстоянием стук копыт. Нат не торопясь снял перчатки, засунул их под седло Кари, отделил слой взрывчатого желатина и левой рукой высвободил два боевых меча, привязанных ремнями. Он действовал медленно, напустив на себя беспечность, которой на деле совсем не испытывал. Прижав клинки к боку, так, чтобы их не было заметно, Нат подошел к Боа и в двух словах сообщил ей об увиденном. Рабыня вскинула брови, недоверчиво и в то же время подозрительно. Вероятно, она решила, что он выдумал эту ложную тревогу с единственной целью протянуть драгоценное время.

Боа резко вырвала у него из рук шарик взрывчатки и сама прикрепила его к животу бородача, играющего на лире. Такая манера поведения граничила с «оскорблением величества». Осмелиться принять решение за рыцаря-искателя, или даже предвосхитить его приказ считалось дерзостью. Подобное пренебрежение протоколом означало, что Боа не относится к своему хозяину с должным почтением, но с недавнего времени Ната слишком мало заботили вопросы субординации.

— Там кто-то есть, — негромко повторил он, вытаскивая меч из ножен черного дерева. — Всадники. Они следят за нами.

Он взобрался на круглый пьедестал, откуда можно было бы отразить атаку, и приказал Боа следовать за ним. Та неохотно подчинилась.

Почти сразу затем на эспланаду ворвалась группа всадников, взметнув облако пыли. Они рассыпались полукругом по площади, перегородив проходы, после чего обуздали лошадей. В поднятом вихре Нат различил не меньше дюжины силуэтов. Воцарилась глухая зловещая тишина, нарушаемая только шорохом клинков, освобождаемых из ножен. Банда состояла из ренегатов; на вид им было лет по сорок; все одеты в лохмотья вроде тех, что носил Ольмар, или замотаны в просмоленные лоскуты, оставляющие пятна на их коже. От доспехов, выданных им двадцать лет назад, теперь остались только бесформенные шлемы. Но оружие они тщательно берегли; лезвия сверкали, словно только что из кузницы.

Нат сделал шаг назад, крепче расставил ноги и поднял меч высоко над головой. Боа последовала его примеру; как всякая хорошая наездница, она отлично владела оружием.

Шайку отступников возглавляли два рыцаря в новых кирасах. Однако опущенные забрала шлемов не позволяли различить их лица. Они выехали вперед, и один из них схватил Кари за узду.

— Как жаль, что ты успел натянуть свои доспехи! — прозвучал насмешливый голос — картавый голос Тоба. — Теперь, наверное, чтобы их снять, придется тебя убить...

Нат вздрогнул. Тоб! А другой? Может ли быть?..

Словно отвечая на его вопрос, второй ренегат поднял забрало, открывая лицо.

— Ульм!

Рыжий парень вызывающе рассмеялся.

— Ну да, Ульм! А будь ты поумнее, ты бы присоединился к нам. Пирамиды достаточно вместительны, чтобы принять еще одного дезертира...

— Или ты идешь с нами, — отрезал Тоб, — или отдаешь нам свое оружие, доспехи, свисток и рабыню.

— Зачем вам свисток?

— Нам нужна взрывчатка, чтобы отпугивать слишком любопытных драконов, а ты не хуже меня знаешь, что детонаторов мало не бывает. В общем, давай...

— Приди и возьми!

— Идиот! Ты правда поверил в басни этой старой обезьяны? — попытался убедить его Ульм. — Все ученики знали о существовании ренегатов!

— Но не я!

— Хватит терять время! — решительно сказал Тоб. — Для начала мы заберем лошадей и поклажу. Затем придется тебя убить; не испортить бы при этом доспехи! Скоро начнется дождь, так что придется обойтись без изысков. А жаль: ты мне никогда не нравился, Нат, и я предпочел бы, чтобы ты умирал медленно.

Они отогнали в сторону Кари и выючную лошадь, к крупу которой был привязан последний герметично закрытый «глухой ящик» со смертельным содержимым. Затем строй налетчиков распался. Большинство из них имели какие-нибудь увечья: оторванные пальцы, глубокие ожоги, язвы, и у всех — студенистые волдыри там, где их кожи коснулись стрелы дождя.

— Вот уж шайка калек, и ты вместе с ней, Тоб! — издевательски крикнул Нат, пытаясь преодолеть свой страх.

Бородатый здоровяк с горящими от ярости глазами отделился от группы.

— Я пережил девятнадцать сезонов дождей! — гаркнул он, подняв выщербленный меч. — Я видел все — и воду, и язвы от этой воды, и зубы драконов! Я знаю, как это бывает, когда держишь в руке взрывчатку, а мимо пролетает гулинь! Все! А ты чем можешь похвастаться, молокосос?

Он особо выделил последние слова. В ослеплении недооценив противника. Нат еще не успел обдумать свои действия, а его рука уже взметнулась в жесте, когда-то тысячу раз повторенном в полумраке пещеры для тренировок. Длинное лезвие, свистнув, описало точный эллипс и, не встретив никакого сопротивления, перерезало бандиту горло. Заливаясь кровью, бородач свалился на землю.

Злобный рев и улюлюканье прокатились по рядам отступников. Масса голов и поднятых мечей пришла в нестройное движение. «Теперь мне точно конец!», — подумал Нат, принимая защитную стойку. И немало удивился, когда понял, что ошибся. Ренегаты бились неумело, используя устаревшую технику. Было очевидно, что ни один из них уже давно не

сражался в настоящей поединке. Не оставалось сомнений, что ночные нападения на спящего противника им привычнее, чем прямое противостояние. У них было мало шансов победить в схватке с Натом и Боа, еще недавно оттачивавшими свое искусство в фехтовальных залах утеса.

Рыцарь и рабыня уже успешно отбили две атаки. Их длинные обоюдоострые клинки разрезали воздух, прочерчивая сверкающий серебром след, заканчивающийся каждый раз облаком алых брызг. Четыре бандита были выбиты из седла и уже не поднялись, затоптанные своими же лошадьми.

Настоящая стена пыли окружала сцену битвы; всадники возникали из этого песчаного тумана, потрясая мечами и выкрикивая проклятия. И вновь свист боевого лезвия срезал их на полном скаку, и их глаза делались стеклянными.

Однако в ходе пятого приступа Боа была ранена в бедро, а затем в плечо. Она упала, в последний момент избежав удара топором. Нат задыхался, его легкие горели. Каучуковые доспехи уже имели порезы в нескольких местах, но толщина резины защитила тело от прикосновения металла. Он попятился, схватил Боа под мышку и помог ей встать. С кожей, липкой от крови, рабыня походила на лягушку, вынутую из сосуда.

— Все в порядке? — выдохнул он.

Вместо ответа она раздраженно высвободилась, униженная тем, что оказалась в положении слабого. Нат вернулся на место. Внезапно перед ним возник Тоб. Он был лучшим бойцом, чем его сообщники, и Нату с ходу пришлось один за одним отбить три ловких удара. Клинок бывшего соученика просвистел около его горла, скользнул по высокому вороту и разрезал цепь, на которой висел свисток. Цилиндрик покатился по пьедесталу и исчез из поля зрения юноши. Острие меча вынудило его отступить и он бедром ударился о статую, возвышающуюся в центре постамента. На мгновение ему показалось, что он вот-вот потеряет равновесие и свалится под копыта лошадей.

Тем не менее, ему удалось отразить атаку. Он поднырнул под защиту Тоба, мощным ударом поразил его в живот и вытащил меч. Тот схватился за гриву лошади, обагрив ее бока потоком крови. Это явилось сигналом к отступлению. Бандиты беспорядочно отхлынули, забрав лошадей убитых. Тоб двинулся за ними, удерживая рукой рану.

Когда пыль рассеялась, и эхо копыт угастро за горизонтом, Нат и Боа вновь остались одни на пьедестале, окруженные трупами в лохмотьях. Кари исчез, равно как и вьючная лошадь, а с ними и весь поисковый инструмент. Испытывая боль в руках, молодой человек опустился на землю и поддержал Боа, которая обильно истекала кровью. Он заставил ее лечь и перетянул ее раны кусками ткани, содранными с убитых. Будь у него набор медикаментов, он попробовал бы сшить края разрывов и остановить кровотечение при помощи подходящей мази, но ящичек с хирургическими инструментами находился сейчас в руках ренегатов.

Ситуация складывалась не блестяще. Подбирая разбросанное оружие, Нат где-то на середине постамента наткнулся на то, что осталось от свистка-детонатора. Растоптанная в пылу схватки, драгоценная костяная трубка превратилась в пригоршню желтоватых осколков. Нат собрал их, сам толком не зная, зачем. Возможно, потому что Рацца когда-то внушил им почтение к этой странной флейте.

В конце концов, он сунул осколки в боковой карман кирасы и опустился на колени рядом с Боа. Она выглядела такой бледной, что он не рискнул перенести ее под своды храма.

От боли волосы рабыни шевелились, словно клубок змей; в этом зрелище было что-то пугающее. Нат отошел на три шага, воткнул меч в землю, соединил руки на гарде и склонил на них голову в молитвенной позе рыцаря-искателя. Он знал, что это положение является частью погребального ритуала, но состояние Боа, ее резкие провалы в беспмятство казались ему предвестниками скорой агонии.

Она и в самом деле не имела ни малейшего шанса выжить. Без должного ухода, да еще в ледяной ночи, которая ускорит процесс физиологического распада. Вот если бы она продержалась до рассвета, утреннее солнце восстановило бы ее энергетические резервы и запустило бы механизмы восстановления тканей, сомкнув зияющие раны, из которых уходила ее жизнь.

Вскоре молодых людей окутала темнота. Нат сжал челюсти, чтобы не стучать зубами. Ему было холодно. Он не знал, что делать дальше. Поиск заканчивался непредвиденным образом; сценарий, разработанный Раццей, пошел вразнос в тот самый миг, когда на сцену выступили ренегаты...

В те времена, когда он был всего лишь неопитом, жрец рисовал ему мир — мир, который существовал только в его воображении, — жестко структурированным: по одну сторону хорошие (рыцари!), по другую — плохие (хамелеоны). Перепутать невозможно, черное и белое, позитив и негатив... Но в реальности, к несчастью, все оказалось не столь упрощенным, и нелегко было понять, кому навесить ярлык врага.

Кто с кем схватился здесь?

* * *

Показались бледные рассветные лучи солнца, и Нат ощутил дрожь облегчения. Еще один день без дождя! К девяти часам жара достигла 75 градусов в тени, к полудню она добралась до отметки в 100 градусов. Нат освободил Боа от бинтов, подставив ее раны дневному огню. Кровотечение остановилось, но девушка все еще дышала слабо, а ее пульс оставался прерывистым.

Нат не двигался, заставив себя сохранять молитвенную позу, несмотря на боль, которая пронзала его затекшие суставы.

Наконец к четверем часам вечера рабыня открыла глаза и смогла приподняться на локте. Раны, казалось, зарубцевались, и кожа ее порозовела. Нат встал, приказав ей не шевелиться. Содрогаюсь от судорог в затекшем теле, Нат заковылял в сторону строений. Он обошел несколько зданий в поисках топлива: приближался вечер. Ему посчастливилось найти какие-то скамейки, которые он расколол в щепки; затем он похоронил трупы, начавшие разлагаться от жары.

Следующую ночь Нат снова провел возле молодой рабыни, поддерживая огонь, чье трепетание ласково согревало их кожу.

Наутро к Боа вернулась ясность сознания. Она без усилий села и изобразила пантомиму почтительной благодарности. Однако Нат уловил смутную уклончивость в хороводе жестов, словно бы рабыня не одобряла поведения своего хозяина. Быть может, она и в самом деле

полагала, что он напрасно потерял время, выхаживая ее, и что лучше было бы добить ее после окончания битвы?

Не зная, как теперь вести себя с ней, Нат на всякий случай показал ей осколки растоптанного свистка. При виде костяных обломков Боа бросила на него пронзительный взгляд, в котором в равной мере были смешаны отчаяние и недоверие. Нат понял, что Боа подозревает, будто он воспользовался ее беспамятством, чтобы разбить детонатор. Его захлестнула волна гнева.

— А для чего он теперь нужен? — раздраженно выкрикнул он. — Для чего? Можешь ты мне сказать? Если вся взрывчатка сейчас в руках у ренегатов!

Боа отвела глаза и вновь улеглась, повернувшись к нему спиной. Нат был так зол, что чуть было не ударил ее.

Чего, в конце концов, она ждала?

Чтобы успокоиться, он целый час бродил по улицам, залитым солнцем, не чувствуя, как разогретая резина доспехов давит ему на плечи. Ночь он провел, ворочаясь с боку на бок, в каком-то дворце с множеством скульптур. В голове его сталкивались сотни логических конструкций, одна противоречивее другой.

Пусть он не мог предугадать внезапное появление бандитов, однако, если бы не их вмешательство, у него была бы еще неделя для завершения его разрушительной миссии. Этот промежуток, бесполезный из-за отсутствия взрывчатки, он, тем не менее, сумеет обратить себе на пользу. «Я должен подготовиться! — повторял он вполголоса. — Перед самоубийством необходимо очистить разум, а это не быстро. Мне нужны эти семь дней. Ни под каким предлогом я не стану торопить события».

Но едва он сформулировал эту мысль, как тут же обвинил себя в недостатке веры: «Ты всего лишь хочешь выиграть время. Ты боишься».

«В любом случае, — неизменно приходил он к выводу, — ритуал нарушен: у меня больше нет инструментов для смерти. А значит, неизвестно, может ли вообще состояться церемония».

Уже разгорался день, а он так и не сомкнул глаз. Боа ждала его там, где он ее оставил: сидела, прислонившись спиной к пьедесталу, послужившему им ареной, и опираясь на свой меч, словно на трость. Все то время, пока Нат поднимался к ней, она не сводила с него пристального взгляда. Наконец, когда он был уже в трех шагах, она извернулась и показала пальцем на статую — какого-то бородатого бога, прижимавшего к груди лиру.

Нат напряг зрение, прослеживая траекторию ее жеста. Ему потребовалась секунда, чтобы различить шарик взрывчатого желатина, который яростная ладонь расплющила на зеленом камне. Тут же в его сознании пронеслись картины недавних событий, и он увидел себя, отмеряющего порцию взрывчатки из ящика, отвязывающего мечи, висящие на седле... Увидел Боа... Именно в этот момент рабыня вырвала у него из рук шарик взрывчатки и прикрепила его к мишени. К тритону с лирой.

Тут на сцену выступили Тоб и его бандиты, и все смешалось... Нат успел позабыть, но Боа, она-то помнила!

Нат пожал плечами. К чему ее упорство, если свисток все равно растоптан под каблуками?

— Чего ты хочешь? — проворчал он. — Мы не можем этого сделать! Без детонатора студень не опаснее заурядного булыжника!

Девушка не двинулась. На ее лице застыла печать решимости столь же жестокой, сколь непостижимой. «Она сошла с ума!» — подумал Нат, делая шаг назад.

Какое-то время они стояли так, лицом к лицу; затем Боа очень медленным движением сунула руку в свою набедренную повязку. Когда она ее вытащила, в ее пальцах что-то сверкнуло — маленький блестящий цилиндр с просверленными дырочками. Невредимый свисток.

Свисток Ольмара...

Ната словно бы ударили. Земля зашаталась под его ногами. Флейта ренегата... О, боги! Он о ней не подумал. Как он мог? Он напрочь забыл о ее существовании; должно быть, он тогда сунул ее в карман, а затем обронил ее в песок на одном из ночлегов... В песок, где ее подобрала Боа.

Нат похолодел. Он почувствовал, что его прижали к стенке, как крысу, которую кошка загнала в тупик. Отступить некуда. Пытаясь унять дрожь, он протянул руку. Последний заряд... Свисток... Полный набор смертоносного арсенала. Все готово для церемонии самоубийства.

Пленники дождя

Они продвигались невыносимо медленно, словно пара стариков. Боа правой рукой опиралась на плечо Ната, и молодой человек задавался вопросом: не является ли подлинной целью этого жеста пресечь всякую попытку бегства с его стороны? В кулаке левой руки, спрятанном между грудями, рабыня сжимала шарик желатина, который она сама, невзирая на свои раны, с трудом отлепила от статуи.

Они поднялись по ступеням храма и очутились на просторной террасе, откуда открывался вид до самого горизонта. В нескольких десятках километров равносторонними треугольниками вырисовывались контуры священных пирамид. Намного дальше солнце изо всех сил пыталось рассеять туман, но плачевный исход этой борьбы уже был очевиден. Даже солнечные лучи теперь казались едва теплыми, неприятными. В глазах Боа пылал безумный огонь, ее ноздри расширялись и сужались со все ускоряющимся ритмом. Подражая своему хозяину, она осматривала горизонт, вглядывалась в объекты, стремясь проникнуться важностью момента. Ее черты горели мрачной страстью, словно всю свою жизнь она жила только ради этой последней минуты.

Нат вздохнул. Теперь причина непонятого упорства девушки явилась ему во всей абсурдности: она жила только для того, чтобы умереть! Только для того, чтобы разделить смерть с рыцарем-искателем, и благодаря этому подняться на ступень вверх в общественной лестнице! Простая рабыня, которую ждал ужасный конец всех женщин-губок, обрела, благодаря Рацце, смысл жизни: добиться величия, что перечеркнет ее униженное положение служанки. В том взрыве, который вскоре поглотит их обоих, она станет равной своему хозяину.

Нат расстегнул подбородный ремень шлема и освободил лицо от резинового забрала. В воздухе не ощущалось никаких особенных запахов (вопреки рассказам, что приближение смерти в разы обостряет чувства). Он понадежнее закрепил меч на бедре и поднес свисток к губам...

Почему он продолжает действовать, словно марионетка? Почему не может разорвать колдовской круг, отказаться принимать эту нелепую смерть? Ну конечно, внушение... Урок, повторенный много раз за прошедшие годы; он укоренился в его мозгу и стал гораздо сильнее, чем его собственный рассудок, сильнее, чем его воля. Урок Раццы.

У него не было силы противостоять ему, его бунт рассыпался под угрозой святотатства. Он вновь превращался в ребенка с его детскими страхами. Словно некие оковы парализовали его мыслительные процессы, и он покорно шел, увлекаемый ложной очевидностью. Он был бессилён...

Боа разминала в пальцах желатиновый шарик. Когда он превратился в рыхлую массу, она, следуя установленному ритуалу, поднесла его ко рту и зажала в зубах. Потом встала на колени у ног Ната, уперлась лбом ему в живот и обвила его руками.

Нат опустил ладони на голову рабыни, и тут же ее напряженные пряди волос выпрямились и обвились вокруг его запястий. Теперь вместе они являли собой единое спаянное ядро разрушительного заряда. Больше ждать было нечего; страх покинул сердце юноши, уступив место оцепенению. Его губы, сжимавшие раствор смертоносной флейты, начали неметь. Голова была пуста; ни единый образ не возникал перед его мысленным взором. Время...

Он задумался, не закрыть ли глаза, после чего сделал вдох. Вдалеке солнце окончательно проиграло битву, и туман превратился в клубящуюся тучу. Авангард армии облаков ступил на завоеванное небо.

«Теперь точно конец!» — подумал Нат.

Руки Боа вокруг его талии усилили свою хватку. Она проявляла нетерпение. Нат закрыл глаза и выдохнул, едва не разрывая себе сонную артерию. Пронзительная нота разорвала пространство, разнеслась далеко по равнине, вызвала гулкое эхо под сводами зданий, прокатилась по безлюдным улицам и затерялась в пустыне.

Ничего не произошло.

Все еще застывший как изваяние, Нат повторил свое действие, породив еще один звук, но взрывчатка в зубах Боа по-прежнему не реагировала. Только теперь Нат понял: Ольмар соврал. Заявив, что сознательно сохранил Натю жизнь, когда тот держал в руках порцию желатина, Ольмар просто заговаривал ему зубы. Он ничего не мог против Ната, поскольку его свисток пришел в негодность. Теперь, будь ты хоть тысячу раз бесстрашен, с этим ничего нельзя поделаться. Незаметная невооруженным глазом трещина изменила тембр маленькой флейты, сделав ее бесполезной! Ольмар не свистнул за спиной бывшего соученика, потому что его свисток ни на что больше не годился!

Ольмар, старый прохвост, который — сам того не зная — только что спас ему жизнь!

Нат расхохотался как безумный; затем смех перерос в приступ икоты, который он, как ни старался, не мог подавить. Ольмар соврал! Ольмар разыгрывал перед ним комедию; друг, исполненный сострадания: «Я сохранил тебе жизнь, а теперь ты сохрани мою!».

Ольмар, каналья!

Нат хохотал, опираясь на свой меч, словно на трость, чтобы не упасть на колени. Боа поднялась; ее глаза сверкали от разочарования. Нат увидел, как она вынула изо рта взрывчатку и спрятала ее в свою набедренную повязку, после чего повернулась к нему спиной и направилась в сторону лестницы. Тогда юноша бессильно упал на каменные плиты, еще два-три раза икнул, затем его веселость сменилась приступом кашля.

Внизу рабыня суетилась с горячностью муравья. Встав на колени возле статуи, она обеими руками разрывала песок, подняв облако желтоватой пыли. На мгновение Нат подумал, что она потеряла рассудок; затем он увидел, как она склонилась над наполовину выкопанным трупом. Он содрогнулся от отвращения. Сумасшедшая! Она сошла с ума! Она собиралась вскрыть могилы, несмотря на зловоние, которое вырывалось из них: а вдруг на телах похороненных ренегатов отыщется свисток на замену? О, боги-карлики! Она никогда не простит ему, что по его вине она упустила свою смерть!

Нат лег на живот, скрестил руки и спрятал в них лицо. Он так устал... Ему хотелось только спать. Небо над ним наливалось серым.

Ближе к вечеру Боа поднялась к нему. Вид у нее был потерянный, а глаза — безумные. Она уселась на корточки возле одной из колонн — отрешенная, колени подняты к подбородку, руки обнимают плечи. Тут Нат заметил, что ее раны открылись и кровотечение возобновилось. Он был немного озадачен тем оборотом, который приняли события, но не сказать, что очень опечален. Горечь вины, донимавшая его вначале, испарилась с наступлением вечера.

— Не отчаивайся! — бросил он Боа. — Есть еще вот что: если гулинь гнездится где-нибудь поблизости, он запросто может запеть и напрямик препроводить нас в рай искателей!

В глазах служанки тут же зажегся слабый свет надежды, и Нат удрученно понял, что она приняла его шутку за чистую монету. Не имея смелости разочаровать ее, он перевернулся на спину и закрыл глаза.

Сквозь сон Нат почувствовал, что Боа улеглась рядом, прильнув к нему стройным телом. Она прижалась животом к его бедру, обтянутому каучуком, а ее правая рука опустилась на грудь юноши. Все это напоминало любовное объятие. Удивленный ее порывом, Нат открыл глаза. На его груди, защищенной кирасой, лежал кулак Боа, в котором, несмотря на предзимние сумерки, нетрудно было различить светлый шарик взрывчатки, зажатый в пальцах. Твердо решив не отступать, Боа теперь ждала крика гуинья!

Так они провели утро следующего дня: распростершись, словно две фигуры на надгробии, соперничая в неподвижности с окружающими статуями. Погода становилась все хуже, и бессильное солнце угадывалось лишь по туманному свечению, пробивающемуся сквозь мрачную пелену облаков.

Около полудня небо содрогнулось от нового удара грома, совсем близко, и между пирамидами вспыхнул и исчез огненный зигзаг. Собирался дождь. Нат поднялся. Что же, гуиню был предоставлен шанс — он им не воспользовался. А теперь слишком поздно: он, Нат, больше не имеет желания умирать во исполнение чьего-то невнятного замысла. В нем поселилось сомнение; тысячи вопросов рвались из него, требуя ответа. И пока ответы не будут получены, миссию поиска придется приостановить. До выяснения подробностей. На этом он будет стоять твердо. Ну, а сейчас самым срочным является найти убежище вне стен города. На пирамиды можно даже не смотреть: ренегаты встретят его там ударом топора. К тому же, ему претила философия отступников. У Ната не было цели выжить любой ценой, он просто не хотел умереть одуроченным. Он желал знать, что скрывается за тем образом дракона, который его научили ненавидеть.

Боа вцепилась фалды его доспехов, пытаясь удержать. Нат оттолкнул ее; как еще поступить с безумной, путающей самоубийство и возвышение по социальной лестнице?

Ему понадобилось около часа, чтобы покинуть город и добраться до каменных насыпей, обозначающих границу, за которой начинается пустыня. События последних дней настолько выбили его из колеи, что он почти не отдавал себе отчета в своих действиях. Боа следовала за ним на расстоянии, не способная — несмотря на открытый мятеж «хозяина» — разорвать нити подчинения, которыми их соединил Рацца.

За то время, пока они петляли среди нагромождения камней, вдалеке трижды прогремели громовые раскаты. Температура упала. Для сына солнца, привыкшего в 80-градусной жаре, теперь было почти холодно.

Наконец Нат нашел то, на что надеялся: узкий проход, расположенный высоко над землей. Он вел в сердцевину природного обелиска, напоминающего дольмен. Оставалась вероятность, хоть и небольшая, что эта нора не будет затоплена первыми ливнями. Нат остановился и выдохнул. Боа с мрачным видом догнала его.

— Послушай, — обратился он к ней, пытаясь говорить спокойным тоном, — твой молоток еще при тебе?

И, заметив недоуменное выражение на лице девушки, уточнил:

— Нам нужен заложник, понимаешь? Я потом тебе объясню. А сейчас нам нужен

хамелеон, гибернант маленького роста, который поместится вместе с нами в этой норе. Возможно, женщина. Пойдем, у нас мало времени.

Боа встряхнулась и подчинилась; язык приказов был единственным языком, который она еще могла понимать. Они вернулись по своим следам, но не пошли дальше пригорода. Здесь Боа принялась обследовать статуи, окаймлявшие аллеи; с закрытыми глазами она вслушивалась в эхо, рождаемое ударами молотка. Нат переступал ногами от нетерпения. Горизонт казался дымно-черным, солнце потонуло в клубах копоти, что прибывали волна за волной.

Заложник... Должно быть, он сошел с ума. Что он с ним будет делать? Нат сам еще не знал, но шестое чувство кричало ему: не пренебрегай этой возможностью.

После получаса колебаний, Боа остановила свой выбор на молодой женщине, играющей на свирели. Миниатюрная, малахитового цвета, она склонила на плечо миловидное личико.

Нат уже терял терпение.

— Она живая, ты уверена? Это не кусок камня?

Боа равнодушно пожалала плечами. Поняв, что настаивать бесполезно, Нат напряг все свои силы, обхватил «скульптуру» за бедра и столкнул ее с пьедестала. Она весила ничуть не больше, чем настоящая женщина, но по твердости не уступала камню.

Взвалив пленницу на спину, он направился обратно к гроту. Шел он с трудом, проваливаясь в мягкий песок по самые щиколотки. Боа плелась позади, не делая ничего, чтобы ему помочь.

Тем временем еще сильнее стемнело, и хотя до вечера было еще далеко, казалось, наступили сумерки. Нат задыхался, его пальцы скользили по зеленому камню, ломая ногти, он едва удерживал свою ношу. В конце концов он упал на колени, и остаток пути вынужден был тащить нимфу, ухватив ее за подмышки, будто труп. Он продвигался спиной вперед, шаг за шагом, оставляя глубокую борозду в песке пустыни — жалкий пахарь, прикованный к самому странному из плугов.

Наконец его плечи уперлись в стену дольмена. Ему пришлось затаскивать пленницу внутрь каменного прохода, куда она провалилась с гулким скрежетом. В изнеможении Нат упал у подножия скалы. Шлем душил его. Он хотел было освободиться от доспехов, стянуть их с себя часть за частью, почувствовать себя легким, обнаженным, но новая небесная канонада заставила его подавить этот импульс. Нат развернулся и замахал руками в сторону Боа, которая бесцельно блуждала среди камней.

— Гроза! — закричал он. — Поторопись! Скорее в убежище!

Рабыня соизволила присоединиться к нему только когда туча, огромная как материк, полностью накрыла их. Нат схватил девушку за талию, бесцеремонно втолкнул ее в лаз, а затем последовал за ней. Подтянувшись на руках, он вниз головой свалился в узкий проход, больно ударившись боками о выступы статуи, оказавшейся там минутой раньше.

Боа протиснулась вглубь туннеля и съежилась там со своим обычным в последние дни безучастным видом. Темно было почти как ночью. Черные как сажа тучи накрыли землю непроницаемой завесой, погрузив ее во тьму. Нат сжал челюсти, чтобы не стучать зубами.

Десять минут спустя разразилась гроза. На пустыню обрушился потоп, размывая песок, прорезая в нем рытвины и каналы. Настоящая стена воды заволокла горизонт и все видимое пространство. Треск стоял, словно миллиарды стальных шариков непрерывно ударялись о гонг. Никогда прежде Нату не доводилось слышать более ужасного грохота.

Час спустя залп дождя поутих, и сквозь водяную стену вновь стали видны очертания города. К счастью, капли падали перпендикулярно земле, и их нора избежала плотного обстрела стихией. Нату удалось взять себя в руки. Но он по-прежнему дрожал от холода — градусов сорок, едва ли больше. Как можно жить в подобном леднике?

Он подполз к Боа и прислонился к каменной стене. Девушка укуталась в свои густые волосы, как в одеяло. Снова перед ней возник этот кошмар — сырость! Снова явился призрак позорной смерти, ожидающей женщин-губок. Она думала, что смогла избежать проклятия, тяготеющего над ее расой — и вот, судьба ее настигла. Ей не выпадет счастья умереть в сверкающем взрыве, как рыцарям-искателям, нет, ей придется до конца выполнять свою «работу» по впитыванию влаги, раздуваться, растягиваться... пока ее органы не взорвутся от перенасыщения... При одной этой мысли Боа чувствовала, как ее мозг сдавливает черная рука безумия.

Нат расслабил напряженные мускулы и попытался спокойно, не поддаваясь панике, обдумать свое положение. Ситуация складывалась отнюдь не блестяще. Они оказались отрезаны от всех, без какой-либо возможности развести огонь, без самого маленького светоусиливающего камешка. Стремительное развитие событий не позволило им даже раздобыть каких-нибудь припасов. Сейчас в их железах содержится достаточно питательной энергии, чтобы продержаться немного, но в таких условиях запасы организма скоро исчерпаются, и что тогда с ними будет?

Нат втянул голову в плечи. «Возможно, было бы лучше, если бы свисток Ольмара не был испорчен?» — прошептал голос глубоко в его сознании.

С этого дня дождь лил, не переставая; его ровный монотонный шум стал настолько привычен, что через какое-то время узники перестали его замечать.

Несколько раз Нат подползал к выходу из норы, но из-за водяных брызг не решался высунуть голову наружу. Было холодно — не больше 25 градусов; в отсутствии огня ночи сделались непереносимы, особенно для сына солнца. От высокой влажности стены покрылись темными пятнами, а груди Боа начали раздуваться. Она стонала во сне, металась, что-то невнятно бормотала. Нат хотел ей помочь, но он не знал, чем.

Первое время он надеялся на затишье, на просветление в непрерывном потоке, которое позволит им добежать до пирамид, но небо не удостоило их этой передышки. Впрочем, не приходилось сомневаться, что едва они окажутся под сводами гробниц, как будут истреблены ренегатами. Нет, с этой стороны спасения ждать не стоило.

Пейзаж снаружи менялся: песок покрылся травой, сначала редкой, затем жалкая растительность обернулась волнистыми лугами, которые ветер прочесывал огромным невидимым гребнем. Из земли показались узловатые, устремленные вверх формы, затем они пустили побеги, похожие на рога, которые, в свою очередь, разветвились на множество маленьких отростков. Нат знал, что эти странные создания называются «деревья» и что они вскоре оденутся облаком шелестящих листьев. День за днем деревьев становилось все больше, они уже покрыли пустыню. На их ветвях появились разноцветные плоды, призванные поддержать существование народа дождя. В зарослях кустарников наливались гроздья ягод; фиолетовая кожица овощей проглядывала то здесь, то там в густом переплетении стеблей.

Нат, ослабевший от голода, сперва подумывал о том, чтобы собрать какие-то из растительных даров и подкрепиться ими, но вспомнил, как ему не раз повторяли: все эти тыквы и другие мясистые завязи до краев наполнены соком, то есть жидкостью, и их употребление может быть опасным для сына солнца. Тогда он предпочел воздержаться, хотя его запас энергии истощался с пугающей быстротой. Лишенный света, он вынужден был питаться вялым мясом, грызть сухое печенье или мучнистые высококалорийные стручки. Ольмар оказался прав: выживание являлось не простым делом; в конечном счете, взорвать себя вместе с последним зарядом было бы куда проще...

* * *

Когда лес встал стеной между городом и горизонтом, первые «статуи» пришли в движение. Вначале это выглядело не слишком зрелищно: конвульсивное сжимание пальцев, дрожь в коленях, внезапное подергивание рта или вскидывание бровей... Уже неделю их беспрерывно поливал дождь, и каменная оболочка, окутывавшая их, дала трещину под притоком гормонов, возвращая их телам природную гибкость. Периоду спячки пришел конец.

Нат с ужасом ждал момента, когда драконы спрыгнут со своих пьедесталов, со зловещим шелестом встопорчат чешую, приняхаются... и ринутся в сторону дольмена. Что

станет он делать, когда в их убежище попытается протиснуться оскаленная пасть? Разумеется, при нем оставался меч, но поможет ли он? И будет ли у него достаточно сил, чтобы ловко орудовать длинным клинком? Нат в этом сомневался.

Не способный придумать запасной вариант, Нат пока довольствовался тем, что следил за медленным пробуждением города, подмечая неуклюжие движения его еще не пришедших в себя жителей. Казалось, они возвращались к жизни толчками, переходя от каменной неподвижности к резкой жестикуляции, чтобы затем вновь впасть в глубокий транс. Нат решил, что у него будет довольно времени, чтобы использовать свою «заложницу». Опираясь на стены, он сдвинул флейтистку, так, чтобы она оказалась в месте, где вода просачивалась сквозь стены. При этом капли, стекая одна за одной, падали на ее лицо — и только на лицо. Он не знал, возможно ли для детей дождя частичное пробуждение, или этот дисбаланс (увлажненная голова и сухое тело) приведет к смерти субъекта. У него не было выбора, он находился в руках судьбы.

В течение следующих дней Боа пережила адские муки. И в самом деле, уровень влажности воздуха давно перешел все границы допустимости.

Нат обратил внимание, как сильно отекала его кожа — а ведь он был защищен каучуком. Перчатки когда-то остались лежать под седлом Кари, и теперь его руки выглядели странно пухлыми. Приходилось со всей очевидностью признать: он раздувается... Как промокашка, как губка. Он раздувается!

На девятый день Боа впала в горячку. Она лежала на спине посреди шевелящегося веера распущенных волос и походила на труп юной девушки со слишком тяжелой грудью, который бросили на корм змеям. Было в этом зрелище что-то мрачное, и Нат лег ничком, чтобы не видеть его.

Той же ночью знакомый скрежет выдернул его из забытья; он проворно откатился на бок — и в то место, где секундой ранее находилось его лицо, вонзился меч! Сначала Нат подумал, что это флейтистка пришла в сознание и вознамерилась его убить, а затем в лунном свете узнал женщину, владевшую клинком — это была никто иная, как Боа! Удивление парализовало его, и он только в последний момент сумел избежать второго удара, направленного в горло. Рабыня испустила хриплый крик; безумие исказило ее черты, превратив лицо в жуткую маску. Широко раскрыв рот, в котором бился обрубок языка, она на свой манер выкрикивала проклятия, немые и свирепые.

Нат отполз в сторону края норы и укрылся за статуей. Теснота их убежища не позволяла свободно действовать мечом, и, несомненно, это спасло Ната. Он отбил локтем неудачный выпад, получив удар по груди плоской частью клинка. Взбешенная неудачей, Боа кинулась на него, собрав последние силы для решающей рукопашной схватки. Безумие придало ей энергию мужчины. Она ногтями заскребла по горлу противника, затем ее пальцы железными тисками вцепились в его кадык. Нат задыхался и отчаянно бил ногами в надежде освободиться. Он догадался, что раны рабыни вновь открылись, потому что капли густой крови стекали по его лбу и попадали ему в рот.

Он напряг мускулы, сцепил кисти в замок и ударил Боа прямо в лицо. Она не моргнув глазом приняла удар и продолжала его душить. Это больше не было женщиной — это был демон, управляемый темной силой. Внезапно Натом овладела уверенность, что ничто не может ему помочь. Его охватил суеверный страх. Боа являлась всего лишь инструментом гнева Раццы, заступником за веру, и он, Нат-святотатец, должен, не противясь, принять свою кару...

Полминуты он колебался между смирением со смертью и сопротивлением, но затем инстинкт самосохранения взял верх. Он ударил со всей силы, на которую был способен. На этот раз Боа ослабила хватку и откатилась назад. Она издала звук, похожий на болезненный вскрик, и вытянулась. Нат приподнялся на локте. Его горло горело огнем, перед глазами мелькали искры. Он вслепую протянул руку и едва не лишился пальцев, натолкнувшись на лезвие, которое торчало из груди рабыни. Боа упала на собственный меч, который застрял под углом 45 градусов к полу: гарда зажата под мышкой у статуи, а обоюдоострый клинок упирался в бедро нимфы. Девушка погибла, пронзенная этим импровизированным копьем.

Какое-то время Нат оставался неподвижен, на грани обморока, затем, стараясь беречь дыхание, привлек к себе и обнял тело рабыни. Он действовал в состоянии полубезумия. Гибель Боа приговаривала его к одиночеству. Теперь он не сомневался: она хотела заставить его заплатить за «предательство». Хотела отомстить за свои обманутые надежды, за то, что он лишил ее сверкающей смерти, о которой она так мечтала...

Когда силы его восстановились, Нат пополз к выходу из туннеля. Следовало похоронить тело, пока драконы еще спят на своих постаментах; потом будет слишком поздно.

Ступив на траву, юноша едва не упал — так ослабели его ноги. Дождь хлестал по каучуку его доспехов, но — несмотря на трещины — броня исправно служила защитой. Нату пришлось приложить усилия, чтобы вытащить из лаза неподвижное тело юной рабыни. Боа, прежде такая легкая, после смерти, казалось, стала тяжелой, как глыба мрамора. Наконец, ему удалось взвалить ее на правое плечо, и, опираясь на меч, словно на трость, Нат направился к лесу.

Прикосновение травы к подошвам наполняло его неодолимым отвращением. Ему чудилось, что он идет по ковру из спящих змей. Мокрая лужайка представлялась ему пропитанной водой шкурой, мехом неведомого зверя, шагнув на который, никогда не достигнешь дна. На коже обнаженных рук ощущалось неприятное покалывание — начинающееся раздражение, которое не замедлит перерасти в боль. Но что он мог поделать, если перчатки остались под седлом у Кари? Голос разума подсказывал ему подходящий выход: «Отрежь волосы Боа, эти густые, непромокаемые пряди; ты сможешь переплести их, как волокна, и изготовить себе рукавицы, которые защитят твои пальцы от дождя!»

Нат отрицательно покачал головой. Никогда он не позволит себе подобного надругательства. Ольмар сделал бы это, не задумываясь, но не он!

В ярости отчаяния Нат схватил меч и принялся копать могилу на опушке леса. Работать было неудобно; лезвие скользило по слою водорослей или застревало в немыслимом переплетении корней, пронизывавших теперь насыщенный водой песок. Нат рыл, рубил, отсекал; мелкие корешки летели во все стороны, но влажная земля то и дело обваливалась, сводя на нет его труды. Его руки, покрытые волдырями, казалось, готовы были треснуть, он уже не чувствовал меча в своих ладонях.

Задыхаясь, с роем черных мошек перед глазами, Нат наконец опустил Боа в яму, и, прежде чем навсегда проститься с ней, закрыл ее осунувшееся лицо длинными прядями волос. Огненные иглы пронизывали его ладони, так, что ему приходилось кусать себе губы, чтобы не застонать. Его руки превратились в два шара из натянутой дрожащей плоти, два мешка бледной кожи, раздутой от боли, на которых уже проявилась сеточка лопнувших сосудов.

Закончив работу, Нат сунул меч под мышку и двинулся назад. Дождь, в конце концов,

проложил себе дорогу по трещинам, которые бороздили поверхность его кирасы, и там, где вода просачивалась, Нат ощущал уколы острой боли. Он сломя голову бросился бежать к своему логову, уже не заботясь об осторожности. Перед глазами его вспыхнул подлинный фейерверк красно-золотых огней, когда он ударился головой о каменную стену. Оглушенный, Нат протиснулся между рук статуи, которая вздрогнула и затрепетала...

Когда он открыл глаза, первое, что он увидел — расплывчатые очертания какого-то предмета, лежащего на полу в нескольких сантиметрах от его лица. Ему понадобилось две минуты, чтобы более или менее сфокусировать зрение, и тогда он со смесью удивления и страха узнал каменную флейту, которую пленная нимфа еще накануне держала в своих пальцах!

Тонкая трубочка с рядом отверстий завораживала. Тот факт, что она находилась на полу, а не возле губ «статуи», означал, что процесс освобождения от скованности не ограничился только лицом. Нат перевернулся на бок; обезображенные руки не слушались его больше. Теперь он чувствовал себя настоящим калекой.

Возле стены, изборожденной ручейками воды, в расслабленной позе лежала молодая женщина. Ее лицу уже почти полностью вернулась живая мягкость, но тело еще оставалось оцепенелым. Капли, не переставая, падали на ее лоб, стекали по щекам и собирались в озерцо между ее грудей. Ее ладони покоилась на бедрах; пальцы била легкая дрожь. Нат хотел было дотронуться до нее, но, взглянув на собственные руки, раздумал. Ему вспомнилось, как Рацца внушал им: «Истинно, они подобны черепахам, но черепахам, которые по собственной воле могут делать свой панцирь твердым или мягким!»

Пока Нат смотрел на нее, нежное лицо в форме сердца исказила краткая судорога, и «нимфа» подняла веки. Нат задержал дыхание. Девушка дождя поглядела на него зелеными радужными глазами — секунды три, не больше — после чего снова впала в забытие.

Нат заметался, не зная, как ему теперь поступать. Его план расстроился. Раньше он рассчитывал, что гибернант не очнется полностью от своего онемения. Он представлял себе лицо из плоти, соединенное с мраморным телом, воображал свою пленницу с живой головой, прикованной к неподвижному туловищу, наполовину человек, наполовину статуя; он думал, что эта ущербность позволит ему приступить к переговорам с позиции силы. Он допустил ошибку. Гибернантам не требовалось полностью погружаться в воду, чтобы очнуться ото сна; достаточно было постоянного увлажнения лишь одной части тела, чтобы запустить общий процесс возвращения гибкости.

Нат вздохнул; его охватила безграничная усталость. Снаружи доносились голоса и песни. Люди дождя спрыгнули со своих цоколей и пьедесталов, сбросив до следующего сезона маски статуй. Женщины и дети резвились среди уже высоких стволов деревьев, собирали плоды и с наслаждением их поглощали. Мужчины раскапывали землю в поисках хозяйственной утвари, спрятанной перед наступлением лета. Скромные домашние сокровища вновь являлись на свет после шести месяцев, проведенных в песке: орудия для обработки земли, грабли, лопаты, серпы, плуги, но также и миски, шпатели, чашки и кувшины. Город мало-помалу переставал быть похожим на некрополь, дома оживали, наполнялись людьми. Жизнь входила в свою колею...

Вечером состоялся большой праздник, отголоски которого долетали до дольмена, но Нату уже было не до зрелищ. Он лежал в глубине лаза в том же положении, что и Боа несколько дней назад. Луна бросала на заросли деревьев металлический свет, и этот отблеск

проникал в убежище как холодное лезвие.

И тут молодая женщина шевельнулась. Она осторожно согнула правую ногу, вытянула правую руку и положила ее на колено. Она двигалась очень медленно, словно недостаток увлажнения, которому она подверглась, частично парализовал ее моторные центры. Наконец, она повернула голову и наклонила ее к своему плечу.

Снова ее глаза вспыхнули радужным светом, от которого Нат вздрогнул. Ее губы странно поморщились, что могло бы сойти за улыбку; она открыла было рот, но слабость взяла свое, и ее челюсти вновь сомкнулись с сухим щелчком. Возможно, у него еще есть время убить пленницу, пока она сбежала и не подняла тревогу?

После недолгого колебания Нат пожал плечами. У него больше не было никакого желания убивать.

Он пролежал до утра, разглядывая свои изуродованные и отныне бесполезные руки.

К рассвету флейтистка обрела достаточно гибкости и настолько пришла в сознание, что смогла сесть, хотя ее движения по-прежнему были замедленными. Привыкший к ее присутствию и уделявший ей не больше внимания, чем какому-то зверьку, Нат буквально впал в ступор, когда она проговорила мелодичным голосом:

— Ты ведь гидрофоб, верно? Убийца... Я впервые встречаю... искателя, «разносчика смерти», как обычно вас здесь называют. Сними-ка шлем...

Сам не зная почему, Нат подчинился. Он наклонил голову и покачал ею слева направо, чтобы стянуть шлем. Наконец, его обнаженное лицо вынырнуло из-под каучуковой маски. Женщина издала звук, похожий на вздох.

— Сколько тебе лет? У тебя есть имя? Или они довольствуются тем, что присваивают вам номера, как машинам?

Нат решил не обращать внимания на ее высокомерный тон и ответил. Огромная усталость сделала его равнодушным к любым насмешкам; он хотел бы сейчас провалиться в бездонный колодец и уснуть, забыть обо всем...

— Почему ты меня похитил? — продолжала расспрашивать зеленокожая женщина. — Ты ранен, болен... Ты, наверное, хотел, чтобы я тебе помогла?

Нат сделал неопределенный жест. И заметил, что женщина смотрит на его искалеченные руки, страдальчески сдвинув брови.

— Тебе очень больно? — спросила она.

И, поскольку он ничего не отвечал, неожиданно добавила:

— Меня зовут Мюсси, мне тридцать шесть лет, или семьдесят два сезона, если тебе так понятнее. Мне сильно повезло.

Затем, без перехода, она снова впала в немое оцепенение, лишь изредка вздрагивая. Сознание вернулось к ней только к полудню, но ее жесты все еще оставались медленными.

— Праздник... — пробормотала она, не открывая глаз. — Ты слышишь? Сначала они оплакивали тех, кого больше нет, кого ваши взрывы превратили в пепел; теперь они воспевают дождь. Почему вы действуете так трусливо? Почему убиваете спящих, которые не могут ни спастись, ни постоять за себя?

— А почему вы натравливаете драконов на наши скалы? — возразил Нат. — Почему заставляете их пожирать женщин и детей?

Мюсси распахнула глаза и выдержала его взгляд.

— Мы их не натравливаем, совсем нет, — сказала она усталым голосом. — Это всего лишь сторожевые собаки, пугала, чья задача — вселить в вас страх и заставить держаться

подальше. Мы не воинственный народ, но многие среди Древних опасаются, что однажды вы предпримете самоубийственный поход посреди сезона дождей, губительный набег, который застанет нас очнувшимися ото сна. Тогда вы с легкостью с нами расправитесь, ведь у нас нет никакого оружия: ни клинков, ни доспехов... Только драконы.

— Этого достаточно, — горько усмехнулся Нат. — Они проникают в наши пещеры, убивают детей, женщин, стариков...

— Это исключительные случаи, я уверена. Ваши старейшины нарочно ожесточают вас! Ведь и среди сторожевых собак иногда встречаются те, что душат кур...

— Мне всегда говорили, что ваша единственная цель — уничтожить всех нас до последнего...

— Глупости! Задумайся на секунду: если бы мы на самом деле этого хотели, мы бы уже давно это сделали. Достаточно было бы в сезон дождей обрушиться на ваши скалы, выставив драконов впереди, и затопить вас струями воды из насосов. Что бы вы смогли сделать? Со своей сверхчувствительностью к жидкости, вы тут же превратились бы в губки. Поверь, война не стоила бы нам ни одной потерянной жизни, и мы ее без труда выиграли бы!

Нат попытался вникнуть в этот довод, хотя от усталости мысли его путались. Он подумал, что, наверное, кажется своей собеседнице умственно отсталым.

— Если ты говоришь правду... — начал он.

— Я говорю правду! — рассердилась женщина, сопроводив свои слова до смешного медленным жестом. — Ваши старейшины не могут смириться с тем, что мы отличаемся от вас, вот и все! Они хотят доказать превосходство людей огня над людьми воды, словно речь идет о какой-то теореме! Их ненависть уходит корнями в историю происхождения наших двух рас, но пора уже забыть эти склоки!

Нату вспомнилась легенда, которую поведал Ольмар, — об ученых-карликах, поставивших себе цель создать расу, способную адаптироваться к обоим сезонам планеты. Он в нескольких словах изложил ее и спросил Мюсси, что она об этом думает.

— Все так и есть, — подтвердила она. — Ты упростил, но фактическая основа верная. Они не справились и смогли лишь создать две расы, генетически и «климатически» противоположные. Останки этих создателей навсегда упокоились в недрах пирамид. Именно они разожгли пламя ненависти. Мы не должны его поддерживать...

— Но вы их почитаете!

— Мы почитаем память о великом замысле, но мы не слепые! Ты думаешь, мы не знаем, что некоторые из ваших прячутся в гробницах во время сезона дождей?

— И никогда не думали избавиться от этих... осквернителей?

— Мы не любим насилия. Чтобы выжить в ваших набегах, мы предпочли единственное средство, не предусматривающее жестокости: пассивную защиту, маскировку. Это не всегда спасает: вы становитесь все более искусными. Но, представь себе, еще ни разу ни один из нас не потребовал организовать карательную экспедицию против вас. Никто не настаивал на репрессиях, и ящеры есть самое ничтожное наказание, какое только можно вообразить, за те потери, на которые вы нас обрекаете! Ты никогда не думал об этом, не так ли? Как ни жаль, я боюсь, что всегда так продолжаться не будет. Однажды миролюбию и жертвенности народа дождя придет конец. Однажды у нас появится вождь, более мстительный, чем его предшественники... Тогда разразится мировая война, и вы ее проиграете, потому что вы слабее, вы менее приспособлены к открытому бою. У вас нет никакой природной защиты от дождя, тогда как наши панцири оберегают нас от солнца, от сухости. Вы менее

адаптированы, однако, как ни странно, более агрессивны. Вы хотите нанести предупредительный удар по расе, которая не покушается на вас! Не скрывается ли за этим воинственным пылом ваших правителей комплекс неполноценности?

Нат усмехнулся:

— Наверное, ты не отдаешь себе в этом отчет, но ты повторяешь рассуждения ваших создателей: мы всего лишь подвид, тогда как вы, люди дождя, представляете собой более высокую ступень эволюции! Мы — слабые, вы — сильные! Возможно, именно в этом подлинная причина той... предупредительной войны: уничтожить вас, пока вы не решили нашу участь, как распоряжаются простыми животными, у которых излишне спрашивать их мнение!

Женщина хотела было возразить, но внезапно провалилась в забытие, словно бы разговор исчерпал всю ее энергию. Нат не замедлил последовать ее примеру. Однако вскоре их разбудил странный шорох; он нарастал, сопровождаясь шумом тяжелого дыхания и хлопаньем крыльев. Юноша перевернулся на бок и попытался схватить меч, но руки отказались ему повиноваться.

— Драконы! — прошептал он пересохшим горлом.

Два дракона с длинными веретенообразными чешуйчатыми телами скользили между каменными насыпями; их морды горели алчностью, а хвосты стегали воздух. Чешуя блестела от дождя. Самец (судя по костяному гребню) раскрыл челюсти, обнажив чудовищные клыки, усеивавшие пасть. Он замер на мгновение, скребя когтями по скале; затем его желтые зрачки заметили вход в нору. Нат привстал на колени, удерживая оружие на согнутых локтях. Кое-как он попытался зажать гарду под мышкой. Он сам понимал, насколько это нелепо и бессмысленно, но у него не оставалось времени придумать иную защиту: ящеры уже осадили дольмен, их цепкие лапы карабкались по стене. Первая разверстая пасть показалась в проеме...

Прежде чем Нат успел броситься вперед, Мюсси приподнялась на локте и издала странный горловой звук, что-то вроде приглушенного мяуканья; голосовые связки ни одного гидрофоба никогда не смогли бы произвести подобного звука. Драконы сразу же развернулись и исчезли среди камней, позабыв о своих агрессивных намерениях. Нат отбросил клинок.

— Они слушаются вас, как собаки! — заключил он с горечью. — Почему же ты не позволила ему сожрать меня?

Мюсси вздохнула.

— Ты еще глупее, чем я думала, — сказала она. — Я же тебе объяснила: мы ненавидим насилие. Разрешить этот спор невозможно, как вскоре невозможным станет сосуществование наших двух рас. Будь уверен, еще немного — и чаша переполнится. В наших рядах уже появились решительно настроенные партии. Если в следующий сезон вы не откажетесь от вашего губительного поиска, ожидайте худшего! Я против войны, я скорее предпочту быть убитой чем убивать самой, но этого мнения придерживаюсь только я, и, кроме того, я не уверена до конца в своей правоте. Остается лишь год, чтобы попытаться что-то сделать, о чем-то договориться. Один год, чтобы избежать уничтожения...

— Что ты имеешь в виду?

— Надо, чтобы ты вернулся в свои скалы, чтобы рассказал правду. Надо бороться, чтобы не допустить операции по истреблению!

— Мне никто не поверит!

— Никто, если ты будешь один. Но если ты сможешь убедить кого-то из ренегатов вернуться с тобой?

— Те, кто прячутся в ваших пирамидах, убьют меня: я им нанес слишком большой урон!

— На востоке есть другие пирамиды. Я могу достать тебе снаряжение, необходимое для выживания: непромокаемую материю, отражающие камни, лошадь, привычную к дождю...

— А ты не боишься, что я сбегу?

— Что мне даст твой медузообразный труп в глубине норы? Я предпочитаю бросить бутылку в море...

Ната охватило сомнение.

— Ведь я не первый, к кому ты обращаешься с подобным... поручением, правда?

Мюсси грустно улыбнулась.

— Правда, не первый. Я состою в одной группе; мы придерживаемся умеренных взглядов, которые сейчас все больше оспариваются. Уже трижды мы захватывали отступников — они заблудились или искали убежища. Каждый раз мы просили их передать это же послание... Но ни у одного не хватило смелости повернуть обратно, возвратиться в родные пещеры и сказать своему народу: «Наши старейшины нам лгут! А истина такова...»

— Почему бы вам не обратиться напрямую? Почему не явиться для переговоров к подножию скалы?

Мюсси содрогнулась.

— Ваши лучники осыплют нас стрелами прежде чем мы успеем открыть рот!

Нат не удержался от торжествующего жеста.

— Вот видишь! Не так уж вы уверены, что именно мы будем разбиты! Вы милостиво предлагаете нам мир, а между тем, сами еще как нуждаетесь в нем!

— Даже если бы и так! — раздраженно воскликнула женщина. — Нет никаких сомнений, что вами постоянно манипулируют. Ты знаешь, почему ваша миссия непременно должна завершиться самоубийством? Потому что те, кто выживут, могут застать наше пробуждение, и тогда им откроется правда: что хамелеоны совсем не чудовища, какими их вам старались описать! Ваше вероятное возвращение несет опасность и для ваших старейшин, и для их учения. Вот почему вам надлежит исчезнуть сразу после выполнения вашей задачи: чтобы не дать вам своими рассказами поставить легенду под сомнение! Так что? Ты принимаешь мое предложение?

Нат больше не колебался.

— А у меня есть выбор? — тихо произнес он. — В любом случае, отправляясь сюда, я был готов умереть. Так пусть лучше моя смерть послужит делу мира, чем делу войны. Но твоя идея нуждается в доработке...

— Это как?

— Если я вернусь один, никто мне не поверит. Даже если со мной будет кто-то из отступников, нам все равно не поверят, потому что сочтут за трусов. Твой замысел может сработать только в одном случае...

— И в каком же?

— Если ты сама отправишься со мной, если ты явишься в пещеры как посланница. К тому же, только ты сможешь не дать драконам сожрать меня в пути. Сама видишь: мои руки больше ни к чему не способны; если на меня нападут, я буду не в состоянии защититься. Необходимо, чтобы ты пошла со мной. Только ты, я повторяю, сможешь придать видимость правды моим словам.

Мюсси закрыла глаза; ее губы дрогнули. И спустя одну бесконечную минуту...

— Хорошо! — выдохнула она каким-то другим голосом. — Вероятно, это и в самом деле единственный выход. И если мне придется умереть, то по крайней мере я не умру во сне при следующей гибернации!

Нат почувствовал облегчение. Какое-то время они не мигая смотрели друг на друга.

— Придется нелегко, ты это знаешь! — прошептал юноша.

— Я знаю. Возможно, нас убьют, но главное, чтобы мы успели сказать. Посеять сомнение. Только об этом стоит думать. Пусть из ста человек, которые нас услышат, хотя бы двое подумают: «А что, если они говорят правду?»»

Два дня спустя к Мюсси полностью возвратилась гибкость. Она выбралась из норы и полдня где-то пропадала. Вернувшись, она принесла с собой светоусиливающие камни и масляную лампу, благодаря которым Нат смог восстановить свои силы.

Чуть позднее она провела сквозь каменный лабиринт двух лошадей, приспособленных к существованию в постоянной сырости и снаряженных для долгой поездки.

— Их седельные сумки набиты свечами, кристаллами, просмоленной тканью — отчиталась она. — Но не стоит больше задерживаться: мои сборы разбудили подозрения, и нас могут попытаться задержать... Я тебе говорила: не все благосклонно относятся к посреднической деятельности моей группы.

Она одну за другой обернула распухшие руки Ната в непромокаемую ткань, затем принялась заделывать трещины на его кирасе при помощи жидкой смолы.

К наступлению ночи все приготовления были завершены. Когда сквозь облака пробился рассеянный свет луны, они, не обменявшись ни словом, сели в седла и направились в путь через лес. Теперь они оба превратились в отступников. Отступников во имя мира.

Больше книг на сайте - Knigolub.net